Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

No 36

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 36 Нью-Йорк Август 1984

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

—

Editor
Nicholas W. Koziakin

—

Administrator
Eugene Girs
85-59, 88th Street
Woodhaven, N. Y.
11421

—

ОГЛАВЛЕНИЕ

Религиозные живопись и иконопись.

В истории развития живописи особое место занимает так называемая «Религиозная живопись».

Принято, однако, смешивать два понятия. Называют религиозным искусством все, что тематически связано с христианским культом. Между тем выделено должно быть то, что входит непременной частью в самый культ, — будучи достойным составлять предмет культового почитания.

Слово «икона» по гречески значит — «портрет». Графическое изображение Иисуса Христа, Божией Матери, Ангелов и Святых, канонизованных Церковью, в специальной технике и с соблюдением канонических правил — вот что есть «икона», и в религиозном и в иконографическом смысле.

Монументальная иконография — фреска имеет бо́льшую каноническую свободу, но все же подчинена религиозно-творческой цензуре, вне которой перестает быть предметом религиозного искусства.

Некоторые утверждают, будто античное искусство Греции и Рима было как бы школой для возникновения византийского искусства. О такой связи можно говорить, когда дело касается пластических искусств, имевших в основании своем не христианскую, а языческую идею. Если же взять греческую культовую мифологию, хотя бы картины, обнаруженныя в раскопках Помпеи, то кажется, что помпейские художники ближе к художникам Ренессанса, чем к своим, казалось бы, историческим соседям, византийским художникам.

Не только светская, но и так называемая «религиозная живопись» корифеев Ренессанса целиком питается идеями античного искусства Греции и Рима. Художники Ренессанса, несмотря на исключительную одаренность и добросовестные попытки, не смогли преодолеть языческого атавизма. Объяснение этому может быть найдено только в аспекте духа, Христианское религиозное искусство, развившееся в Византии, а затем и в русской Православной Церкви, явилось выражением духовного самоуглубления. Тематикой, как таковой, еще не определяется подлинное религиозное искусство, и это даже несмотря на видимый пафос, который может явиться в результате экстатического состояния, не свойственного истинной христианской религиозности.

Одна и та же религиозная тема совершенно по разному обрабатывается художниками итальянской школы и художни-

ками школы византийской. Так например, «Тайная Вечеря» в изображении великих итальянцев, Леонардо да Винчи, Тициана, Тинторетто, настолько подчинена задачам реалистическаго толкования, что совершенно утрачивается религиóзная идея.

Леонардо да Винчи, задумывая композицию фрески, останавливается на сказанных Спасителем словах «Один из вас предаст Меня...». Этой короткой фразой вызывается взрыв возбуждения, даже негодования. Апостол Фома допускает дерзкий жест, который употребляется в обиходе горячего спора: выкинутый вверх указательный палец... Бесцеремонны жесты Апостола Петра и Апостола Иакова, показывающих пальцами на Спасителя. Такую же протестующую группу, полную движения, образуют Апостолы Матфей, Фаддей и Симон.

Реалистическое толкование снижает событие величайшего Таинства на степень эпизода в интимном кругу учеников. Искажена мистическая сущность события.

Другой величайший художник Тициан, дважды пишет Тайную Вечерю. Первую в 1544 г. в Урбино, в Палаццо Дукано, а вторую в 1567 г. в Испании, в Эскуриано. В последней он целиком, повторяя композицию Ленардо да Винчи, решает ее более удачно. Жестикуляция Апостолов более сдержана, не так вызывающа, их поведение заметно почтительнее по отношению к Учителю. Но и эти композиции грешат перегруженностью бытовыми деталями, как то: собачка под столом, курочка пьющая воду из чана, убранство стола и т. д. У Тинторетто мы находим несколько решений темы «Тайная Вечеря». В одной из них сцена так заполнена движением, что зритель получает впечатление о происходящем крайне бурном инциденте.

Ничего подобного нельзя увидеть в работах художников-иконописцев Византийской школы. Возьмем, как образец «Тайной Вечери», икону 14-го века русской школы. Икона эта двучастная, т. е. состоит из двух частей, отвечающих двум моментам события, равным по своему значению. Первый момент — Спаситель преломляет Апостолам хлеб. Второй — Спаситель преподает вино.

Нет никаких аксессуаров накрытого стола, нет подробностей быта. Декоративность условна, спокоен ритм фигур, согбенных в благоговении перед Таинством и Учителем. Мы непосредственно чувствуем всю Святость и воспринимаем мистическую сущность происходящего события.

Язык символов оказывается единственно уместным в религиозной тематике.

Высшие религиозные истины, по своей мистической сущности, далеки от привычных форм нашего сознания. Поэтому их воспринять можно исключительно лишь в форме символической. Единственным средством изображения их может быть поэтому только графика, ибо она сама символична.

Первые художники-иконописцы византийской школы, как и все последующие школы иконописи, совершенно правильно выбирали графическое толкование, как средство для передачи истин мира духовного.

Экспрессионизм символов есть подлинный язык всякой религии, и чем богаче культ, тем этот язык становится выразительнее.

Здесь мы должны сказать несколько слов о творческих принципах и канонах византийского религиозного искусства. Должно нарочито отметить, что высшие достижения в иконописи были даны художниками-монахами, как в Византии, так и в последующих школах — итало-греческой, сербско-византийской и, особенно, в русской. Это указывает на то, что в творчестве религиозном необходима соответствующая настроенность автора, его религиозно-нравственная воспитанность и его религиозная одаренность.

Согласно постановлениям 7-го Вселенского Собора, завершившего период иконоборчества, были выработаны специальные правила для исполнения изографами икон и религиозных фресок. Особенно строги правила иконописания. Монах должен поститься. Он приступает к работе, совершая соответствующие моления. И так остается в продолжении всей работы. Для человека верующего это — необходимое условие его творческой работы. Его дух целиком сосредоточивается в религиозно-творческом подъеме. Все душевные страсти должны исчезнуть. Житейские огорчения, радости, раздражение, смех, горечь обиды, тщеславие и пр. и пр., чего так много в нашей обыденной жизни — ничто это не должно иметь места в мастерской иконописца. Не даром наивысший взлет русской школы достигнут монахами Даниилом Черным, Дионисием, Алипием, преподобным Андреем Рублевым и многими, многими другими художниками-изографами, создавшими целые школы на протяжении времени от XII по XVI век.

Бесстрастность — вернейший признак настоящей иконописи. Не может быть в иконе ничего, кроме покорности воле

Божией и молитвенного предстояния перед Престолом Всевышнего. Икона сохраняет лишь подобие мира реального, вещественного, внушая идею о высшей духовной реальности. Анатомически-диспропорциональная удлиненность фигур, с подчеркнутым ритмом в движении и в складках одежд, с условными чертами лиц-портретов и т. д. и т. д. — все это делает икону чем-то совершенно не похожим на обычную живопись.

Сравнивая это с тем, что мы толко что видели на примерах Ренессанса, мы не можем не констатировать громадную разницу между живописью и иконописью, а следовательно и между живописцами и иконописцами. Первые, оторвавшись от собственно религиозного искусства — принесенного из Византии — и вернувшись к источникам языческого античного искусства, явили громадный творческий размах в пределах трехмерного мира, во всей полноте его плотской красоты и его душевных эмоций. Иконописец, родившийся из преодоления языческой философии и культуры, должен был совершенно порвать с античной традицией, чтобы создать свой особый язык христианского религиозного искусства.

Сравнивая между собой таких корифеев живописи Ренессанса, как Леонардо да Винчи, Тициана, Микель Анджело, Рафаеля, Тинторетто, Джорджоно, Фра Анджелико, мы увидим, что первый из них, прославленный своим разносторонним гением, а именно Леонардо да Винчи, был наименее всех их религиозно одарен. Кроме того, по его собственному признанию, отмеченному у Вазари, он «слишком много в живописи обижал Бога и людей». Его горячее и глубокое раскаяние в этом перед смертью есть лучшее свидетельство тому, что мы здесь утверждаем, т. е., что его искусство не было религиозным.

Так, он позволил себе написать с одним и тем же выражением и с той же жестикуляцией и лицом, Св. Иоанна Крестителя и — Вакха. В том же ракурсе и с тем же лицом, Божию Матерь (Верджине делле Рокке) и —Леду. То же лицо, но с загадочно-двусмысленной улыбкой, мы встречаем в знаменитой его «Монне Лизе» (Джоконда — т. е. Радостная) — и у свв. Анны и Флоры.

Известно, что великий Микель Анджело глубоко возмущался подобной трактовкой религиозных сюжетов, не щадя эпитетов для великого коллеги. Он даже не пожелал остаться в одном городе с «таким атеистом». По имеющимся данным,

один из его наиболее талантливых учеников, Джованни Бальтраффио, наблюдая его почти насмешливое отношение к христианской тематике, испытывал крайнюю душевную подавленность и кончил свою жизнь трагически, покончив с собой.

Иоанн Креститель великого Леонардо, с жестом правой руки с вытянутым пальцем и вызывающим смехом — слишком плотски жизнерадостен и обыкновенен по человечески, чтобы быть Предтечей Спасителя, неустанно повторявшим: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное», и о котором Спаситель сказал: «Нет больше его из рожденных женами».

Живопись на религиозные темы великого Тициана значительно выше по своей реальной правде, чем у Леонардо. Но и здесь мы часто наблюдаем дань плотской радости и красоте.

Подобные избражения святых совершенно немыслимы для икнописца византийской школы. Известно. что художники Ренессанса широко пользовались моделями, с которых списывали нужный им образ, претворяя их в живопись на религиозные темы. Принцип-то естественный для реалистической итальянской школы, но он непредставим для иконописца византийской школы. Встреча Спасителя, после Воскресения, с Марией Магдалиной композиционно схожа у Тициана с иконописцами. Но как удалены эти изображения друг от друга по своему выражению. Вообще свобода творческого воображения живописцев Ренессанса не знает ограничений. Это касается и выбора религиозной тематики. Так, можно видеть у многих изображение воскресшего Спасителя из Гроба, то-есть в самый момент Воскресения, которого фактически никто не мог видеть, и не видел.

В Византийской иконографии, как и в русской школе иконописцев, подобных изображений не существует. Лишь художники нашего века, подражая итальянцам, пишут то же и теми же средствами. В конце XVIII века и в XIX веке, когда в России итальянская школа живописцев целиком подчинила своему влиянию, высшее общество, и русских художников, иконопись в точном смысле слова, как будто, перестала существовать. Ее можно было найти лишь в глухих провинциях необъятной страны, где, иногда, можно было встретить любовное оберегание русской старины.

Возникший затем интерес археологов и историков искусства к Византии, а равно и к национальной нашей школе, не мог не привлечь к ним внимание и художников. Некоторые из них, недостаточно поняв проблематику религиозного искус-

ства, сделали неудачные попытки создать некий собственный стиль иконописания. Известные в России художники — Васнецов, Нестеров, Ижакевич и др., расписали несколько церквей в своем собственном стиле. Они удовлетворяли современное им общество пышностью форм и красочным богатством. При более же внимательном рассмотрении их творений компетентной критикой, попытки эти были признаны несостоятельными. Оттенок сусальной слащавости делал псевдо-религиозной Нестеровскую живопись по сравнению с правдивой глубиной и серьезностью мастеров XIV-XV веков, создавших религиозное искусство большого стиля. Васнецов, имевший ту же претензию создать национальный стиль иконы, ничего кроме надуманной псевдо-мистики не дал. Его работы не могли подняться до высоты реализма Ренессанса, достичь его размаха и силы. Но далеки они оказались и от настоящего религиозного искусства, от иконописи, став чем-то средним, находящимся иногда едва ли не на уровне «сказочной» иллюстрации.

Искусство же иконописи, как некое прикладное искусство промышленного характера, обрело себе место лишь в селах Палех, Мстыри и некоторых других.

С приходом к власти, после революции в России, коммунистов, правительство запретило писание икон, но предписало работать имеющимся специалистам в той же технике, но — с партийно-коммунистической тематикой. Мастера Палеха давали иногда довольно своеобразные иллюстрации на указанные темы. Применение иконописной техники со всеми ее классическими правилами к подобным работам явило, однако, себя оскорбительной бессмыслицей. Пляшущие на лугу крестьяне или колхозники, посевные машины и т. п. становились декоративно-бессмысленной композицией. Кощунственно насилуемое искусство мстит за себя эксплуатирующему его невежеству.

Несомненен общий культурный кризис, переживаемый нами, как результат прежде всего религиозного кризиса. Характерно появление философии Шпенглера и его труда «Закат Европы». Говорит почти в унисон с ним испанский философ Ортега. Нота пессимизма свойственна ныне всем сколько-нибудь вдумчивым мыслителям. И она лишь укрепляется нагромождающимися фактами сегодняшнего дня. Это не должно лишать нас веры в потенциальные силы человечества, могущие его вновь поднять в морально-религиозном, а следова-

тельно и культурном отношениях. Не должно ли обнадеживать нас то, что все чаще мы обращаем наш взор назад в те века, которые давали в христианстве наивысшие взлеты Духа?

Симптоматичен в этих поисках и интерес, проявляемый учеными искусствоведами и археологами, историками и художниками к Византийской истории. Этот интерес, начавшийся у нас во второй половине XIX века, перебросился и в Европу, где воплотился в ряде научных трудов большой ценности. Вспомним с благодарностью имена Муратова, Кондакова, Успенского и др.

Несомненен и интерес к нашей русской иконе. Это можно только приветствовать. Но, конечно, мало что можно ждать от одного только научно-исследовательского и эстетического интереса. Если что имеет действительное значение, так это возрождение истинной иконописи в православной среде. Оно может быть рассматриваемо, как признак духовного возрождения.

Сант-Яго. **Сергей Байкалов-Латышев.**
1961 г.

Л. В. Сердаковский

Чему Господь свидетелем меня поставил.

Вступление

Батумский поезд медленно тронулся, постепенно набирая ход. На перроне было мало народу; высокая фигура моей матери и рядом с ней маленькая бабушка становились все меньше и меньше. Мать все время крестила меня, как это поколениями делали матери российского служилого сословия, расставаясь со своими близкими. Мне только что исполнилось 16 лет, и мысль, что может быть я вижу мать в последний раз, не приходила мне в голову. Уплыл вокзал, замелькали окраины «Тбилис-калаки» — «Жаркого города», уменьшалась и гора Мтацминда с ее фуникулером и церковью Св. Давида. В ограде этой церкви похоронены Грибоедов, растерзанный в 1829 году персидской чернью в Тегеране, и его юная красавица-жена, на всю жизнь оставшаяся верной своей первой девичьей любви. Этот исторический символ русско-грузинской близости на фоне долин Грузии и гор Кавказа живет в моей памяти. Говорят, что воспоминания детства и любовь к родному очагу особенно сильны у славян и семитов. Веро-

ятно, так оно и есть. Последующие впечатления не заслонили у меня ни Судебную улицу в Тифлисе с видом на арсенал, ни «Замок коварства и любви» около Кисловодска, ни красоту весеннего разлива Волги. В своем длительном жизненном путешествии я видел много стран и встречал много разных людей, от королей и патриархов до кочевых бедуинов Иудеи и диких индейцев Мексики. Я хочу поделиться тем, что я видел за 75 лет своей жизни, с поколениями нашей Великой Страны.

Глава 1. Там, где был прикован Прометей

Выстрел Гаврила Принципа в Сараево в 1914 году оказался смертельным не только для австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены, но и для четырех монархий: Германской, Австрийской, Оттоманской и Российской. А символический залп «Авроры» по Зимнему дворцу 25 октября 1917 г. открыл совсем новую главу в мировой истории. Эта глава до сих пор еще не закончена. От того, как она закончится, зависит судьба не только России, но и всей, так называемой, западной цивилизации. Запад достиг небывалого технического прогресса, но заблудился в трех соснах: страхе мировой ядерной катастрофы, в неспособности преодолеть свой эгоистический материализм с его спутниками, инфляцией и анархией, и завистливом фанатизме «младших братьев». Быть или не быть человечеству на маленьком небесном светиле, называемом Землей, зависит от того, удастся ли разрешить эти проблемы в ближайшие десятилетия, если не годы.

У кого-то из скандинавских писателей, кажется, у Кнута Гамсуна, есть описание небольшого русского города. Автор восхищается окружающими его горами, обилием зелени, чистотой улиц, тем, что жители умываются не из таза, как это было тогда принято в просвещенной Европе, а из подвешенного умывальника. Автор не называет города, но поскольку упоминает городской парк «Трэк», догадаться нетрудно, что это Владикавказ, само название которого напоминает кем и для чего он был построен. После революции по мановению левой ноги Сталина город был переименован в Орджоникидзе в честь партийного друга диктатора, фельдшера Серго Орджоникидзе, таинственно умершего в 1937 году. В маленьком Владикавказе стоял непропорционально большой гарнизон. Там была стоянка 81-го пехотного Апшеронского Императрицы Екатерины Второй полка, одного из славнейших кавказ-

ских полков. За боевые заслуги Апшеронцы получили особое отличие — красные отвороты на сапогах — «по колено в крови» не только неприятельской, но и своей собственной, которую не жалели. Там же до конца 19-го столетия стоял и Северский драгунский полк, в котором от корнетского до полковничьего чина служил мой отец. В 1903 г. отец был назначен командиром Отдельного Осетинского дивизиона, также стоявшего во Владикавказе, где я и родился. Я смутно помню свое раннее детство. Сохранились лишь отрывочные картины: Александровский проспект с тополевой аллеей посредине, Трэк с прудами и видом на Кавказский хребет, памятник рядовому Тенгинского полка Архипу Осипову. Его имя всегда вызывалось на поверке, и правофланговый второй шеренги отвечал: «Погиб во славу русского оружия при защите укрепления Михайловского». Помню свою старенькую няню с морщинистым чисто русским лицом, поездки с нею и родителями в казенном экипаже, полагавшемся командиру отдельной части; наших близких друзей — персидского консула Давуд-Хана и его сестру Сара Ханум, говорившую по-русски и по-грузински лучше чем на фарси; усатого толстяка генерала Ржевусского (в царской армии служило много поляков, особенно в кавалерии); вид на Столовую гору, налетевшую горную грозу, захватившую нас на Военно-Грузинской дороге. Не помню ни дома, ни квартиры, в которой мы жили. Я был крещен в гарнизонной церкви, о чем мне много лет спустя рассказывал в Белграде доблестный апшеронец и георгиевский кавалер генерал Осипов. Он же рассказал мне об эпизоде, иллюстрирующем быт и традиции кавказских полков. Апшеронцы и Северцы были «кунаками», то есть боевыми братьями. Когда Северцев перевели в Александрополь в Армении, во Владикавказе был отслужен торжественный напутственный молебен, на котором присутствовали все военные и гражданские власти города, весь гарнизон и, вообще, «весь Владикавказ». Общее недоумение вызвало отсутствие апшеронцев. Ни одного человека! Огорченные Северцы тронулись походным порядком по Военно-Грузинской дороге. У деревни Балта вдруг из-за скал грянул полковой марш северцев и ура апшеронцев. Тут же оказались разостланные скатерти с обильной закуской и традиционным кахетинским вином. Оказывается апшеронцы бесшумно вышли ночью из города, чтобы приветствовать своих кунаков прощальной чарой на первом привале. Долго тут звучала военная музыка

апшеронцев и драгунский хор трубачей, тосты, полковые и застольные кавказские песни — «Мравалджамие», «Аллаверды», «Хмерто небос» — грузинский подлинник «Молись, кунак» и другие. Для участников это были незабываемые минуты.

Скептики и маловеры скажут, что все это — военная романтика, отзвуки потонувшего мира, ушедшего раз и навсегда. Верно и неверно. Верно потому, что исчезла классовая и культурная среда, питавшая офицерский состав старой армии, как исчез и весь ведущий слой — и правящий и оппозиционный — Российской Империи. Неверно потому, что народная память хранит исторические традиции прошлого, а это есть залог национального возрождения. Чем больше лет отделяет русские поколения от позора «великой бескровной» революции Февраля и от кровавой бойни Октября, тем больше растет интерес, особенно молодежи, к тому, что было до революции, как и чем жили их деды и прадеды. Это не рефлекс пугающего иностранцев «исторического русского империализма», а проявление общечеловеческих ценностей, памяти о родной земле и интерес к ее истории и культуре. Здоровый эгоизм не исключает, а наоборот — усиливает связь индивидуума со своей семьей, народом и отечеством, и через них со всем человечеством. Перед лицом этих общечеловеческих ценностей набившее оскомину бормотанье о международном пролетариате без роду и племени, и о непримиримой классовой борьбе встает во всей своей убогой наготе.

Вскоре отец вышел в отставку, и мы переехали в Тифлис, родной город моей матери-грузинки. Древняя столица Грузии была административным центром Кавказа и, по существу, после Петербурга, Москвы и Варшавы четвертой столицей Российской Империи. В Тифлисе встречались Восток и Запад, шло живописное смешение разных народов, языков, обычаев и костюмов. Руские старожилы говорили с грузинским акцентом, грузины без всякого давления сверху сокращали свои фамилии на русский лад, армяне, пользуясь экономической свободой, богатели. Горская молодежь увлекалась русскими классиками, очарованными «нашим» Кавказом. Вчерашние подданные персидского шаха становились русскими инженерами, а немецкие и польские пришельцы — уездными начальниками и командирами рот и эскадронов. Романтика была не только в природе и в книгах Немирович-Данченко, Чарской и Желиховской, но и в быту. Знаменитый разбойник

Зелим-хан, предпочитая грабить богатых, появлялся переодетым то муллой, то генералом, и был популярен у крестьян, которые помогали ему скрываться. Зато политические разбойники как Коба-Сосо Джугашвили-Сталин и его товарищи выполняли партийные задания не романтическим, а уголовным способом, добывая деньги для большевиков ограблениями казначейства и убийством стражников.

Тифлис был не только административным центром края, но и столицей Кавказа. Тут был свой «двор» при наместнике, каковым много лет состоял сын Императора Николая Первого, Великий Князь Михаил Николаевич; была своя «гвардия» — кавказские гренадеры и кавказские драгуны, был по-своему шикарный и непровинциальный кадетский корпус (открытию второго тифлисского корпуса помешала Первая великая война). Было пехотное военное училище, два девичьих института, два реальных училища, несколько классических гимназий и другие учебные заведения. За 17 лет до революции в Тифлисе выходило несколько ежедневных газет различного направления, из них две на грузинском языке.

Глава 3. — Персонажи детства. Шаляпин, князь Нико — «Бур», тетя Лиза Микеладзе

В тифлисские годы молодого Шаляпина моя мать учила его читать ноты. С раннего детства я запомнил тяжелый альбом с фотографиями Шаляпина в разных ролях с теплыми посвящениями моей матери. Лето мы обычно проводили на Минеральных Водах. Как-то у источника в Кисловодске мы встретились с Шаляпиным. Он был очень внимателен и много времени проводил с нами в парке, не обращая внимания на глазеющих на него курортников. В тридцатых годах Шаляпин приезжал в Белград. Достать билеты на два его концерта было невозможно. Друг детства моей матери князь О. И. Химшиев надоумил меня пойти на его репетицию в театр, назвать себя и попросить у него билеты. Я так и сделал. Шаляпин широким актерским жестом обнял меня и сказал: «Ты мог бы и не называть себя. Ты так похож на свою мать, что я сразу тебя узнал. Дать ему два билета! И приходи ко мне завтра ужинать». Антрепренер, русский еврей, оберегавший Шаляпина как зеницу ока, дал мне билеты, но шепнул: «А ужинать советую не приходить. К вечеру Федор Иванович очень устает». Я был так рад билетам, что махнул рукой на

ужин. А потом очень жалел — упустил интересный вечер. На репетициях Шаляпин не стеснялся. Как по мановению волшебной палочки весь персонал белградского театра стал понимать по-русски. Собственно, понимали-то все и до Шаляпина, благодаря многочисленным русским коллегам, но считали ниже своего достоинства это показывать. Шаляпину все прощалось. Как-то на репетиции он сказал примадонне королевской оперы Бугаринович: «Голос у тебя, матушка, хороший, а поешь как корова!» В ответ на этот сомнительный комплимент примадонна только смущенно хихикнула.

Красочным персонажем моего детства был и кузен моего деда, князь Багратион-Мухранский, по прозвищу «Нико-Бур». Как сейчас помню его высокую плотную фигуру в неизменной черкеске. Он поехал добровольцем в Южную Африку и вместе с бурами дрался против англичан. Много позже в Белграде старая М. Н. Куколь-Яснопольская, рожденная Мэри Чавчавадзе, рассказала мне забавный эпизод из своей молодости. Приехав из Петербурга на каникулы в Грузию, она вышла на маленькой станции и обнаружила, что экипажа, обычно высылаемого за ней из имения, нет. К ней подошел какой-то высокий мужчина в черкеске и предложил ей отвезти ее к родным. Она согласилась, и когда они приехали, дала ему на чай серебряный рубль.Господин в черкеске посмотрел на нее, поблагодарил и сунул рубль в карман. На другой день у Чавчавадзе был большой прием. Мать Мэри хочет представить ее их новому уездному предводителю дворянства князю Мухранскому и подводит ее ко вчерашнему «кучеру». «Мы уже знакомы с княжной, — говорит «кучер», — и я даже имею от нее подарок на память». Дело кончилось общим смехом.

Другой красочной фигурой была тетя Лиза Микеладзе. Я помню ее уже пожилой, энергичной женщиной, с резкими манерами, громким крикливым голосом и малиновым пятном на щеке. Говорили, что в молодости она была красавицей. На маленьком столике в ее гостиной стоял портрет Великого Князя Георгия Александровича и рядом букет живых цветов. Только в эмиграции я узнал эту романтическую историю. Великий Князь, брат Государя, до рождения Алексея Николаевича был наследником Русского Престола. У него были слабые легкие, и врачи направили его в Абастуман. Там он настолько увлекся красавицей Лизой Нижарадзе, что готов был отказаться от своих прав на престол, что вызвало панику при

Дворе. Молодых людей с трудом разлучили. Вскоре цесаревич Георгий скончался от чахотки в том же Абастумане, а княжну Лизу выдали замуж за князя Микеладзе. Этот роман описан Бебутовой в ее книге «Сердце Царевича», в которой Бебутова, тоже побывавшая в Абастумане, без ложной скромности главной героиней выводит себя. Дочери тети Лизы — Патти и Нина — были на несколько лет старше меня. Патти часто ездила за границу и удивляла Тифлис своим парижским шиком. Потом она вышла замуж за заместителя моего крестного отца князя Сандро Гедеванова. Моим крестным отцом должен был быть известный на Кавказе генерал Грязнов. Но незадолго до крестин он был убит революционерами, и меня крестил князь Сандро. Он был старше Патти лет на 30 и дружил с ее дядей, тоже георгиевским кавалером и боевым генералом Коци Нижарадзе.

Вся Грузия знала старую княгиню Анету Амилахвари, вдову генерал-адъютанта, героя турецких войн, в особняке которого в Гори останавливался Император Александр Второй. В память этого посещения на доме была мраморная доска с обозначением памятной даты, которую я сейчас уже не помню. В те блаженные годы над Гори еще не висела мрачная тень Джугашвили, из которого ложно понимаемый национализм Грузии сделал героя. Анета Амилахвари, сохранившая следы былой красоты, была значительно старше моей бабушки, относившейся к ней с большим уважением, но прекрасно выглядела. Меня раздражало, что она говорила моей матери «ты» и делала мне замечания — когда можно или нельзя брать из вазы черешни. Ее дочь, глухая княгиня Туманова, панически боялась матери, а зять старался не попадаться ей на глаза. Несмотря на внешнюю строгость, она была добрым человеком и радушной хозяйкой. Я дружил с ее внучками Тасей и Варей и был очень огорчен таинственным самоубийством Таси, бросившейся в 1918 г. в мутную Куру. Сыновья княгини Гиви и Котэ служили в Нижегородском полку. Я смутно помню торжественную свадьбу младшего — Котэ, на которой я, кажется, был мальчиком с образом. Будучи в Париже в 1931 году, я сделал визит князю Гиви. В моей памяти он сохранился как блестящий офицер, очень высокого роста. Но меня радушно встретил совсем не блестящий «штатский», на полголовы ниже меня. Говорили, что старая княгиня предпочитала жить в Гори, чтобы не быть «второй» дамой после супруги Наместника графа Воронцова-Дашкова, бывшего до

Кавказа министром Двора у Императора Александра Третьего. В Тифлисе Воронцова очень любили. Он служил молодым в кавказских частях и получил орден Св. Георгия. Но его жену, грузинское дворянство терпеть не могло, считая, что она покровительствует богатым армянам, скупавшим родовые грузинские имения и дома на Головинском проспекте (теперь Шота Руставели). К старой княгине Амилахвари не только грузинское дворянство, но и кавказская администрация, и особенно военные круги, относились с глубоким и подчеркнутым уважением.

Когда Император Николай Второй принял на себя верховное командование, Великий Князь Николай Николаевич был назначен наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказским фронтом. Говорили, что Великий князь недолюбливал кавказские полки, отдавая предпочтение гвардии. Один казачий офицер рассказывал мне в Белграде о случае, происшедшем на его глазах. Великий Князь, только что назначенный генерал-инспектором кавалерии, делал осмотр казачьим частям и Кавказской кавалерийской дивизии. Казаков похвалил, а когда перед ним проходили нижегородские драгуны, он приказал ординарцу доложить командиру полка, что это не полк, а г... Ординарец поскакал, но как хитрый казак дипломатично доложил, что, мол, Его Императорское Высочество полком недовольны. Резкое выражение Николая Николаевича слышали офицеры, стоявшие рядом, и оно дошло до нижегородцев. Вечером был торжественный ужин в честь Великого Князя, с хором трубачей, тостами и кавказскими застольными песнями. После первого тоста за Государя и гимна последовал тост за «августейшего инспектора кавалерии» с маршем гусарского Его Высочества полка, которым некогда командовал Великий Князь. «Все поднялись, — рассказывал полковник Задохлин, — и я с ужасом вижу, что ни один из нижегородцев не встал»! Надо знать строгое чинопочитание и дисциплину в старой армии, чтобы понять необычность такой демонстрации. Великий Князь не мог этого не заметить, но не подал виду. После ужина командир нижегородцев на вопросы встревоженных друзей ответил: «Мы только с ним расквитались за его выпад против полка. Я думаю, что он не заикнется об этом нашему Шефу (нижегородские драгуны были единственным полком армейской кавалерии, имевшим шефом Государя). На всякий случай я телеграфировал министру Двора».

В Тифлисе говорили, что Великий Князь так занят, что ни в какие учреждения ездить не будет. Но в корпусе он побывал. Кадеты ждали его приезда с интересом, а начальство — с явным беспокойством. Высоченная фигура Николая Николаевича в черкеске с генерал-адъютантскими аксельбантами возвышалась над свитой. Смотр прошел благополучно. В Тифлис с Великим Князем приехал его бывший начальник штаба, генерал Янушкевич, красивый и моложавый, но не очень талантливый. Он любил ходить пешком, и мы старались особенно отчетливо становиться ему во фронт, знай, мол, наших, это тебе не петербургская чухна, а Кавказ! Его сыновья были переведены из одного из столичных корпусов и сразу вошли в дружную кадетскую семью. А вот сыновья нового, кажется, губернатора Громыко, попав в наш корпус из какого-то привилегированного столичного заведения, попытались что-то из себя изображать.В корпусах не признавалось никаких привилегий и связей, и их сразу «привели в порядок». Рассерженный отец приехал жаловаться директору корпуса. Сам бывший кадет генерал Дурново посоветовал возмущенному папаше не беспокоить Великого Князя такими пустяками, а просто определить пострадавших сыновей в одну из тифлисских гимназий.

Мой отец в парадной форме ездил во дворец представляться Великому Князю Петру Николаевичу, приехавшему на Кавказ со старшим братом. Это тоже было традицией старой армии: офицеры, служившие где-либо вместе, становились как бы связанными на всю жизнь. Такую связь по какому-нибудь общему признаку оккультисты называют «эгрегором», явлением выше законов времени и пространства. На самом низшем материальном плане оно точно соответствует понятию «коллектив». Великий Князь Петр Николаевич, генерал Брусилов и мой отец вместе кончили Офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге. Тверской драгун Брусилов и Северский — мой отец были однодивизниками и вместе воевали в Турецкую войну 1877-78 гг. По окончании школы отец вернулся в полк, а Брусилов остался в постоянном составе школы. Отсюда началась его блестящая военная карьера, сделавшая его знаменитостью Первой мировой войны. Отец изредка с ним переписывался.

Продовольственный вопрос в Грузии становился все хуже и хуже. Исчезали некоторые продукты, росла дороговизна, но никакой предреволюционной грозы не чувствовалось. «Гря-

дущие события впереди себя бросают тень», да, в столице, но не на Кавказе и не в Действующей армии, жившей своими военными заботами и надеждами. Многомиллионная армия, состоявшая из крестьян, одетых в военную форму, отличалась от довоенной кадровой армии, но порядок в ней сохранился, несмотря на громадные потери, особенно в среднем и младшем командном составе. Массовых сдач в плен, имевших место в австро-венгерской армии в 1914-17 гг. и в красной армии в 1941-1943 гг., старая армия не знала. Начальные крупные неудачи в Восточной Пруссии в 1914 году, вызванные преждевременным наступлением русской армии для спасения Франции, и вынужденное снарядным голодом отступление в 1915 г. были армией преодолены гораздо скорее и основательнее, чем можно было ожидать. В феврале 1917 г. в Россию приехал на военное совещание союзников английский генерал Генри Вильсон. Он смотрел войска на фронте, которые произвели на него «глубокое впечатление». Генерал Брусилов писал в своих воспоминаниях, что к 1917 году «войска были строго дисциплинированы», и не подлежало сомнению, что в случае перехода в наступление они выполнят свой долг в такой же степени, как и в 1916 г. Как и раньше бывало, прибывшие пополнения, очень плохо обученные, были распропагандированы, но по прибытии на фронт через некоторое время после усердной работы дело с ними налаживалось. Меня особенно заботили не войска и их мощь, в которой я в то время не сомневался, а внутренее положение, которое не могло не влиять на состояние духа армии. Начало общего наступления, которое должно было победно кончить войну, возлагалось на Россию. В декабре 1916 г. на военном совете главнокомандующих фронтами с генералом Гурко, заменившим заболевшего генерала Алексеева, было решено, что весной 1917 г. удар будет наноситься на Юго-западном фронте. Генералу Брусилову были приданы ТАОС и два армейских корпуса, 7-ая и 11-ая армии должны были наступать на Львов при поддержке Особой, 3-ей и 8-ой армий. Победа маячила перед глазами. С военной и с государственной точек зрения февральская революция, сорвавшая эту победу, была прямым предательством России. На фронте союзников положение было хуже, чем на русском. Известно, что французский премьер Клемансо только массовыми расстрелами смог пресечь бунты во французской армии. Менее известно, что происходило у англичан. В сентябре 1917 г. командующий британ-

ской армии фельдмаршал Хэг с трудом прекратил беспорядки в районе города Этапль, где взбунтовавшиеся солдаты шесть дней пытались взять мост в город. Он имел основания опасаться, что его войска перестанут быть боеспособными. Но такова сила клеветы и предубеждения, что большинство западных историков продолжает искажать последовательность событий, утверждая, что революция в России была вызвана военными неудачами. На самом деле было как раз наоборот: революция привела к военным поражениям, вроде позорного провала знаменитого июньского наступления Керенского, и в конечном итоге к «похабному», как его тогда называли, Брест-Литовскому миру. На советских историках Первой мировой войны также лежит ответственность за клевету на старую русскую армию. Исходя из абсурдного марксистского положения, что задача военной истории — не изучение, а пропаганда, они замалчивали положительные стороны старой армии и подчеркивали отрицательные. В жертву партийным интересам приносились как научная добросовестность, так и чувство национального достоинства. Выпуск воспоминаний генерала Брусилова в 1963 году объясняется отчасти Хрущевской «оттепелью», именем автора и опасением, что они будут изданы за рубежом. В министерстве обороны знали, что дубликат рукописи Брусилова находится вне пределов их досягаемости. Вина за выход России из строя лежит на деятелях февраля и, конечно, на большевиках, которые ускоряли и углубляли процесс разложения армии, начатый Керенским и его социалистическими и буржуазно-либеральными товарищами. Приказ № 1, подписанный Соколовым и уничтоживший основу всякой вооруженной силы —дисциплину, был подготовлен и обнародован февральскими калифами на час.

Нападки на Государя и, особенно, на Императрицу Александру Федоровну в петербургских салонах и думских кругах стали докатываться до Тифлиса. Я помню, как один знакомый с университетским образованием, по происхождению горец, горячо доказывал, что критика не должна касаться династии, что монархия в многонациональной России имеет громадное моральное и объединяющее значение, что если рухнет авторитет Царя, то автоматически рухнут и все остальные авторитеты, и т. д. Убийство Распутина было встречено двояко. Оптимисты приветствовали его, считая, что устранена опасность, угрожавшая и трону, и стране. Скептики качали голо-

вами и говорили, что преступлением ничего нельзя поправить, и что это убийство — не конец дворцовых интриг, а начало русской смуты. В корпусе, во всяком случае в нашей второй роте, об этом разговоров не было.

Глава 4. — С берегов Куры к Тереку и обратно

Успехи белых армий в 1918-19 гг. вызывали у русских в Тифлисе радость и надежду, особенно среди нас, кадет. Нам было обещано, что мы будем приняты во вновь открытый Владикавказский корпус, куда уже стекались кадеты из всех концов центральной и южной России. В Тифлисе составилась группа в 30-40 кадет с двумя офицерами. Горечь расставания с болеющим отцом, матерью и бабушкой, всегда жившей с нами, смягчалась сознанием, что это временная разлука. Мы были уверены, что раз мы опять надеваем кадетские погоны, значит белые побеждают, и мы все вернемся к нормальной жизни, прерванной революцией. Сборы были недолгие, и в начале ноября мы тронулись на двух фургонах по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ. Красота этой дороги действительно стоит многочисленных восторженных описаний. Строгое величие Кавказского хребта, столь отличное от уютной романтики Альп, и спокойная прелесть долин Грузии с поросшими мхом старинными церквами и башнями были особенно дороги нам, мальчишкам, родившимся и выросшим на Кавказе, где, по словам Бальмонта, «скалы учат силе, а цветы учат нежности». Бальмонт перевел на русский язык поэму средневекового грузинского барда Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре», воспевающую царицу Тамару (1148-1213). Царица Тамара и грузинской, и русской церковью почитается святой. Ее правление было самой блестящей страницей грузинской истории. Лермонтовский образ властительницы Дарьяльского ущелья, сбрасывавшей своих любовников в бурлящий Терек, не имеет ничего общего с исторической царицей Грузии. Св. Тамара была одно время неудачно замужем за князем Юрием, сыном Андрея Боголюбского, потом за осетинским князем Давидом из рода Багратионов. Перевод Бальмонта по праву считается одним из лучших.

Ноябрь — неподходящий месяц для горных путешествий. Начались холода и снежные бури. У туннеля «Майорша» произошел обвал, и нам пришлось дальше идти пешком. К Крестовому перевалу мы добрели замерзшие и усталые. В маленьком духане, полном дыма, грузин и горцев, я первый раз

в жизни выпил рюмку коньяка. С непривычки сараджевский коньяк показался мне огнем, но действие его было замечательным. Я сразу ожил, слегка закружилась голова, отяжелели ноги, и жизнь не представлялась уже такой мрачной, как казалась в дороге. Немало рюмок коньяку я осушил потом, но ни одна из них не была столь приятной.

Незабываемое впечатление производит рассвет в горах. В темноте сначала озаряются первыми солнечными лучами вершины самых высоких гор. Постепенно темнота спускается вниз, и горы появляются во всей их ослепительной снежной красоте. А Казбек! Вершина, ниже монастырь и селение. Туч не было, и мы могли им вдоволь налюбоваться. На грузинско-русской границе (что для нас звучало дико) нас приветливо встретили бравые кубанцы-пластуны, в английских шинелях. По их бодрому настроению никак нельзя было предположить, что на фронте далеко на севере, под Курском, начались неудачи. Мы ничего не знали о латышской и эстонской дивизиях, переброшенных красным командованием с затихшего польского фронта на Деникина. Усталые, но довольные мы, наконец, добрались до Владикавказа.

Первое, что мы увидели, было желтое здание корпуса, памятное мне с раннего детства. Столпившись в вестибюле, мы услышали равномерный грохот: первая, строевая, рота шла в столовую. В противоположность вольцам и тифлисцам, владикавказцы шли вздвоенными рядами. Разнообразие погон: на основном желтом фоне мелькали алые, синие, белые, черные, — здесь были кадеты почти всех российских кадетских корпусов. Изредка виднелись георгиевские кресты и медали и нашивки, указывающие ранения. Это были не дети, учащиеся, а боевая молодежь, понюхавшая пороху. Приехавший до нас один из старших тифлисцев князь Химишиев предупредил, что во Владикавказском корпусе строгая, строевая дисциплина, и надо быть все время начеку. Вечером в ожидании сигнала строиться на ужин мы болтались поближе к залу первой роты и по первому звуку помчались туда. Поздно: рота была уже выстроена. «Тифлисцы! — крикнул вице-фельдфебель, терский казак Карпушкин, — Это вам не Головинский проспект, потрудитесь не опаздывать!» Однажды рота была собрана вечером в одном из классов. Посередине сидела группа старших кадет разных корпусов. Старший из них сказал краткую речь, что вот, мол, мы съехались со всех концов России в гостеприимный Владикавказ-

ский корпус и рады, что нам дается возможность восстановить старые традиции. И посему вводится кавалерийский цук: старший по поступлению в корпус кадет объявляется «генералом выпуска», следующий «полковником» и т. д. Этот вид традиции был заимствован некоторыми корпусами из кавалерийских училищ. Цука не было ни в Вольском, ни в Тифлисском корпусе. Когда мы расходились, владикавказцы шли хмурые и перешептывались. На другой день было передано по классам, что владикавказцы никакого цука и «генерала выпуска» не признают, и в корпусной жизни все остается по-старому. Старшим кадетом является, как полагается по уставу, вице-фельдфебель. «Кавалеристам», как гостям, и меньшинству ничего не оставалось как подчиниться решению хозяев.

Я чувствовал себя больным, но все-таки пошел в отпуск к другу моего отца, персидскому консулу Давуд-хану. У него были гости, и я наслушался разговоров. Оказывается, Белая Армия под давлением значительно превосходящих сил красных катится на юг и вряд ли сможет задержаться на подступах к Кавказскому хребту. Особенно пессимистично был настроен сам хозяин. Давуд-хан вырос на Кавказе и хорошо знал обстановку. Он громил разбухший и разложившийся тыл белых и не надеялся ни на какую помощь западных союзников. Я в мрачном настроении вернулся в корпус, а через два дня попал в переполненный лазарет с сыпным тифом и воспалением легких. В 1919-20 г. свирепствовала «испанка», особенно зловредный грипп, от которого умирали сотни тысяч людей. Когда я пришел в себя, то узнал, что во Владикавказе находится и Петровско-Полтавский корпус, эвакуированный из Полтавы. Их корпусной врач, милейший др. Дербек, обходя своих полтавцев, всегда осматривал и меня. В лазарете начались хлопоты и волнения: запахло эвакуацией. Ко мне зашел старший врач др. Передельский и сказал, что я так слаб, что брать меня с корпусом по Военно-Грузинской дороге он не рискует, и поэтому я буду оставлен в городе. К счастью Давуд-хан взял меня к себе в консульство. На меня надели персидскую шапку и дали мне легкую работу в конторе.

Первыми вошли во Владикавказ скрывавшиеся в горах красные партизаны, под командой тов. Гикало. Среди них было много китайцев из отряда Пау-Ти-Сана. Китайский отряд был сформирован Кировым. Это были настоящие бан-

ды. Регулярные части красной армии показались мне похожими на их царских предшественников: те же круглые русские лица, та же походная форма, только без погон, кокард и иногда без поясов. Командный состав был, наоборот, совсем не похож на царских офицеров. По городу часто расхаживал какой-то старший командир с маленькой щеголеватой бородкой, воинственного, но никак не воинского вида: коричневый френч и галифэ, желтые сапоги со шпорами, тросточка и неизменный револьвер. Вероятно так же выглядел и известный авантюрист Котовский, из которого советская пропаганда сделала героя. Вскоре этот опереточный персонаж исчез: ходили слухи, что он был арестован Чекой.

Для налаживания дипломатических связей Давуд-хан пригласил в консульство на обед командира дивизии, взявшей Владикавказ, и его помощника. Не знаю, был ли это начальник штаба или политрук. Мне было приказано сидеть в своей персидской шапке на левом фланге и безмолвствовать. Советские гости были в неопределенной походной форме и показались мне похожими на дореволюционных писарей, сменивших свой дешевый шик на боевую подтянутость. В разговоре кто-то на правом фланге вместо «Антанта» сказал «Анкета», но все сделали вид, что ничего не заметили. Гости как будто не обращали на меня внимания, но я несколько раз ловил быстрый любопытный взгляд начштаба. Вероятно, несмотря на свою высокую персидскую шапку, я мало походил на перса.

В городе начались аресты буржуазии, «изъятие ценностей», ночная стрельба. Заработала Чека. В числе ее сотрудников оказался один из нашей компании молодежи, интеллигентный еврей, сын местного аптекаря. Он знал, что я кадет, скрывающийся в персидском консульстве, но меня не выдал. Тогда еще иногда действовали дореволюционные нормы человечности. В консульство вселилась и перепуганная горско-бельгийская семья Бамат-Аджиевых. Отец — б. офицер царского конвоя — хорошо знал моего отца. Сопровождая Императора, он проезжал Брюссель, влюбился в красивую блондинку-немку и умудрился вывезти ее на Кавказ. Она приняла магометанство, стала Султан-ханум, выучила русский и горский язык своего мужа и родила ему двух дочерей. Нина и Эмма совмещали в себе прирожденную западно-европейскую культурность с горячей природой горской женщины. Слушая рассказы обо всем творящемся кругом и красных расправах,

Султан-ханум охала и вспоминала свой далекий и спокойный Брюссель. А молодежь оставалась молодежью. Мы гуляли в «Трэке» и, о, глупость!, о которой стыдно вспоминать, я щеголял в гимнастерке с перемычками от снятых погон, вот, мол, посмотрите кто я, белогвардеец. Давуд-хан решил, что мне пора возвращаться в Тифлис, к матери. Это было своевременно: вскоре после моего отъезда он, несмотря на всю свою дипломатическую неприкосновенность, был арестован и отправлен в Москву, где ему было предъявлено обвинение в укрывательстве «группы деникинских офицеров». Давуд-хан пристроил меня к своему предшественнику, уезжавшему по болезни. Давуд-хан выправил мне документы на девичью фамилию моей матери, так как допускал, что местные старожилы-революционеры помнят моего отца — «золотопогонника». Мы тронулись по Военно-Грузинской дороге в Тифлис. И опять безрассудство: я взял с собой якобы хорошо спрятанные открытки-портреты белых вождей Алексеева, Корнилова, Деникина, Врангеля и Шкуро. Для чего было так глупо рисковать — сейчас уму непостижимо! Большевики не щадили кадет, и найди они у меня этот контр-революционный материал, я был бы кончен. Действительно, Бог хранит детей и пьяных. Путешествие по Военно-Грузинской дороге летом было гораздо приятнее нашего ноябрьского следования. Я забыл об открытках и любовался природой. К счастью, на советской стороне осмотр прошел благополучно, и мы оказались в безопасности на грузинской. Командир грузинского пограничного поста, посмотрев мои бумаги, спросил: «Месхиев? Я кончил Тифлисский корпус с Ираклием Месхиевым. Как он вам приходится?» — «Родной дядя». — «А, вот как. Чей же вы сын? Нины Месхиевой? Знал и ее. Но погодите! Если вы сын Нины Месхиевой, ваша фамилия не может быть Месхиев! Тут что-то не то»... Мне пришлось все объяснить. Капитан посмеялся и сказал: «И отца вашего помню. Ну, хорошо, что вы напоролись на меня, а не на какого-нибудь формалиста. Вернул бы он вас на советскую сторону, а там — сами понимаете...». Я горячо поблагодарил доброго грузина и тронулся дальше.

Недалеко от советской границы к нашему фургону подошел горец, оказавшийся ротмистром Эльдаровым. Вместе с Кавказской армией генерала Эрдели он перешел в марте грузинскую границу, но остался поблизости, надеясь организовать в горах партизанское движение против красных. Боль-

шевикам удалось сделать то, чего не могли ни царская администрация, ни горские старейшины — примирить осетин и ингушей, всегда враждовавших между собой. Два месяца большевистского гнета оказалось достаточно, чтобы они забыли эту вражду и почувствовали себя братьями, имевшими общего врага.

Свои последние гроши я потратил на билеты на автобус до Мцхета и с трудом добрался оттуда до Тифлиса, плотно закрытого для всех бегущих из оккупированных большевиками областей. Мать и бабушка были несказанно рады увидеть меня дома. В передней сиротливо висела отцовская шинель с красными генеральскими отворотами. Непростительно эгоистична и бездумна бывает молодость. За два месяца жизни в Тифлисе я много раз собирался и ни разу не собрался посетить могилу отца. Более того, последние вечера в Тифлисе я проводил не с матерью, ожидавшей до поздней ночи своего единственного сына, а с мало знакомыми девицами в летнем саду бывшего грузинского дворянского собрания. Там же я познакомился с молодым дипломатом из польского посольства. Он оказался бывшим кадетом, что нас сразу сблизило. Когда я, раздираемый запоздалым раскаянием, написал матери из-за границы с просьбой простить мое невнимание, она ответила, что не помнит, чем я перед ней провинился и прощать ей нечего.

В Тифлисе осталось мало кадет. Кто мог, пробирался в Добровольческую армию, где многие кончили свою молодую жизнь в борьбе с беспощадным врагом. Ходили слухи о большевистских зверствах, называли фамилии замученных. Красные вырезывали на плечах захваченных кадет погоны и не останавливались перед другими, более мучительными и циничными жестокостями. Кадеты-грузины одни поступали в училище и собирались служить в грузинской армии, другие уезжали в Крым. Было приятно слышать лестные отзывы о грузинах в армии Врангеля: генерале Ангуладзе, командовавшем одной из немногочисленных пехотных дивизий, полковнике Думбадзе, лихом дроздовском артиллеристе, его брате Ревазе, адъютанте легендарного Кутепова, и других. Одиночки готовились в университет и заранее нацепили сине-голубые студенческие фуражки, ставшие мишенью меткого кадетского зубоскальства. Собралась небольшая группа кадет, решившая ехать в Крым к Врангелю. Заправилой был некто Борис, недавно приехавший с территории Добровольческой Армии и

много нам рассказывавший, как идет там освобождение от большевиков. Для пущей важности он выступал иногда под именем «Илья» и не скупился на уговаривания. Но особенно и уговаривать не надо было: мы все стремились в Крым. К большому огорчению моей матери я тоже решил ехать. Мать понимала мои побуждения и поэтому меня не отговаривала, но ей было очень тяжело расставаться. Накануне нашего отъезда зачинщик Борис-Илья вдруг передумал и горячо убеждал нас отказаться от поездки к Врангелю. Что его заставило так круто переменить свое решение — осталось загадкой. Но мы твердо решили ехать, и никто из нашей группы его не послушался. Были выправлены нужные документы, и через несколько дней мы выехали в Батум. Официально конечной целью нашего путешествия был не Крым, а Константинополь. Грузинские власти боялись навлечь на себя гнев новых северных соседей — Советской России, и поэтому о Крыме никто не заикался. Сидя в вагоне батумского поезда, было трудно предположить, что через несколько недель мы действительно окажемся в турецкой столице. Вероятно, среди пассажиров в поезде были и советские агенты. Какой-то прилично одетый господин в штатском, с бородкой и бегающими глазами, все время заговаривал с кадетами, намекая, что и он едет не в Константинополь, а в Крым к Врангелю. Его настойчивое любопытство было подозрительно, и мы не удивились, когда белая контр-разведка в Севастополе пригласила его к себе на разговор.

В Батуме я пошел навестить семью «одесского» генерала Думбадзе. Я долго стучал, пока меня впустили в дом. В Батуме свирепствовала холера, и город казался вымершим. Богатая полутропическая растительность, плещущееся море и уютные дома с садами не могли рассеять гнетущего настроения. Думбадзе засыпали меня вопросами о Крыме, когда Врангель начнет наступление и освободит юг России. Они рвались в свою Одессу и были уверены в успехе Врангеля.

После сравнительно спокойного перехода через Черное море — мое первое морское путешествие — мы, наконец, в Севастополе. Всюду развеваются бело-сине-красные и андреевские флаги, приведшие нас в восторг, — как будто не было ни большевистского кошмара во Владикавказе, ни внешне спокойного сидения на готовом к извержению вулкане, в Грузии. Севастополь с его знаменитой панорамой севастопольской обороны, казенными зданиями, Графской пристанью и мно-

жеством военных судов напоминал своим военным профилем Владикавказ. Но там царили горы и армия, а здесь — море и флот. Город кишел военными в различных формах и чинах, — больше всего было молодых офицеров знаменитых «цветных дивизий», Корниловской, Марковской, Алексеевской и малиновой Дроздовской. Мы сразу превратили наши полуштатские костюмы в форму и с гордостью нацепили свои кадетские погоны. Нас облюбовал вербовщик капитан-марковец и стал убеждать ехать с ним в артиллерию Марковской дивизии, где уже было много кадет. Я робко возразил, что хотел бы попасть в Сводный полк моей родной Кавказской кавалерийской дивизии. Марковец окинул критическим взглядом мою худущую фигуру и сказал: «Ну, куда вам в кавалерию, рубиться со здоровеннейшими буденновцами! Они вам быстро голову снимут». Судьба в лице генерала Врангеля сама сделала выбор: последовал приказ Главнокомандующего об отправке всех не кончивших корпус кадет в сводный Полтавско-Владикавказский корпус в Ялте. На севастопольских улицах нельзя было зевать: я дважды получил замечание за неотчетливое отдание чести. Военные были одеты скромно, некоторые даже бедно, но радовала глаз их бодрость и подтянутость. Последствия тяжелого отступления от Курска к Черному морю были преодолены и психологически, и организационно. Чувствовалась убежденность в правоте и успехе своего дела и вера в своего Главнокомандующего. Это были не толпы беженцев в форме, как рассказывали про Новороссийск, а боевой и патриотический отбор. Недавно части Белой Армии, переименованной генералом Врангелем из «Добровольческой» в «Русскую» наголову разбили знаменитый конный корпус Жлобы, угрожавший Крыму. Большую роль сыграла белая авиация под командой генерала Ткачева, громившая красных с воздуха. Газеты восторженно приветствовали эту победу. Выход белых войск в Северную Таврию, как мы знаем теперь из советских же источников, вызвал переполох у красных. Нобый командующий южным фронтом Фрунзе в панике доносил Ленину, что «операция, предпринятая Врангелем, имела очень широкий размах и при удаче грозил нам уничтожением всех сил фронта... 13-ая армия, несмотря на значительные подкрепления, ударов врага не выдерживает... дух войск сломлен, среди масс идут разговоры об измене; свежих сил, резервов нет... В самом Харькове у меня нет сейчас ни одной надежной части... Чувствую себя со штабом окруженным враждебной стихией...».

Этот советский документ показывает, как возможна и близка была победа белых даже в таких, казалось бы, безнадежных условиях как крымское сидение. Советская историография и литература о гражданской войне так цинично лжива и тенденциозна, что массовому читателю трудно добраться до истины — что же действительно происходило в один из самых трагических и жертвенных периодов тысячелетней русской истории. Но, слава Богу, органическая жажда к чтению и мужество отдельных советских редакторов и писателей в России помогают правде пробиться через эти завалы лжи. Постепенно отмирают выдуманные мифы о каких-то «14 походах» Антанты, о вооруженной интервенции капиталистических стран, о гениальной стратегии Ленина, Троцкого и Сталина, о классовой сущности гражданской войны и т. д. В 1964 году известный советский публицист Юрий Смолич, возражая против официального упрощения истории войны, писал: «Но — только ли аристократы и отпрыски буржуазии пополняли ряды армий Колчака, Деникина, Врангеля и Петлюры? (Петлюра прибавлен здесь ни к селу ни к городу, очевидно, чтобы разжижить белогвардейский бульон)... Разве мало молодых людей из неимущих классов поглотило белое движение? Разве мало погибло их на полях гражданской войны за «единую, неделимую»?

Я вспоминаю мой класс в гимназии, которую я окончил. То была демократическая по тем временам гимназия в рабочем городке, и учились в ней дети чиновников, мелких служащих, квалифицированных рабочих, крестьян-середняков. В нашем классе не было детей потомственных аристократов; только сын захудалого помещика и сын чиновника, дослужившегося до статского советника... Эти мои сверстники — гимназисты, студенты, прапорщики военного времени — стали под знамена белых отнюдь не для того, чтобы отстаивать для помещиков землю, для банкиров — их капиталы. Они верили... в необходимость торжества, справедливости и порядка. Только они не ведали, что творили, не знали ни что такое справедливость, ни каков должен быть этот порядок...».

А знали — за какую справедливость и порядок боролись будущие маршалы Тухачевский, Блюхер и Егоров, политруки Уншлихт, Гамарник, Булин, Осепян и Амелик и комкоры и командивы Корк, Уборевич, Эйдеман, Якир, Ковтюк, Дыбенко, Федько и тысячи репрессированных в 30-х годах командиров красной армии, получивших в награду за свои подвиги в

войне против белых пулю в затылок от своих же чекистов? В этом массовом пожирании революцией своих собственных детей есть историческая справедливость и последовательность. Если бы цвет красной армии и видных чекистов расстреливали белые, это было бы естественно, в этом была бы логика борьбы по ленинскому «кто кого». Но гибнуть по приговору **своей же** «любимой и всезнающей» компартии, от пуль **своих же** товарищей-чекистов — это страшный моральный удар, крушение смысла всей их жизни. Поэтому в стране не может не идти переоценка политических ценностей. Я лично в этом убедился.

В 1972 году мы с женой, проходя по узкой улочке старого Иерусалима, столкнулись с группой израильских фотографов и журналистов, сопровождавших какую-то молодую пару. Острые глаза жены сразу определили, кто это: известный танцор Валерий Панов и его жена Галина, только что вырвавшиеся в Израиль. Когда мы познакомились, я в шутливом тоне предупредил Панова, что я «белогвардеец». Я всегда говорю это при встрече с эмигрантами-евреями, чтобы они знали с кем имеют дело. Реакция Панова была неожиданной и очень для меня приятной. «Белогвардеец? Да это герои, честные люди! Они первые взялись за оружие против коммунистов. Это трагедия, что они не победили. Галина, могла ли ты мечтать, сидя в Советском Союзе, что скоро увидишь настоящего белогвардейского офицера?» Панов, которого я считал представителем той социально-этнической группы, в которой меньше всего можно было ожидать симпатий к белым, и я обнялись. Сопровождавшие его израильские чиновники, упорно называвшие его «гражданин Панов» (от «товарища» отстали, к «господину» не пристали), не были в восторге от этого объединения. Я вспомнил остроту, ходившую среди недавних советских граждан, эмигрировавших в Израиль: «От большевиков уехали, к меньшевикам приехали».

Громадная заслуга Врангеля была не только в том, что он преобразовал, воскресил Белую Армию и с честью вывез ее и многие тысячи гражданских лиц из Крыма, а и в том, что он правильно подошел к важнейшему вопросу о земле. Председателем Совета министров во врангелевском правительстве был старый и опытный государственный деятель имперского размаха А. В. Кривошеин, сотрудник Столыпина и последний министр земледелия императорского правительства. Подготовленная и проведенная им земельная реформа в Крыму

сразу дала положительные результаты: крестьянство успокоилось, партизанское движение пошло на убыль. К сожалению, это было слишком поздно и географически слишком ограничено. Крым — только маленький кусочек громадной территории России.

Вторым удачным выбором Врангеля был его министр иностранных дел академик П. Б. Струве. Экономист, историк и социолог с громадной и всесторонней эрудицией, фанатически убежденный антикоммунист, знающий и Россию, и Европу, Струве был ценным сотрудником Врангеля. Его не любили крайне правые за то, что он в молодости увлекался марксизмом, в 1899 г. участвовал в составлении «Минского манифеста»и недолго был близок с Лениным, с которым вскоре быстро и резко разошелся. О Струве еще будет речь впереди. Но вернемся к Севастополю. В толпе мелькает с детства знакомая форма: малиновая фуражка, малиновые полулампасы, серебряный прибор — Северский драгун. Я подхожу к полковнику, беру под козырек и называю себя. Он всплескивает руками и обнимает меня. Через 11 лет, приехав в Париж на всемирную колониальную выставку, я разыскал «маневра» Туганова в дешевой гостинице. Вместо блестящего штаб-офицера Кавказской кавалерийской дивизии передо мной сидел старенький, худой кавказец в более чем скромном штатском костюме. О нем, о Северском полковом объединении и вообще о военной эмиграции будет сказано позже.

Я пошел в штаб, чтобы повидать помощника дежурного генерала, генерал-майора Эрна, последнего командира Северского полка. Всюду порядок, чистота и приветливая деловитость. Генерала я не застал, но познакомился с нижегородским драгуном ротмистром Червиновым, братом нашего Северца. В казарме, где мы остановились, жили кадеты, кончившие сводный Киево-Одесский корпус в столице Боснии Сараево и только что приехавшие в Крым для поступления в армию. Сараевцев направили в Сергиевское артиллерийское училище, а нас, небольшую группу тифлисцев — в Ялту. Там в бывшем царском имении Ореанда, рядом с Ливадией, был размещен сводный Полтавско-Владикавказский корпус с новым директором генерал-лейтенантом Римским-Корсаковым. Переход из Севастополя в Ялту на маленьком пароходе был мало приятным развлечением. Сильно качало, особенно когда мы огибали южную оконечность Крыма, так что нам свет был немил. Много позже я пересекал неспокойной осенью

Атлантический океан, плыл из Хаифы в Венецию по Средиземному, Ионическому и Адриатическому морям, и вот это было удовольствие. Первенство в сильных морских ощущениях крепко осталось за Черным морем. Чудная ялтинская природа, летнее солнце, горы, казавшиеся кадетам из России чем-то вроде Гималаев, а нам, кавказцам — чем-то вроде холмов, привычная, несмотря на полуголодное питание одной камсой, корпусная обстановка, и, главное, 16-летний возраст способствовали быстрому выздоровлению. В лазарете много играл в шахматы с Пушей Зеленским, которого через 58 лет похоронил в Вашингтоне собирал кизил с Толей Жуковским, ставшим в Белграде балетмейстером Королевской оперы, и ходил в отпуск в город В Ялте жили мои грузинские родственники, семья Кокоши Думбадзе, офицера-летчика, сына знаменитого ялтинского градоначальника и свитского генерала. Про генерала ходило множество еврейских анекдотов. Не анекдот, а факт имел место незадолго до войны на одном из модных немецких курортов, куда он приехал лечиться. Не зная ни одного иностранного языка и не имея знакомых, генерал в непривычном для него штатском костюме присоединился к компании богатых русских евреев, любимой темой разговоров которых была его персона. Он внимательно слушал всякие истории о себе, интересовался подробностями и от души смеялся. Анекдоты были не очень остроумны, но все рассказывали и переживали их с удовольствием. Вот несколько примеров. Один еврей восхищается тем, что Император Николай Второй, желая проверить пригодность нового пехотного обмундирования, с полным походным снаряжением исходил всю Ливадию. «Это ерунда, — говорит другой еврей. — Вот если бы он надел наш лапсердак и прошел мимо думбадзевского дома — это был бы геройский поступок!» Недалеко от берега тонет еврей и, увидя проходящего по набережной генерала Думбадзе с городовым, взывает о помощи. «Не трогать его!» — говорит генерал. Тогда догадливый еврей кричит: «Долой самодержавие!», на что немедленно следует генеральское: «Взять его!»

Уезжая, Думбадзе послал развлекавшей его компании бутылку шампанского и визитную карточку с благодарностью за прекрасно проведенное время и за интересные подробности о его жизни, о которых он не имел ни малейшего понятия. Генерал умер за год до революции. Вопреки всем

этим анекдотам, ялтинские евреи отнеслись к его семье очень сердечно и помогали чем могли в трудные дни.

Посещал я также и нашего дальнего родственника князя Черкезова, исполнявшего в Ялте обязанности грузинского консула. Когда красные взяли Перекоп, и падение Крыма стало вопросом дней, Черкезов и его милая русская жена убеждали меня оставаться с ними и не эвакуироваться с корпусом куда-то в полную неизвестность. У них, мол, дипломатическая неприкосновенность, надо будет только переждать первое время, а потом они переправят меня домой, в Грузию. Но я уже пережил прелести советского владычества во Владикавказе и понимал, что в Ялте будет еще хуже. Разговоры о том, что большевики в 1920 году уже не такие свирепые, как были в 1918-ом, меня не убедили.

Ходил я в отпуск и к однополчанину и старому другу моего отца, генералу князю Бекович-Черкасскому, последнему командиру кирасир Его Величества. Обычно гвардейскими полками командовали гвардейцы, но для Бековича было сделано исключение. Во время Японской войны он уехал на фронт, получил орден Св. Георгия и вернулся в Северский полк. В гражданскую войну он был правителем Кабарды и пользовался громадным авторитетом не только среди своих кабардинцев, но и вообще среди горцев Кавказа. Он умер в Париже. Бывший северец и александриец Посажной посвятил ему стихи, правильно отразившие любовь кавказцев к Бековичу:

Слеза туманит эту фразу,
Черкасский князь, тебя уж нет!
Как передать мне твой Кавказу
Прощально-горестный привет.

....

Я грохот горного обвала
В парижском гуле услыхал.
Отчизна князя провожала,
Кавказ ему салютовал.
Прощай, кунак! Мы вместе жили,
Делили мир, и пир, и бой,
Царям и Родине служили...
Прощай, кунак! Аллах с тобой!

Жена Бековича, тоже кабардинка из княжеского рода Каплановых, была моложе его на 25 лет, что ей не мешало обо-

жать своего мужа. Я особенно ценил в ней «всероссийскость». Она много читала, копалась в исторических источниках и воевала с парижанами сепаратистами, особенно с грузинами. Им было трудно возражать княгине Надживат, так как она действительно знала Кавказ и его историю и не имела ни капли русской крови. Была она настоящей барыней, подходившей под английское определение «лэди», женщина, в присутствии которой мужчины чувствуют себя джентльменами.

Наш корпус был переведен в более просторные казармы в Массандру. Там произошел случай, показывающий, как кадеты относились к произволу над населением. В корпус пришли две женщины с жалобой, что они купили на толкучке у какого-то молодого человека одеяла, а через несколько минут подошли два кадета и «реквизировали» купленное, как казенное добро. Старшие кадеты — сплошь фронтовики — решили взять это дело в свои руки, чтобы примерно наказать виновных. «Продавец» и «представители власти» были опознаны, а одеяла возвращены пострадавшим. Ночью первая рота была поднята и было прочитано постановление старших кадет, что за мародерство с виновников снимаются погоны, и они будут выпороты шомполами. Это было очень неприятное зрелище, особенно когда один из них стал визжать как поросенок. На следующее утро все трое исчезли из корпуса. Начальство не знало или делало вид, что не знает о случившемся.

В первой роте расцвело увлечение спиритизмом, захватившее даже командира роты, полковника Редина. Он лично не принимал участия в спиритических сеансах, но не препятствовал им. У Редина на фронте пропал без вести сын, и он часто приходил посмотреть, как идут сеансы и нельзя ли узнать что-нибудь о судьбе сына. Вопросы задавались на животрепещущие темы, вроде: «Чем кончится гражданская война?» — «Победой белых». — «Когда?» — «Очень нескоро». «Что будет с нами?» — «Уедете за границу». — «Куда?» — «В . . . . .». Тут следовало непонятное сочетание букв, которое ярые адепты спиритизма позже, сидя в лагере в Югославии, задним числом подводили под его название: Стрнище. Спрашивали еще: «Все ли вернемся в Россию?» — «Нет, только 300 человек». На конкретные вопросы иногда следовали более или менее удачные ответы.

Население Крыма и сам генерал Врангель не знал о тайных

и усиленных переговорах между Пилсудским и Лениным в октябре 1920 г. Достигнутое ими соглашение о перемирии, а затем о мире, было стратегическим предательством Польшей Врангеля. Это было вторым предательством Пилсудского: первое имело место осенью 1919 года. Большевики действовали тогда через Мархлевского, друга Розы Люксембург, старого приятеля и Ленина, и Пилсудского. Теперь из польских первоисточников мы знаем, чем руководствовался Пилсудский и его преемники. Пилсудский, как старый революционер, сочувствовал больше большевикам чем белым генералам. Белые боролись за «единую и неделимую» Россию (что, между прочим, не распространялось ни на Польшу, ни на Финляндию), поэтому поляки на верхах считали, что помощь белым идет против польских национальных интересов. Сознательное бездействие польской армии осенью 1919 года позволило большевикам снять лучшие войска с польского фронта и перебросить их на юг против генерала Деникина. С другой стороны, как замечает бывший начальник польского генерального штаба генерал Галлер, «слишком быстрое поражение Деникина также было не в интересах Польши. Мы предпочитали, чтобы его сопротивление продолжалось, чтобы советские войска были прикованы к фронту на более продолжительное время. Само собой разумеется, что вопрос был не в оказании эффективной помощи Деникину, а в продлении его агонии». Начальник польской академии генерального штаба генерал Кутржеба идет дальше: «Когда обнаружилось, что Деникин не соглашался признавать независимость Польши (что было ложью, т. к. признание Деникиным независимости Польши было «безоговорочным и полным»), Пилсудский решил не помогать Деникину, а помочь Советам справиться с ним. В итоге польская армия неделями бездействовала, соблюдая якобы негласное перемирие, пока Советы вели операции против Деникина. Таким образом Пилсудский дал им возможность разбить Деникина». («Польска Зброина», 7 мая 1937). О предательстве Пилсудским Врангеля советские источники, не ставя точек над «и», говорят не менее красноречиво: «... Опасность со стороны неразбитой врангельской армии возрастала в августе 1920 г. в **огромной степени**. (курсив мой. Л. С.) Нужно было разделаться с крымскими белогвардейцами, чтобы предупредить возможность расширения фронта на юге и продвижение врангелевцев к жизненным центрам страны. Внутреннее положение советской республики

становилось все более напряженным, признаком чего являлись восстания во многих областях страны...

... Заключение мира с Польшей дало возможность сосредоточить все силы республики на врангелевском фронте, добиться его ликвидации и таким образом выйти из войны».

Пилсудскому приписывается фраза, что он «сел в один поезд с Лениным, но вышел раньше, на станции, называемой «Польша». Ленин же поехал дальше к мировой коммунистической революции. 19-летнее пребывание наследников Пилсудского на этой «станции» кончилось 17 сентября 1939 г., когда красная армия нанесла полякам предательский удар в спину под предлогом освобождения от «фашистского ига» белоруссов и западных украинцев. Совето-польские переговоры о мире «велись в строжайшей тайне» от польского народа и от западных союзников. Третья русская армия генерала Бредова, ожидавшая в Польше перевоза к Врангелю, вместо Крыма попала за колючую проволоку. Это было предательством, не спасшим в конечном итоге Польшу и погубившим последний антибольшевистский бастион в Европейской России. Прекращение военных действий на польском фронте сразу сказалось в Крыму. Ударный лозунг «Все на Врангеля!» стал решительно проводиться в жизнь. Численное и огневое преимущество красных возросло в несколько раз, спешно подвозились резервы и военная техника. Сама природа ополчилась на белых: зимние холода начались гораздо раньше, и замерзли обычно не замерзавшие Сиваши. Это значительно облегчило атаки на Перекоп. 15-ая пехотная дивизия обошла Сиваши, сибиряки 30-ой дивизии наступали на Чонгарские переправы, 51-ая дивизия Блюхера атаковала Перекопский вал, буденновцы 10-ой и 2-ой конной армии вели наступательные бои с упорно сопротивлявшейся конницей белых. Тут же и бригада красных крусантов из Петрограда, и корабли Днепровской флотилии, и сербские и китайские части, и другие бойцы-интернационалисты. Махно также решил помочь наступающим красным и повернул свои банды на тачанках против белых. «Это был последний грозный момент, — пишет в приказе по фронту Фрунзе, — решение тяжбы труда с капиталом. Вся Россия (бедная Россия!) смотрит на нас!»

Приказ об эвакуации пришел внезапно. Как я слышал потом, корпусное начальство растерялось и только с помощью старших кадет смогло провести эвакуацию в порядке. Жизнь в Ялте догорала, но никаких волнений не было. Подходили

3*

части конного корпуса генерала Барбовича, прикрывавшие отступление войск генерала Кутепова. Глядя на усталых, но бодрых и подтянутых кавалеристов с белыми гвардейскими поясами, трудно было поверить, что они только что проделали тяжелый арьергардный переход от Северной Таврии до Ялты. Никаких демонстраций против белых я не заметил. Крым один раз уже пережил советскую окупацию и знал, что это такое. Жители смотрели на нас с симпатией, одни женщины нас крестили, другие всхлипывали. Мое активное участие в эвакуации выразилось в том, что один раз я был назначен в городской патруль по пустеющим ялтинским улицам и раз поссорился с кадетами, бравшими на молу шинели из английских тюков, не успевших доехать до фронта. Генерал Врангель приказал оставить это обмундирование нетронутым, чтобы оно помогло русским людям, вольно или невольно оказавшимся под красными знаменами, перенести необычно суровую зиму 1920-1921 г.

1-го ноября сводный Полтавско-Владикавказский корпус погрузился на плоскодонную шхуну «Хриси», совершавшую лишь местные рейсы. Когда мы отплывали, был безветренный и ясный вечер. На «Хриси» яблоку было негде упасть, — все было заполнено кадетами, персоналом и корпусными семьями. Первая рота расположилась на палубе, всматриваясь в постепенно исчезающие огоньки «нашего» Крыма, нашей России. По-моему, лучшее описание прощания с родной землей дал в своих воспоминаниях творец «чуда в Крыму» сам генерал Врангель: «Спустилась ночь. В темном небе ярко блистали звезды, искрилось море. Тускнели и умирали огни родного берега... Вот потух последний... Прощай, Родина!..»

Разлука с Россией больно сжимала сердце, но не было ощущения, что это навсегда. Была даже не надежда, а уверенность, что исход из Крыма не окончание, а только перерыв в вооруженной борьбе против большевистского зла, завладевшего нашей Родиной. На корме стройно зазвучали голоса: кадеты всех корпусов любили и умели петь. Под темнеющим, уже не русским, небом неслись старые народные, военные и казачьи песни, сменявшиеся новыми добровольческими о том, как «смело мы в бой пойдем за Русь святую и как один прольем кровь молодую»; «Вспоили вы нас и вскормили России родные поля, и мы беззаветно любили тебя, Святой Руси земля». Эта грусть и жертвенная готовность умереть, «сложить головы», «пролить кровь молодую» была типична для

Белого Движения, что интуитивно почувствовала большая русская поэтесса Марина Цветаева. Ее стихи, посвященные белым, до сих пор еще под запретом на нашей родине. Цветаева, не выдержав трудностей эмигрантской жизни и тоски по родине, вернулась в Советский Союз. Как и Владимир Маяковский, она стала задыхаться в «социалистическом раю». Оба они добровольно ушли из этого рая туда, где «несть болезни, печали и воздыхания». Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. Стихи Марины Цветаевой рано или поздно дойдут до советских читателей и напомнят им правду Белого Движения.

ДОН

Белая гвардия, путь твой высок,
Черному дулу — грудь и висок.
Божье да белое твое дело,
Белое тело твое — в песок...
Не лебедей это в небе стая,
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...
Старого мира последний сон:
Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

. . . . . .

Кто уцелел — умрет, кто мертв — воскреснет,
И вот потомки, вспомнив старину,
— Где были вы? вопрос как громом грянет.
Ответ как громом грянет — На Дону!
— Что делали? — Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон...
И в словаре задумчивые внуки
За словом «долг» — напишут слово ДОН.

М. Цветаева.

Что касается Крымской эпопеи, есть два интересных отклика из белого и красного стана. Первый — короткое стихотворение двадцатилетнего казачьего офицера Николая Туроверова:

«Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.

А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою,
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела лишь вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда...»

На меня, тоже пережившего уход из Крыма, эти стихи Туроверова произвели более глубокое впечатление, чем самые лучшие шедевры мировой поэзии. Из большевистского лагеря на крымскую эпопею откликнулся бард коммунистической революции, всю свою жизнь и поэтический талант принесший в дар красному Молоху, Владимир Маяковский. И откликнулся совершенно неожиданно. Как будто на мгновение исчезла трагическая черта, разделившая живое тело России на красных и белых:

Наши наседали, крыли по трапам,
Кашею грузился последний эшелон,
Хлопнув дверью сухой, как рапорт,
Из штаба опустевшего вышел он.
Глядя на ноги, шагом резким
Шел Врангель в черной черкеске.
Город бросили. На молу голо.
Лодка шестивесельная стоит у мола.
И над белым тленом, как от пули падающей,
На оба колена упал главнокомандующий.
Трижды землю поцеловавши,
трижды город перекрестил...
Под пулями в лодку прыгнул.
— Ваше Превосходительство, грести? Грести...

В. Маяковский, 1926 г.

Эти строки Маяковского были опубликованы лишь в первом сборнике его стихов в Москве и, насколько я знаю, больше в советских изданиях не появлялись. На фоне бурных коммунистических декламаций Маяковского они — как белая

роза, принесенная из красного стана общей матери-России одним из ее обманутых сынов. За один этот порыв — дань белым, навсегда сохранившим верность России, много грехов простится Владимиру Маяковскому...

После образцово проведенной Врангелем эвакуации Ленин не нашел ничего лучшего, как поручить чистку Крыма от белогвардейских и буржуазных элементов венгерскому палачу Бела Куну. Этот выбор еще раз показал презрение Ленина к своему народу и доверие к интернационалистам. Бела Кун рьяно взялся за приятное его коммунистическому сердцу поручение партии. Под его умелым руководством красный террор в Крыму разбушевался вовсю. Незадачливый венгерский диктатор вымещал на страдальческой русской интеллигенции и мирных крымских татарах злость после своего поражения в Венгрии в 1919 г., когда венгерские патриоты под командой адмирала Хорти положили конец его четырехмесячной диктатуре. Бела Кун сбежал в Москву, где верной службой он усердно зарабатывал свой партийный кусок хлеба с маслом, угождая Ленину и Сталину. Венгерские и советские коммунисты не забыли провала венгерского эксперимента. После окончания Второй мировой войны они тщетно добивались от американцев выдачи им на суд и расправу адмирала Хорти. Погубленные Бела Куном в Крыму многие тысячи невинных русских жизней не помогли ему. Историческая Немезида сказала свое слово. Палач Крыма был расстрелян всероссийским палачем Сталиным как «безродный космополит», каковым Бела Кун и был.

Л. В. Сердаковский.

Б. Ганусовский

10 лет за Железным Занавесом

(Несколько глав из книги)

«О ЖЕНСКОМ РАВНОПРАВИИ»

Разговоры о женском равноправии занимают видное место в советсакой пропаганде, подогнанной на всякий вкус: для заграницы и для СССР.

Что врут коммунисты о женском счастье в СССР — писать не приходится. Об этом знает каждый, мало мальски следящий за их хвастовством, человек, но мне хочется рассказать

о том, как выглядит это счастье и равноправие на практике.

Об угнетении и бесчеловечной эксплуатации женщин, о применении женского труда на самых тяжелых работах, о том, что женщина как мул, употребляется на самый унизительный, грязный и плохо оплачиваемый труд — можно писать целые фолианты. Поэтому мне приходится писать кратко, с фотографической точностью.

Может быть, несколько сотен тысяч женщин в «советском раю» получили возможность стать инженерами, врачами, учеными, преподавателями в высших школах, офицерами и т. д., но зато остальные 120 миллионов женщин (их все же больше, чем мужчин в СССР) лишены всех прав, так широковещательно обещанных и рекламируемых, кроме одного — права быть наравне с мужчинами вьючным животным, которое погоняет отвратительный режим. Женщин сравняли в бесправии и в полном рабском подчинении государственному аппарату.

Достаточно просмотреть списки советских верхов. Разве в них находятся женщины? Времена Колонтай и ей подобных прошли. Разве в ЦК или Политбюро вершит судьбами народа хоть одна женщина? Их там нет. У кремлевских владык на женщин взгляд соответствующий. Женщина для них лично — игрушка, орудие наслаждения, разврата или в лучшем случае, хранительница их семейного очага. Жнещина вне их круга — рабочая скотина, ничем не отличающаяся от их мужских рабов.

В «отсталом и прогнившем капиталистическом мире», в Англии, в Голландии, в Люксембурге — коронованные женщины управляют государством. На Западе женщины могут быть министрами, послами, советниками, неговря о других, более низких положениях. Ни в одном коммунистическом сателлите, не говоря уж о СССР, нет женщины на ответственном положении. Были... но их съели, Анну Паукер и ей подобных.

Коммунистические режимники гордо козыряют женщинами-стахановками на самых разнообразных полях работы от ученых до доярок. Они печатают их портреты на страницах своих официозов и журналов. Эти награжденные женщины — не делают весну в СССР. Их мало. Их можно перечесть по пальцам, поэтому Советы молчат о женщинах лесоповальщицах, сплавщицах на реках, о женщинах землекопах, шахтерах. Молчат они о том, что почти все 100 % сельских работ свалено на слабые женские плечи.

Я не буду писать о «героинях труда», о носительницах наград и орденов. Я напишу о тех, о которых не хочет писать советский пропагандист. О бедном счастье русской женщины.

Мои первые встречи

Высокий героизм, полное презрение к мукам и смерти — отличительная черта русской женщины. Я встречал таких героинь, не раз, но мне хочется поделиться воспоминанием об одной, неизвестной русской девушке, героине, о геройстве которой не должен был знать никто, кроме ее палачей.

Я искренне завидовал ее храбрости, дерзновению и презрению к смерти.

Произошло это в Граце, в Австрии. Произошло это 38 лет тому назад. После первого дознания, проведенного надо мной, я был переведен из тюрьмы в так называемый «репатриантский лагерь». Невольные безумные мечты о «сматывании удочек» вспыхнули в моей голове.

В подвале нас оказалось — восемь человек. Мы свободно и удобно разместились на нарах, на которых обрели один соломенный матрас. Матрас положили поперек и мы почти все имели под боком кусочек «мягкости», а не голые доски.

Из подвала во двор выходило маленькое, низкое, но довольно длинное окошко, через которое мы могли любоваться дырявыми кирзовыми сапогами часового.

Допрашивали нас каждую ночь, в каком-то установленном порядке. В ту ночь, о которой я пишу, меня вызвали и отпустили раньше обычного. Следователи были почему-то взволнованы и куда-то торопились. Ни обычных разговоров «о заграничной лафе», ни угощения папиросами и пивом не было.

Часовой свел меня в подвал, запер за мной висячий замок и начал свое монотонное расхаживание по подвальному коридорчику. В камерах было темно и тихо. Света заключенным не полагалось.

Протянув вперед руки, я старался нащупать край нар и отыскать свое место. Для ориентировки я искал взглядом немного более светлый прямоугольник окна, обычно смутно выступавший в кромешной тьме. Я его не видел... Вдруг кто-то дотронулся до моего плеча:

— Тссс! Это ты, лейтенант?

— Я... — ответил я шепотом.

— Влезай на нары... сюда... к окну... — шептал мой дружок, тоже казачек нашей бригады. — Только потише!

— В чем дело?

— Пссст! — Зашикали на меня остальные.

Я затих и послушно последовал за тянувшей меня рукой. Влез на нары у самого окна и приник к кучке друзей, власовцев или казаков нашего Корпуса, терпевших ту же судьбу, как и я. Люди потеснились, голова к голове и я заглянул в окошко.

Против всякого обыкновения двор, никогда не убираемый и грязный, был освещен яркой лампочкой висевшей на столбе. Часового у нашего окна не было. Слева была видна хозяйственная постройка, в которой помещались когда-то прачечная, кладовая, комнаты для прислуги и летняя кухня. Около нее мотались какие-то солдаты.

— В чем дело, ребята! — прошептал я.

— Сейчас на расстрел брать будут...

— Кого?

— Не знаем. Слыхали — женщину какую-то. Ждут чтобы «воронок» за ней приехал.

Зловещий холодок пополз по спине. Вот как может кончиться «трепня о заграничной лафе», за папиросами и радушно предлагаемым пивом!

Послышался шум подъехавшего автомобиля. Заскрипели открываемые ворота. Что чувствовала в эти жуткие минуты несчастная незнакомая девушка?

Я представил себе обуявшее ее чувство обреченной беспомощности, безумную жажду жизни, в эту жуткую минуту, когда колени дрожат, голос падает, липкий холодный пот выступает на лбу. От этих мыслей ладони и пальцы моих рук стали мокрыми. Слабость овладела всем телом. Слабость и тошнота.

Машина въехала во двор и остановилась как раз под лампочкой. Маленький грузовичек-каретка. Хлопнула дверь. По гравию заскрипели шаги и в конусе света появились гуськом наши «следователи». Впереди, как-то сгорбившись, втянув в плечи голову, с пистолетом в руке, шагал капитан. Единственный профессиональный следователь. Эмведист. За его тенью вынырнул старшина — начальник караула с ключами в руках. Он открыл дверь прачечной. В темный проход влился поток света автомобильных фар.

— Эй! — крикнул капитан. — Чего там! Выходи!

Желтый свет фонарей осветил тоненькую девичью фигурку. Стриженные волосы падали на плечи. Одета она была «по-

европейски»,в черное платье и туфли на каблуках. Яркий свет был брошен прямо в ее лицо. Она была бесспорно хороша собой. Очень бледна и темными пятнами выделялись ее большие глаза.

Девушка сделала несколько шагов и остановилась, прикрыв глаза рукой. Очевидно свет ослепил ее, после кромешного мрака прачечной.

Капитан сделал широкий, приглашающий жест пистолетом, по направлению к «воронку».

Девушка глухо сказала: — Уже?

— А ты, что думала! Что мы с тобой цацкаться будем? Немецкая подстилка!

И лучших, чем ты мы перешлепали! Теперь твоя очередь. Небось наших гестаповцам выдавать умела?

Девушка стояла прямо, не шевелясь. Она, очевидно, в упор рассматривала капитана:

— Не боюсь я смерти! Ненавижу и презираю вас всех! Всю Россию кровью залили, мерзавцы! Мало я ваших агентов переловила! Жаль, что больше не удалось! Если бы жить осталось, опять бы против вас, даже с чортом пошла!

Резко повернувшись, она пошла к черному ящику «воронка» у дверцы которого стоял с ключами старшина.

Офицеры молчали. Несколько солдат смущенно переминались с ноги на ногу. Напряжение прервал капитан, грубо, длинно и витиевато выругавшийся. Кто-то из его «свиты» глупо заржал.

...Щелкнула дверца машины. Скрипнул гравий под колесами. Метнулись по двору полотнища желтовато-мертвецкого света фар в завороте автомобиля и снова стало темно, пусто и тихо. Погасили лампочку на дворе. Как в театре, в котором опустили занавес после последнего акта жуткой трагедии.

Откуда-то вынырнул и стал у окна наш часовой.

— Вот баба, так баба! Ничего не боится! Прямо герой! — с уважением в голосе произнес он.

Кто-то другой, невидимый ответил:

— Ты бы придержал язык, Ванюха! Дурак! Услышит капитан — душу тебе на катушку вымотает!

Наступила мертвая тишина. Там во дворе и у нас в подвале. Каждый остался со своими думами. Печальными, тяжелыми думами. Перед глазами все еще стояла тонкая, высокая, прямая фигура русской девушки, любившей свой народ, ненавидевшей его палачей, боровшейся «хоть с чортом, но против

коммунистов»... Она храбро пошла на смерть, так как ей жалеть было не о чем.

Так во всех застнеках СССР, в краях, захваченных красными пиратами, умирали десятки, сотни тысяч, а может быть миллионы никому неизвестных русских патриотов. Они пали от пули чекистов, но для нас они живы, как святой пример и сейчас. Они живут в наших благодарных сердцах!

Встреча вторая

Пересыльная тюрьма в Одессе была полным полна. Впрочем, было бы странно, если бы явление было обратного порядка. Когда советские тюрьмы пустуют? Коммунисты развили широкое строительство тюрем. Ныне в больших городах больше тюрем, чем больниц. Нет ни одного, даже самого маленького населенного пункта, где не было бы тюрьмы и все же их нехватает. Они все набиты до отказа и невольно вспоминается, как зловещая ирония, стихотворение, такое популярное в дни «кровавого царского режима», которое читалось на всех студенческих и ученических вечерах: «Каменщик».

Помню слова: «Каменщик, каменщик с верной лопатой, кто же в ней (в тюрьме) будет страдать? — Верно не ты, и не брат твой богатый! Нечего вам воровать!..

Транзитные тюрьмы полны всевозможного элемента. От воров (их больше всего) до убийц. От маленьких растратчиков — до политических «преступников».

... Нас, в одиночке было «совсем мало». Только восемь человек. Несмотря на холодную октябрьскую погоду, мы радовались отсутствию стекол в окнах. Если бы окна запирались, мы бы задохнулись в этой «бисовой тесноте».

Коридор четвертого этажа, на котором мы помещались — был очень длинным. В него выходили двери нескольких десятков камер. Население их было пестрым и смешанным. Слева от нас находилось несколько женщин, побывавших заграницей, остовок, увезенных на работу в Германию, теперь ожидавших приговора «ОСО», заочного московского суда, выносившего приговоры по политическим делам, в которых отсутствовал фактически обвинительный материал, и жертвы судились «по наитию».

Справа от нас помещалась компания блатных». Вообще, на четвертом этаже преобладал уголовный конгломерат. Нет той мерзости, той подлости, того разврата, на который эти типы

не были бы способны в любой момент и при любых обстоятельствах. Особенно ярким являлось их падение по отношению к женщинам. В словаре отсутствует слово «женщина», оно заменено самым омерзительным выражением русского словаря. Обращение к любой женщине — соответствовало их словарю.

... Кормили нас три раза в сутки. Утром и вечером «чай» (вываренное мочало) к которому полагалось 9 грамм сахару, появлявшемуся в виде одного малюсенького квадратика пиленого сахара. В полдень давали «обед». Некое подобие супа, в котором плавала картошка, фасоль и невыносимо вонючая соленая камса. Проглотить первую ложку этой баланды — было настоящим подвигом. Вторая шла уже легче, в особенности, если задержать дыхание или не дышать через нос. А потом — привыкалось и выпивалось почти залпом.

Раздачу пищи производили две милые, совсем молоденькие женщины. Одесситки. Родные сестры, получившие по три года «тюряги» за... спекуляцию.

Они пытались продать на базаре (в СССР все продается на «толкучках») ручные часы иностранной марки. Едва-едва открутились, чтобы им не пришили 58 статью (политическую). Как местных жительниц с исключительно маленьким сроком, их не отправили в лагерь, а оставили при тюрьме «для услуг». Тюремное начальство приобрело двух новых рабынь, с которыми могло делать все, что ему заблагорассудится.

Каждый день раздача пищи в нашем коридоре была пыткой для бедных сестер. В сопровождении надзирателя, открывавшего и закрывавшего двери камер, они раздавали жестяные миски, сделанные из старых, ржавых консервных банок, наполненные варевом.

Всевозможные жесты, не поддающиеся описанию, град ругательств, самые гнусные предложения преследовали молоденьких женщин при появлении в дверях. Все это делалось просто из озорства, для удовлетворения извращенной похоти или для того,чтобы вынудить их быстро дать еще одну миску баланды — «взятку молчания».

Надзиратель, стоявший рядом не вмешивался в это безобразие. Ему вовсе не хотелось «раздражать блатных». Он равнодушно ковырял в зубах или внимательно рассматривал клопа на стене, в то время, как девушки, выросшие под крылышком матери, последние «могиканки» прежнего общества,

краснели, бледнели, не зная куда им уйти, как скрыть полные слез глаза.

Это доставляло негодяям особую радость и они каждый день изощрялись в новых мерзостях.

В первый день нашего приезда в полдень загремел замок нашей двери. В щели появилось два раскрасневшихся, хорошеньких личика с заплаканными глазами.

— Сколько вас, — задали они стереотипный вопрос.

— Восемь!

Девушки торопливо отсчитали миски, в которые наливали баланду. Они ожидали новых гнусностей и оскорблений. Однако в камере было тихо и спокойно. Принимая банку с супом я первый сказал: Спасибо, барышни!

Сестры недоверчиво взглянули на нас.

— Не бойтесь! — тихо сказали мы. — Мы не уголовники. Мы политические. Мы — вас не обидим!

В ответ младшая девушка нагнула голову и слезы градом закапали прямо на тюремный пол, в ржавую банку с баландой, на протянутую руку принимавшего «обед».

Надзиратель поторопил раздатчиц и захлопнул дверь. Девушки дальше шли по коридору, переживая своеобразное «пропускание через строй».

Наш суп был проглочен. Я собрал миски и поставил их перед «кормушкой», форточкой прорезанной в двери, закрывавшейся снаружи железной заслонкой.

Девушки сами открывали «кормушки». Заключенные подавали миски, стараясь схватить их за руку, сопровождая это потоком гнусностей.

Вот приоткрылась наша заслонка и милый девичий голосок тихо произнес:

— Ставьте миски. Вам добавка будет!

Загремел засов и в приоткрытую дверь, девушки передали полный маленький бак густого варева. Надзиратель снисходительно улыбался.

Так началась наша дружба с Любой и Таней.

Постепенно,по несколько слов в день, они рассказали нам свою нехитрую и потому еще более печальную историю.

Отец умер рано. Росли они с матерью и бабушкой. В малюсеньком домике на «Большом фонтане». Пришла война. Осада. Голод. Оккупация неприятеля. Было трудно. Часто унизительно обидно. И все же жить стало легче. На базарах появились невиданные продукты. Магазины наполнились то-

варами. И, несмотря на благополучие — нетерпеливо ждали возвращения «своих». Верили, что война, как очистительный огонь все переменит. Говорили, что колхозов больше не будет. Что все будет по новому, по хорошему. И вот... пришли «свои» и как по мановению палочки злой волшебницы все исчезло с базаров, из магазинов. Вскоре исчезли и сами базары и магазины.

Только где-то, около вокзала, нелегально собиралась «толкучка», где можно было что-то сбыть и на выручку кое-что купить.

Мать заболела. Было трудно. Девушки решили продать ручные часики, купленные во время оккупации. «Покупатель» оказался агентом. Результат — три года вычеркнуто из их юной жизни. Выйдут из тюрьмы духовно искалеченными, физически растленными на всю жизнь.

— За что! За какие преступления?

— За преступление совершенное шайкой кремлевских негодяев. За узколобую попытку втиснуть нормальную жизнь в теоретическую форму.

Целый месяц, сколько мы провели в одесской пересылке, лишние куски хлеба, густой суп, щепотки махорки, а самое главное — доверчивые девичьи улыбки, дарящие нам радость в страшном «мертвом доме», были наградой за то, что мы по человечески тепло отнеслись к нежным душам, изнывавшим в обстановке особо сконцентрированной советчины.

Встреча третья — на «свободе» не лучше!

В начале лета 1946 года судьба занесла меня на самый полярный круг, в Сев. Печерский жел. дор. лагерь. Она, очевидно, решила мне улыбнуться. Я получил место «экономиста-плановика» при одной вновь организованной рабочей колонне.

В самый разгар полярного лета, меня отправили в Управление Лагеря, в т. н. «город» Печору, тогда жалкий, барачного типа поселок, расположенный на поляне вырубленной тайги.

Посреди «главной улицы» все еще торчали пни, которые, по правде говоря, никому не мешали, ибо сообщения в этом городе не было никакого. По улицам не ходили автомашины, которых не было, не мелькали велосипеды, о которых там только мечтали. Раза два в день проползала одноконная, запряженная, такой же изморенной как и люди, клячей, водовозная бочка и все население, ожидавшее ее, как манну небес-

ную, летело навстречу с криками, руганью, свистом, вооружившись бутылками, ведрами, кастрюлями и ржавыми консервными банками.

Пробыл я в «городе» Печора, гордо занесенном на картах СССР, десять дней, ночуя в той же канцелярии, в которой мне пришлось работать. Иногда я спал на столе, если опаздывал и «место» было занято — на полу, подложив кулак под голову. Питался только тем, что мне выдали в моем лагере — сухим пайком.

Как я ни экономил, как ни растягивал каждый грамм, проводя долгие минуты рассматривая его, стараясь «накормиться глазами», сухая рыба и черный хлеб, как и постное масло (20 грамм на день!), сахар — 27 грамм на день, вся эта роскошь кончилась через пять дней. Остался только мешочек с перловой крупой, пресловутой «шрапнелью» ставшей со «дня великой и бескровной», неотъемлемым спутником подсоветского человека.

Варить было негде. Попробовал я ее жевать, посасывая. Горькая, противная. Попробовал «сконструировать» плиту. На площади перед управлением, между двумя камнями развел огонь и насыпал в ржавую банку крупы, старался с минимумом воды сварить ее. Нехватало ни терпения, ни воды... не было соли.

Опытные заключенные посоветовали мне обратиться к какой-нибудь «вольно-живущей» женщине, квартировавшей по близости. Так я и сделал.

Сразу же по прибытии я заметил старушку, жившую рядом с Управлением в одном из так называемых «восьмиквартирных домов», бараков из грубо обтесанных досок. Улучив минутку, захватив мешочек с 2 кг. крупы, я отправился к ней. Авось не выгонит!

На стук открыла сама старушка. Она оказалась одна в доме и долго, пытливым взглядом рассматривала меня, спросила — не бандит ли я и что мне нужно.

Стараясь изысканным оборотом речи рассеять ее подозрения, я, все время извиняясь, объяснил ей причину моего визита.

Привезенный из-за границы словарь, манера высказывать мысли, очень часто служила как бы удостоверением личности.

Это удалось, как нельзя лучше. Старушка пустила меня в комнату, предложила сесть. Показала мне старинный маленький чугунок и спросила — довольно ли будет? Методично

отмерила крупу, пожертвовала мне драгоценную воду и поставила варить мою кашу. Между нами завязался осторожный, взаимно-ощупывающий разговор.

Она меня спросила, откуда я, как попал сюда, большой ли мой срок?

Рассказал вкратце свою судьбу. Старушка завздыхала, зацокала языком, сочувственно покачивая головой. Лед был пробит.

Я осмотрелся. Вся ее квартира состояла из, как принято называть в СССР, «кабинки». Действительно, такое помещение является чем-то средним между кабинкой лифта, и отделением в бане. Проще говоря «жил-площадь», причитающаяся ее сыну, инженеру путей сообщения, служившему по «вольному найму» в нашем учреждении, равнялась 2,5 x 3 метра. Тут было все: топчан сделанный из ящиков, две самодельных, из ящиков же, табуретки, такой же стол и кое-как сложенная из кирпичей плитка, верхней поверхностью для которой служил сплющенный бидон от керосина. Плитка обогревала, коптя и дымя, эту малюсенькую комнатушку.

Убожество меня успокоило. Если живут так, то сын, хоть и «спец», но не партийный, не коммунист. В противном случае он бы имел отдельный, двухкомнатный домик с кухней.

Старушка тихим голосом жаловалась на недостаток дров и воды, на неаккуратную выдачу продуктов по карточкам. Многое не доходило до рук потребителей и пропадало по дороге или в самом поселке. Она плакалась, что ее мучает одиночество, т. к. сын постоянно находился в командировках по строительству, жаловалась на суровый климат с морозами до 60 градусов, донимавшими ее в дырявом домике...

Слушая, как клокочет в чугунке каша, как попискивает рядом стоящий чайник, прислушиваясь к воркотне доброй старушки, я качал сочувственно головой и вздыхал. Теплота, страшная усталость, истощение разморили меня. Приятно было сквозь смыкающиеся ресницы смотреть на старческое милое лицо, напомнившее столько дорогого из детства, на повойничек, скрывавшей седые, на средний ряд зачесанные волосы, на бесчисленные морщинки, немного подслеповатые голубые глаза... охватывала меня дремота покоя и тихой, давно не испытанной радости.

Вдруг кто-то постучал в дверь. Старушка заволновалась. Не дай Бог, кто-нибудь из администрации. Могут быть большие неприятности за «связь с заключенными». Это весьма

карается!

В комнатушке было невозможно спрятать даже кошку. С трепетом она открыла дверь.

Прислонившись к притолоке, в позе крайней усталости и отчаяния стояла молодая женщина, одетая в старенькое, заношенное, ситцевое платье, поверх которого был наброшен рваный, потерявший цвет, платок.

На груди ее лежал спеленатый, как делали в старое время, втугую, ребенок. Двое других, мальчуган и девочка, двух и четырех лет, держались за ее юбк.и

Лицо женщины было до невероятности худо. В глазах застыло выражение безнадежности.

— Бога ради! — тихо прошептала она. — Бога ради, дайте нам что-нибудь поесть. Мне не надо... вот им. Второй день они ничего не ели. У меня нет больше молока... Грудь высохла. Малыш уже и плакать перестал... ослабел... Помогите!

Старушка широко открыла дверь и быстро ввела пришельцев в комнату. Я уступил табуретку. Быстро отрезав ломти хлеба и посолив, хозяйка сунула их в руку женщине. Мать раздала их малышам. Нужно было видеть, с какой жадностью «цветы» СССР, согретые солнцем сталинских забот ели, черный как земля, «комбинированный» советский хлеб.

Женщина разжевала маленький кусочек и сунула его в рот младенца.

— Почему же вы сами не едите?— спросил я.

— Мне он больше не поможет. От него молоко у меня не пойдет... а вот эти двое хоть немного подкормятся.

Я встал, указал старушке глазами на кипящую кашу, проглотив слюну и вышел на улицу, плотно закрывая за собой дверь.

Боль, стыд, злоба и бессильное отчаяние сдавили мне горло. Я чувствовал, как слезы льются по щекам. Мужские, скупые слезы. Мы, русские мужчины, допустили банду негодяев захватить нашу страну, уничтожить семью, разбить самое маленькое человеческое счастье, издеваться над нашими матерями, женами и сестрами... морить голодом наших детей! Мы... мужчины...

Я прошелся по «улицам», обходя пни и, выждав немного, вернулся к старушке. Несчастная мать ела горькую, каторжную кашу вместе с детьми. Из заветной бутылочки старушка полила ее постным маслом. На столе лежала завернутая в платок краюха хлеба весом с добрый килограмм.. Между

глотками женщина рассказала нам о себе.

Ее муж работал на железной дороге на Украине. Пришла война. Фронт быстро продвигался. Приказали эвакуироваться. Было поздно. Немцы отрезали путь. Пришлось остаться на месте. Немцы приказали мужу вернуться на работу. Грозили расстрелом.

Когда вернулись «освободители», сначала не трогали мужа. Потом все-таки докопались и арестовали. Судили обоих за «содействие врагу». Дали по 58(3) — 10 лет! Мужа куда-то увезли, а ее, беременную, с двумя ребятами мал-мала меньше сослали на «вольное поселение» сюда, в Печору. Привезли и выпустили. Ты, — говорят, — теперь свободная. Делай, что хочешь! Можешь работу искать».

Где найти кров над головой? Как работать с тремя детьми? Куда их девать?

Уже недели две она в Печоре. Кое-что продала. Три дня тому назад, пошла по домам работу искать. Когда вернулась в сарай, в котором ей разрешили ночевать и последнее барахло кто-то украл. Детское тряпье, одеяло и подушку... Есть нечего. Укрыться нечем. Работать — негде!

Отдал я женщине сухую, оставшуюся крупу и ушел в Управление. Голод исчез. Вместо него осталась горечь и злоба. Не мог я смотреть на муки матери и ребят. Сам будучи рабом, помочь им не мог. Сам стал от недоедания «тонкий, звонкий и прозрачный», как иронизировали в лагере, — сосулькой стал!...

... Такова была и есть «забота о детях» в Советском Союзе. Такова их «защита семьи и материнства». Так выглядит советская реклама «дети не отвечают за грехи их родителей»...

Когда смотрите журналы, с фотографиями сделанными иностранцами на улицах Москвы, Киева, Одессы, Ленинграда, когда читаете их полусдобренные статьи, когда видите в кинематографах «настоящие снимки» фильма, сделанные в СССР, вспомните, что это только тонкая фольга, фасад, лубок размалеванный. Так, как они показывают, живет очень мало людей, очень мало детей, очень мало женщин!

Женщина с лопатой! Женщина с киркой! Женщина в шахте! Женщина в тюрьме! Женщина, заменяющая вьючный скот в деревне, женщина...

Сегодня, находясь в Австрии, этой сравнительно бедной стране, обобранной гитлеровской и послевоенной оккупациями, встречая австрийских румяных ребят, аккуратно одетых в

национальные костюмчики, встречая здоровых загорелых женщин, весело, для себя, работающих в огородах или полях, я вспоминаю прозрачные, синеватые лица, скорбные глаза русских женщин и детей... Мне горько. Меня душат слезы!

Встреча четвертая — «Ваши дети принадлежат государству!»

... Она прибыла на кирпичный завод в Косью, Коми АССР, с очередным женским этапом из Белоруссии. Это было в 1949 г., в дни, когда особо свирепствовал сталинский указ «от 6 июля», относившийся к защите социалистической собственности от расхищения, по которому судьи, тоже трепетавшие за свою участь, сыпали всем подряд — по 25 лет!

Это была молоденькая, изумительно хорошенькая еврейка. Ее красота была редкой, библейской, напоминавшей лица на древних фресках. Увидев ее, я вспомнил рассказ кажется Куприна, о такой красавице-еврейке.

У нее, — мы не знали ее имя и все называли ее Саррой, — был ребенок. Мальчик месяцев семи отроду. Как ей удалось сохранить его живым в тюрьме, как ей удалось довести его до лагеря, почему его у нее не отобрали — неизвестно. Мы предполагали, что благодаря ее красоте, благодаря ее изумительным глазам, ей удалось смягчить заскорузлые сердца чекистов.

Как матери, кормящей грудью младенца, ей выписывали дополнительный паек и временно освободил от работ. В лагере, куда она прибыла, было уже несколько подобных ей матерей. В этом пункте со смешанным составом находилось 500 женщин и свыше 80 мужчин-спецов, машинистов, механиков, электротехников и слесарей. Они были «привилегированным классом». Все тяжелые работы исполнялись женщинами.

Женщины, вручную, кирками и лопатами «заготовляли» глину. Мешалок не было. Женщины таскали тяжелые, сырые кирпичи до сушилки, составляли их в печи и т. д.

Возраст заключенных был разный, но все они, как две капли воды походили друг на друга. И совсем пожилые и юные девушки... Согнутые непосильным трудом, бледные от истощения, униженные в своем женском достоинстве, лишенные самых элементарных удобств и человеческих прав, в безобразных ватных штанах и куртках, одинаковых для мужчин и женщин, зачастую коротко, на-голо остриженные.

Ум человеческий свободен в долгие часы тяжелого физического, однообразного как штамп труда. Он плетет свои длин-

ные нити, как прялка. Наблюдая за несчастными «кирпичницами» невольно, как парадокс, вспоминались уютные ночные рестораны Европы, полные нарядной, сытой публики, времен до-военных. Вспоминался Морфесси и романс-песенка: «На окраине, Одессы города», песенка о кирпичном заводе, на котором и около которого цвела романтика и любовь.

Не думаю, чтобы эти страдалицы неопределенного возраста, когда-либо подумали, что «вот за эти-то, за кирпичики, полюбила кирпичный завод!».

Больше чем уверен, что ежедневно, ежечасно, ежеминутно они проклинали свой завод и липкую, тяжелую поддающуюся обработке глину, превращающуюся в бесчисленные кирпичи.

Женщины нашего кирпичного завода, превращенные в подневольных «строителей победившего коммунизма», в обычную скотину, несмотря на все, внутри, в самих себе, сохраняли маленькое святая-святых. Они стремились к тому, что им по закону природы принадлежало. Как это не странно — они тянулись, как мотыльки к огню, сжигавшему крылья, к любви!

Даже в этой ужасной обстановке им хотелось ласки, защиты, твердой мужской руки, на которую можно было опереться хоть на момент, на секунду. Им хотелось прильнуть к груди, на которой можно выплакаться, посмотреть в глаза, в которых светится тепло и участие. Хоть раз, хоть однажды, почувствовать себя дорогой, нужной, женщиной, человеком!

Я не думаю, чтобы физическая сторона любви была желанной. Она являлась только неизбежным концом. Не к ней стремились русские девушки и женщины, загнанные в угол проклятым режимом. Но все же, к ярости чекистов — появлялись дети. Бедные, бледные лагерные дети, рожденные рабынями, осужденные на пожизненное клеймо.

Судьба женщин, ставших матерями за проволокой лагеря, судьба их маленьких чахлых «цветочков любви» — более, чем печальна.

Первый год, пока новорожденные, поскольку они остаются живы, нуждаются в материнской заботе, женщины живут в отдельном бараке, под градом упреков и бранных слов, ежедневно преподносимых начальством. Потом ребят начинали отлучать от матерей. Дети переходили в «ясли», где за ними смотрели «новозабеременевшие», в то время, как их матери становились на работу. Сначала по пол-дня, потом все дольше и дольше, пока, наконец, на них не взваливалась обычная норма. С детьми им разрешалось бывать редко. Начальство

пользуется каждым, малейшим упущением или провинностью, чтобы запретить, в виде наказания, посещение ребенка. Наказание могло длиться очень долго. Не подчиниться ему — означало потерю ребенка навсегда.

Не дай Бог посетить ребят в неурочное время.

Бывало, играют дети на площадке «яслей». Проходящая мимо мать, может быть, уже давно не видевшая ребенка, не смеет к нему подойти, не смеет отозваться на его зов, не смеет утешить его, если он ударился или его кто-нибудь обидел.

Ребенок не принадлежит матери. Он — собственность государства!

Я сам слышал, как одна «вольная врачиха», чекист в юбке с медицинским дипломом, заматеревшая в лагерях, ответила одной такой матери на ее просьбу допустить ее к, может быть, смертельно больному дизентерией ребенку.

— Чего вы беспокоитесь, гражданка! Ребенок не ваш, а государственный! Вы этого не смеете забывать. Ваша детородная функция закончена! Все, что нужно, будет сделано без вашего в этом участия!..

«Детородная функция!»

Нужно ли мне описывать отчаяние матери, ее ненависть к бесчеловечной оскорбительнице материнского права. Смею ли я повторить ее невоздержанные слова и... наказание которому она была подвергнута!

До двухлетнего возраста ребята, хоть изредка получают ласку, согреваются на груди их матерей. Два года... роковой день рождения. Чекисты собирают детей доросших до этого возраста в строжайшей тайне подготовляют детский этап. От матерей это скрывают, но их обмануть трудно. Они уже ждут, чувствуют приближение страшного дня.

В один печальный день лагерным матерям объявляют, что они освобождаются от работ. Их с утра допускают для последнего свидания с детьми. Вечером их увезут куда-то, далеко-далеко, в неимеющий адреса детский сад, затем в закрытые детские дома... Там они останутся до окончания срока наказания матери. А может быть мать никогда больше не увидит того, кому она по божескому закону подарила жизнь. Дети вскоре забудут, что у них были матери. Превратятся в «пионеров отечества», в комсомольцев, или даже чекистов.

Несчастные матери в «день прощания» приносят сделанные ими «сладости»из сэкономленного сахару, смешав его с водой,

подкрашенной северными ягодами. По ночам они шили из случайно уцелевших лоскутков тряпичные туфельки, рубашечки, штанишки. Они смотрят и не могут насмотреться на бледных, печальных, большеглазых мучеников. Они их целуют, прижимают к высохшей груди, гладят по их головкам мозолистыми, грубыми, потерявшими форму руками...

Время бежит. В ворота лагеря въезжает грузовик и дежурные чекисты грубо объявляют, что — «пора кончать нюни!».

Слезы, истерические рыдания, вопли, проклятия, обмороки. Женщины валяются в ногах у чекистов, ползают на коленях, целуют смазаные сапоги, обещая все, предлагая все, за то, чтобы ребенок остался в лагере до следующего этапа...

—

Свободные женщины свободного мира! Верьте мне, что я не преувеличиваю ни на иоту описываемое мною. Я не знаю, умею ли я словами передать то, что я видел, что я сам, вчуже, по мужески, но все же вместе с лагер-матерями пережил и не раз. Свободные матери, родившие детей в свободном мире, неужели же вы можете остаться равнодушными, зная правду о ваших сестрах в СССР. Неужели же в вас не проснется сестринское чувство желания крикнуть всему миру, что нельзя так! Что нельзя до бесконечности и безнаказанно попустительствовать преступлениям против Божиих и человеческих законов!..

... Увы, все унижения несчастных матерей ни к чему не приводят. Дюжие надзиратели вырывают ревущих ребят из рук женщин и передают в грузовик «вольной сестре», чаще всего жене какого-либо чекиста.

Крики женщин, плач детей, площадная брань чекистов, все сливается в ужасный хор, который не мерещился Данте. Грузовик трогается, выезжая за ворота. Нередко под его колеса бросаются доведенные до безумия женщины!..

... Плач детей замирает вдали... Грубые окрики загоняют истерзанных матерей по баракам. Вы не видели их глаза? В них навсегда, на всю жизнь остается та же тоска, которую вы видели в глазах животных-матерей, у которых жестокие люди отняли их беззащитных детенышей...

—

Так пришел срок и для бедной Сарры.

Я видел исключения. Матерей-уголовных, которые равнодушно и спокойно жертвовали плод чрева своего на алтарь

государства-молоха. Но Сарра не была такой. Она, в «день прощания» сидела на крылечке «яслей» кутая своего кудрявого малютку в сшитую из своей последней юбки курточку. То судорожно прижимая его к груди, она осыпала его поцелуями, то отбросив его на расстояние рук впивалась в него горящими молниями глазами. Решимость изменила ее мягкие черты лица.

Незадолго до приезда грузовика Сарра заявила начальнику «второй части», что своего ребенка она не отдаст!

Чекист не спорил. Он только рассмеялся ей в лицо и сплюнул.

Подошел решающий момент. Матерям было предложено потеплее одеть детей и отнести их к грузовику. Женщины заголосили. Ребята залились плачем. Только Сарра с выражением крайней решимости осталась сидеть на завалинке, прижав к себе мальчика.

Она осталась одна. Прошло еще несколько томительных минут. Загрохотал мотор старой грузовой машины... Казалось она вот-вот отойдет. Надежда закралась в сердце Сарры. Чекисты уступили. Оставили ребенка до следующего этапа. Еще на пол-года. А там... будет видно!

Напрасно! Она увидела бегущих к ней двух здоровенных надзирателей!

— Эй, ты! Чего сидишь? давай «пацана», да поживее!

— Не дам! — тихо, но решительно ответила Сарра. Ее глаза горели, как звезды. Длинные волосы рассыпались и прикрыли личико ребенка. Она была изумительно прекрасна в этот момент.

— Не дам! — повторила она громче, забрасывая голову.

Надзиратели бросились к ней. Началась борьба. Дикая, безобразная, безнадежная для женщины. Сарра, как тигрица защищала своего детеныша. Она кусалась, царапалась, но подбежал еще один чекист и... «социализм победил!».

Ребенок, онемевший от ужаса, посиневший, с застывшими вытаращенными глазами, был вручен одному из мерзавцев, в то время, как другие два, изо всей силы держали мать.

Машина тронулась...

Сарра больше не боролась, не кричала. Надзиратели выпустили ее и пошли вразвалку к своему бараку, типичным жестом отряхивая руки, как после удачно сделанного дела.

Мы, мужчины, стоявшие за проволокой, как отдыхающая смена и, зная свое бессилие, только наблюдавшие за раздирающей сердце трагедией, пошли в свои помещения прини-

мать вечерний «чай».

Прошло пол-часа. В нашем бараке было тихо. Никому не хотелось говорить. Каждый переживал по-своему развернувшуюся перед нами картину «советского рая». Вдруг дверь резко распахнулась и вбежавший заключенный крикнул:

— Ребята! Сарра мертва!

Мы замерли. Как? Каким образом? Отчего? повесилась?..

Сарра задушила сама себя своими косами. Незадолго перед смертью она сказала одной из заключенных, что не может себе простить, зачем отдала своего мальчика живым в руки чекистов, до конца надеясь его удержать при себе.

... Хоронили Сарру по чекистскому «обряду». При выносе тела за ворота лагеря, дежурный надзиратель особым молотком пробил ей, мертвой, темя, чтобы быть совсем уверенным, что она действительно умерла, а не «представляется». Затем, в одной грубой мужской рубахе не скрывавшей ее наготу, зарыли ее в мерзлую землю, в неглубокую яму. На добычу песцам и полевым крысам.

Так ушла от нас бедная белорусская Сарра. Так в «самой счастливой стране» уважают права матерей и заботятся о счастливом детстве «цветов» коммунистического государства.

Спасибо «великому Сталину» и ему подобным, за эту счастливую жизнь!

Встреча пятая — судьба сына

Свинцовое полярное небо давило безрадостностью. Дул ледяной ветер, останавливающий дыхание. Он гнал в лицо мелкий, как песок, острый снег.

Насколько это допускала холмистая местность, до самого горизонта были видны терриконы выброшенной из угольных шахт земли и породы, стоявшие как огромные пирамиды. Пирамиды, как в древнем Египте, воздвигнутые руками рабов. Руками лучших сыновей России, которых кровавый режим собрал со всех концов страны, чтобы здесь до конца своей жизни они работали в угольных шахтах МВД, извлекая из глубоких шахт уголь такой же черный, холодный и тяжелый, как чекистские души.

Эти пирамиды воздвигались кровавым потом, тяжелым, каторжным трудом оборванных и голодных людей, работавших на 45-градусном морозе. Обманывая весь наивный мир, с необъятных просторов России, СССР собирал тех, кто противился его бесчинствам, его желанию поработить весь мир.

Люди гибли на этих работах. Их истощенные трупы прокалывали штыком, им разбивались головы молотком, очевидно желая «обезвредить» их до судного дня. А затем, обезображенный труп выбрасывали в тундру, покрывая тонким слоем суглинка, радуясь тому, что и кости «врагов народа» будут растянуты хищниками.

... По дороге от шахты к жилой зоне лагеря медленным шагом двигалась колонна заключенных, всю ночь проработавших в черных недрах земли.

Спереди и сзади шел вооруженный автоматами конвой. По бокам рысцой бежали специально дрессированные для охоты на людей собаки. Их вели «загонщики» на длинных, метров по десяти, ремнях.

Лица бледны и даже ветер и мороз не может у заключенных вызвать краску. Одежды — лохмотья. Руки черные от въевшейся угольной пыли. Колонна теней движется под непрерывный кашель и выплевывание черной мокроты из полных угольной пыли и зачастую разъеденных туберкулезом легких.

Впереди шествия, метрах в двухстах, согнувшись под тяжестью ноши, бредет женщина. Она старается углом платка закрыть от леденящего ветра свое лицо.

Женщина несла в руках два больших узла, согнувшись под их тяжестью. Эта фигура привлекла внимание всей колонны заключенных. Она, по своему облику, никак не могла принадлежать к женам чекистов. Когда колонна догнала женщину, она сошла с дороги и опустив свои узлы стала всматриваться в лица шахтеров.

Губы ее были полуоткрыты. Грудь вздымалась. В глазах застыли крупные слезы.

Мы угадывали, что она мать, ищущая своего сына, своего ребенка, сколько бы ему лет ни было — ребенка. Только мать могла преодолеть все препятствия, и ведомая всепобеждающим чувством, добраться сюда, в ледяную тундру, в надежде хоть издали увидеть свое дитя.

Бредущие мимо заключенные, сердцем чувствуя ее переживания, дружески кивали ей головой, силясь придать своему заледеневшему лицу слабое подобие улыбки. Все они думали о своих матерях, женах, детях...

В середине колонны шагали рядом два близких друга. Когда они поравнялись со старухой, один из них, Мишка, толкнул локтем «кореша» и шепнул:

— Смотри, Трезубый! Это же мать Володи Александровича!

«Трезубый» остановился, как вкопанный. На него натыкались далее марширующие раб-шахтеры. Как это ни было странным и невероятным, он понял, что Мишка не ошибся.

В морщинистом лице можно было угадать черты Володи. Смелый взмах бровей, высокий умный лоб, разрез глаз... Сходство было поразительное...

В тот же момент, как перед смертью, в одну секунду, пролетел перед ним как фильм — «случай Владимира Александровича», геройская смерть милого Володи.

Однажды, не так давно, чекисты набросились на истощенного голодом, малорослого парня, под предлогом, что он ленив, нерадив и плохо работает. Они избили его дубинками, а потом, раздев до белья, привязали на морозе железной цепью к телефонному столбу.

Володя Александрович не выдержал. Он не мог равнодушно смотреть, как чекистские псы издевались над истерзанным полутрупом. Он смело подошел к столбу, отвязал цепь и стал одевать избитого в брошенную рядом одежонку.

Чекисты бегом вернулись к «позорному столбу» и наскочили на Володю. Он уже ждал их. Широко расставив ноги, крепко сжимая тяжелый стальной лом, которым он пользовался на работе, он встретил смело разъяренных негодяев и первому подбежавшему плюнул в рожу.

Чекист замахнулся, но прежде чем его кулак успел опуститься, он был сражен невероятным по силе ударом лома. Его безжизненное тело с раскроенным черепом покатилось на снег, окрашивая его багровокрасными цветами.

Володя, страшный в своем справедливом гневе, своим телом защищавший несчастного избитого паренька, не ожидая нового наступления, сам бросился в группу конвоиров и успел еще одним ударом свалить с ног чекиста.

Острый, как шило лом вонзился в грудь эмведешника, но в этот момент, прямо в упор автоматная очередь прорезала Володину грудь...

Вся эта сценка разыгралась в течение каких-либо секунд и такой как она была, она встала перед духовными глазами «Трезубого».

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Трезубый во весь голос скомандовал:

— Колонна сто-ой!

Машинально колонна остановилась, а Трезубый вышел из строя и подошел к старушке. Выражение глаз этого «урки»

было мягким и ласковым. Дрогнувшим голосом он спросил:

— Если я не ошибаюсь, мамаша... не вы ли мать Володи Александровича?

Старушка совершенно растерялась и кивнув трясущейся головой прошептала:

— Где он?.. Не вижу... что-нибудь случилось?

Трезубый опустил голову и закрыл глаза... После короткой паузы он тряхнул покрытой инеем и сухим снегом шевелюрой и указав вдаль рукой, громко стал рассказывать:

— Там, мать, за этим холмом закопали твоего Володю. Там ищут покоя его истерзанные кости... Пойди туда, мать... Ты там найдешь маленькие возвышения... Какое из них покрывает твоего сына, я не знаю... но не все ли равно! Ты — русская мать, и все там зарытые — твои сыновья!.. Иди туда, мать, и освяти твоими слезами, окропи ими все эти безымянные могилы... Плачь над ними во имя всех русских матерей...

Твой Володя, мать, пал смертью героя, борясь за правду, за свободу, за Россию!

... Старушка сгорбилась, и ее худенькие плечи затряслись от сухих рыданий.

— Не плачь здесь, мать! — продолжал «урка» Трезубый громовым голосом. — Тебе нужно много слез, чтобы омыть ими память тех, кто полег на кладбище, которое создали чекисты... Будешь плакать — пролей слезы и о нас, которых видишь тут, ибо и мы все ляжем рядом с Володей, раньше или позже! Мы — тоже твои сыновья, русская мать! Миллионы твоих несчастных сыновей!

Верь, что наши могилы — чистые, заслуживающие твоих слез, а не мавзолеи, в которых сохраняется кощунственная падаль!

Здесь, а не там, в Москве, соорудит русский народ священный мавзолей... и тогда все русские женщины смогут приходить плакать, молясь за своих детей-героев...

Иди, мать, пока тебя не схватили сталинские псы! Иди...

Трезубый подошел вплотную к старушке и взяв ее руку поцеловал почтительным, сыновним поцелуем.

Женщина согнулась, подняла со снега брошенные узлы — скарб, который она правдами и неправдами несла своему сыну, и протянув их Трезубому, прошептала:

— Спасибо, сынок! Возьми... подели с другими... в память Володеньки!

— Спасибо, мать — всхлипнул «урка», вытирая глаза и нос

потрескавшейся закорузлой ладонью. — Мы раздадим в бараках... Больным... Фитилям — доходягам!

— Привет матери героя! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Неси привет всем русским матерям! — закричала вся колонна.

— Прощай, матушка, не плачь!..

Заключенные сами построились и пошли к лагерю каким-то особым, бодрым шагом.

Конвой, стоявший все время в группе, в стороне, занял свои места и, не говоря ни слова, зашагал рядом. Уж слишком много было раб-шахтеров, чтобы здесь, на дороге вступать в объяснения и пререкания. Сведения о встрече береглись для начальства.

Женщина стояла гордо выпрямившись, пропуская мимо себя сотни людей, не мигая залитыми слезами глазами, провожая своих сыновей. Обласкав взглядом последнего, она повернулась и тихо пошла к холму, на который Трезубый указал рукой.

А мы?.. Мы шли как причастники, просветлевшие, облагороженные, бережно неся хрупкую радость — встречу с матерью, нашей, русской, матерью, прошедшей сотни километров для того... чтобы слезами оросить безымянные могилы.

Борис Ганусовский.

Н. Ильинская

Машура и доктор.

Памяти молодежи, погибшей в Октябрьскую революцию.

Тогда тоже было около 2-х часов дня. Помню начал лаять тяжелый пулемет с Курносовского дома на Кудринке. И отвечал ему другой, очевидно поменьше, полегче — со Смоленского. Мы сидели вот так же, против часов в угловой: Машура на диванчике, а я — под фикусом, как сейчас вижу. Верунька гнала нас из столовой — окна на улицу, дескать, залететь может. Домишка наш сотрясался, плохонький, деревянный: но это уже от орудийных; где-то по направлению

это еще до тифа было, после была стриженая головка. Сколь-Пресни ухало. Сидели мы, а у нее косички наперед висели, ко ей было тогда? Лет тринадцать, девчушка совсем.

Когда начал тяжелый пулемет я уже не выдержал — надо идти... Ведь масса раненых будет. А Верунька: «В толпе собьют у тебя очки, совсем слепой станешь». А я: «Все равно надо идти. Верунька, где моя краснокрестовская сумка? Ну, помнишь, что и в Японскую со мной была?» — А Машура: «Папочка, я с тобой». — «Спроси мать». А сам запихиваю в сумку бинты, марлю, шприц, морфий.

А Верунька? Что-то словно резнуло ее, перекосилась вся, но ничего не сказала Машуре. А когда выходили, на крылечке большим крестом нас проводила, а сама вся белая стоит. Шли прижимаясь к стенкам домов. Машура в осеннем пальтишке такая смешная: выросла из него, руки голые торчат, а ноги длинные, как у цапли. — «Зачем ты пошла, детка?» — «За тобой смотреть — мама знает». Она — за мной! Ребенок! А глазки темные, очень серьезные. «И тебе помочь». «Ну а если нас обоих того?» «Нет. Мама перекрестила нас и будет молиться». — «Ты так уверена?» — «Да».

И пошли. Сначала на Кудринке были случайные, легкие: мазнуло кого-то по руке, голову задело слегка. Перевязывал, направлял в Софийскую. — «Да скажите — доктор Беляев послал». Пулеметчики (большевики) с крыши Курносовского дома стреляют, Бог с ними, туда мы не полезем. Пошли по Никитской. А улица пустая, все притаилось в домах, окна даже занавешены. Пустынная голость улицы как-то странно действует. Смотрю на Машуру: а она шагает себе длинными своими, в черных чулках ногами, и ни о чем, верно, не думает. Когда подошли ближе к Никитским воротам, видим люди бегут и кричат — «Там гимназисты сражаются. совсем дети! Кровью обливаются, а все равно стреляют... Идите, идите туда...». Вот мы и бросились. А у Машуры, как сейчас помню, — щечки разгорелись и в глазках огонек. «Бежим, бежим скорее, пап...». Одного в гимназической шинельке приволокли двое под руки и прислонили к стенке, а он — серый весь — так и осел. Расстегнул ему шинельку, куртку и понимаю — дело плохо. Не хотел чтобы Маша поняла, загораживаю его собой. Сам поднялся. — «Идем, идем, Машура, он отдохнет здесь. А она все назад оборачивается, думает, верно, что бросили. Ну, а тут и пошло: удары выстрелов, свист пуль — кому руку, кому ногу. Машура — молодец: не дрог-

нет; бинты подает, шприц натягивает. А ребятишки эти с забинтованными руками, пальцами, даже головами — опять бегут стрелять. Говорю — в больницу идите, дурачье, а они только руками машут. А сами тоже вроде Машуры — 14-15 лет. Какая-то сердобольная женщина им горячий кофе и бутерброды вынесла — у-ух, как они ели! Машура смеялась. Там, у Никитских, жарко было. Вижу: не хватит бинтов, марли, сумка моя пустеет, а тут — стали стрелять из орудия, от памятника Пушкина вдоль по бульвару. Ребята мои залегли в доме (там еще раньше столовая была). Снаряды верх дома сносят: щебень летит, стекло, обломки кирпича. Ну мы там сколько-то задержались, но здание начало гореть, мальчишки порассыпались — кто куда. С ними юнкер — их командир, говорит: «Доктор, уходите, здесь пожар будет сильный и стены обвалятся». Мы с Машурой обратно на Никитскую, а она все глядит, глядит на горящий дом, еле увел ее. Шли себе по Никитской, ну и вдруг какая-то шальная пулька чирикнула меня по правой руке. Ах, ах, Машура, как же мы теперь перевязывать-то будем?! А она сейчас — бинт, хлороформенную мазь и ловко мне перевязку сделала. А крови-то было. Но главное — понимаю: нерв задет, работать дальше не смогу. — «Пошли, Машура, домой». — «А как же эти мальчики?» — «Да ведь они почитай все рассыпались, укрылись, прячутся где-нибудь по домам. Их все охотно примут». — «А рука у тебя очень болит?» — Морщится Машурино милое личико. — «Ничего, ничего поболит — перестанет». А руку до локтя разломило. Вижу — не гожусь.

Вышли обратно на Кудринку. А там бой идет через Новинский бульвар. Обогнули площадь, осторожно спустились к Зоологическому, а там переулком и проходным двором — к себе во двор.

А Верунька к окну приросла — ждет. Я руку прячу, стараюсь улыбаться. А Машура как виноватая стоит, дескать, не уберегла. Глупый ребенок! Но Верунька увидала, конечно: — «Кто перевязывал?» — «Машура». — «Перебинтовать?» — «Нет, все хорошо». — «Как вы поздно, уже шестой час...» — «Много раненых». — «Мамочка, там мальчики, гимназисты сражаются, такие как я. Вот я стрелять не умею, а то бы пошла к ним...» — «Ведь ты же девочка!» — «Ну что ж...».

Долго рука болела и долго тянулись серые дни. Машура мне вслух «Войну и мир» читала, кормила с ложечки. Ах-ах-ах...».

«Ну, доктор, ты, я слышу, у меня совсем разрумился...».
«Нет, нет, ничего, Верунька».
«Наверное Машуру вспомнил?»
«Нет, нет...».
«Помни, всегда помни, как она теперь «там» сияет...».
«...Знаю, я знаю...».

—

Операции я уже не смог больше делать, на диагностике использовали меня... Ну, да это не важно. Потом Машура болела тифом. Помню ночи у ее кроватки просиживал, ждал кризиса, выходил все-таки. Выходил, чтобы отдать «туда» насовсем. Худенькая она была, пальчики длинные тонкие, а волосики отрасли, темные; помню — мотала головкой, чтобы со лба сбросить. Училась хорошо, но подружек не было, она не была веселая Машура. Много читала. Любила зверьков, особенно больных. Нашли мы на бульваре белку с переломанной лапкой. Лечили мы ее, лубок наложили, спала в коробке из-под башмаков... Но все равно потом убежала... Собачку не могли завести — кормить нечем, едва самим хватало. А она так хотела — на улице всех собачонок гладила. Но понимала и молчала. Как мы не сделали этого! Простить себе не могу — все, все надо было сделать для нее, всякое ее желаньице исполнить, а их у нее так мало было. А помнишь, Машура, как мы по вечерам гуляли с тобой по берегу Москва-реки? Ах, нет, нет, не надо... Всего 16 лет прожила моя Машура — голод и все вообще сокрушили эту маленькую жизнь. Худела, слабела, — злой ТВС захватил мою Машуру. Не могла вставать, стала глубоко неотвязно кашлять. Питать надо было, а нечем; все отдавали ей, что было, но она не хотела, не ела. Только вот молока доставали — она пила охотно, горячее. Потом не хотела ничего. Любила когда ей читали. И что-нибудь по духовной части. Верунька ездила куда-то в монастырь, доставала книги разные — Жития Святых и писания Отцов Церкви. А Машура почти не говорила, только тихо, тихо... Так тихо и ушла... Даже и сейчас хочется головой о стену биться и выть, и выть...

А Верунька? Как кремень. Ни одной слезы, но все молится и молится: и в церкви, и дома. А когда говорит о ней всегда с улыбкой, радостно...

А я — до сих пор не могу...

—

Сибирь и ее присоединение к России.

Русские в своем движении за Урал или за «Камень», как его называли в старину, пользовались двумя водными путями, которые с незапамятных времен связывали Русскую равнину с Северо-Азиатской равниной. Этими водными путями были река Печора и река Кама с их притоками.

Камский путь, более удобный и близкий к центру России, столетия находящийся в руках татар, был закрыт для русских. Оставался Печорский (северный) путь, связанный с большими, почти непреодолимыми природными препятствиями.

Слухи о сказочных пушных богатствах «полунощных стран» привлекали за «Камень» новгородских промышленников и ушкуйников, а потому несмотря на все препятствия Новгород, нуждавшийся в пушнине для торговли с «Готским заморьем» уже в XI веке сделался хозяином Печорского пути (С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири). Уже в грамотах XIII века «Югорская земля» или Югра — область расположенная по обоим склонам Северного Урала и по нижнему течению Оби, заселенная остяками, показана на тогдашней карте в числе других Новгородских областей.

В середине XIV века новгородскими купцами была организована специальная корпорация для торговли с Югрой.

С присоединением Новгорода к Москве Югорская земля вошла в состав Московского государства. Чтобы закрепить эти земли за Москвой в 1499 году был организован поход, возглавляемый кн. Курбским, предком Андрея Курбского. Отряд численностью больше 4000 человек, проделал по рекам, по тайге, по горам и тундре больше 4650 верст. («Разрядная книга»). Результатом этого похода было то, что некоторые югорские князья обязались платить в Московскую великокняжескую казну. Но Печорский путь за Урал, ввиду его удаленности и трудности, не особенно заинтересовал Москву.

В 1553 году английским правительством были посланы три корабля в Ледовитый океан с целью найти северный путь в Китай, которым тогда очень интересовалась Европа. Эти корабли в Ледовитом океане попали в бурю, — два из них погибло, а один был занесен в устье Северной Двины, там где она впадает в Белое море. Так совершенно случайно был открыт Северный морской путь из Европы в Россию. Капитан этого корабля, Ричард Ченслер, был русскими отправлен в Москву, где его хорошо приняли и обласкали. Через два года

Ченслер опять приплыл в Россию уже с официальным поручением от английского правительства завести торговые сношения с Московским государством. За англичанами с тем же предложением в Москву приезжали голландцы. В устье Двины вырос новый город — Архангельск — первый русский морской порт (правда, зимой замерзающий), имеющий ни от кого независимую связь с Западной Европой.

Это было очень кстати — в это время шла неудачная, на много лет затянувшаяся, Ливонская война. В конце концов России пришлось уйти с Балтийского моря и потерять там непосредственную связь с Западной Европой. Насколько приобретение новой связи с Европой через Белое море считалось в то время важным, говорит тот факт, что Иван Грозный собирался, чтобы быть ближе к Архангельску, перенести свою столицу из Москвы в Вологду.

Главным предметом торговли (75%) Руси с Зап. Европой была пушнина (соболь, горностай, норка, песец и др.), на которую тогда был большой спрос в Европе. В те времена хорошие шкурки соболя расценивались в буквальном смысле слова на вес золота. А потому понятно, что приобретение Сибири, богатой пушниной, стало для Московской Руси очень важно.

В 1552 году Иваном Грозным была завоевана Казань и с этим открылся для русских Камский путь в Сибирь.

В 1567 году Иван Грозный посылает Ивана Петрова и Бурныша Ялычева с заданием «разведать Сибирь», а также те земли, что лежат дальше за Сибирью, снабдив их дружественными грамотами к неизвестным властителям неизвестных народов. Задача казалась почти невыполнимой. Но они с нею справились — через несколько лет вернулись и представили царю обстоятельное описание всех земель до Корейского моря. Они побывали в Монголии и в Китае, посетили Пекин, привезли сведения о Туркестане, Бухаре, Тибете, т. е. о тех землях, куда еще не ступала нога Европейца.

В начале XIII века Западная Сибирь как и Россия была завоевана татарами и вошла в состав Монгольской империи. При распаде Золотой Орды здесь образовалось Сибирское ханство или так называемый Сибирский Юрт. А в 1555 году, после завоевания русскими Казани, как говорит летопись, пришли послы в Москву от князя этого ханства, Едигея, поздравили государя с царствами Казанским и Астраханским, и «били челом, чтобы Государь их Князя всю землю Сибир-

скую взял в свое имя и ото всех неприятелей заступил, дань свою на них положил и человека своего прислал, кому дань собирать». Создавалась обстановка для мирного продвижения русских в Сибирь.

Но такое положение продолжалось недолго, — вскоре Едигей был убит другим татарским князем Кучумом, который отказался от договора с Москвой и даже начал нападать на русские пределы.

В это время на западной стороне Урала начали расти русские поселения. Заселение этого края связано с богатым и предприимчивым родом именитых новгородских купцов Строгановых, которые (как говорит предание) еще в XIV веке пришли в эти края. Здесь они неимоверно разбогатели, занимаясь торговлей пушниной, рыбным и соляным промыслами. Они постепенно включили в свои владения огромные земли Приуралья, а также получили одобрение Москвы на расширение своих владений и за Урал. В этих владениях они были почти независимыми суверенами. Для охраны этих владений им Москвой было дано право содержать свое войско, вооруженное пищалями и пушками. Чтобы быть независимыми от поставок пороха из Москвы, им было разрешено добывать селитру и делать порох самим (в те времена это было прерогативой государства). Им также было дано право разрабатывать все руды этого края, за исключением золота и серебра. Это право Москва оставляла за собой.

Для борьбы с Кучумом у Строгановых своих сил все же было недостаточно. Они обратились за помощью к Волжским вольным казакам, шайки которых в это время хозяйничали на Волге и Каспии. Иногда они были непрочь пограбить и московских купцов, а при случае и мирное население. Обуздать их по настоящему Москва была не в силах, а потому жаждала от них отделаться.

На призыв Строгановых откликнулось пять атаманов со своими отрядами: Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк, Яков Михайлов и главный из них — Ермак Тимофеев. Он сохранился в народной памяти как «Покоритель Сибири» и как один из самых популярных героев русского прошлого.

В старинной народной песне о том «Как Ермак Сибирь покорил» рассказывается как казачьи атаманы, получившие от Строгановых предложение помочь им, собрались в устье Волги и как старший из них — Ермак — убеждая их идти к Строгановым, говорил:

«Не корыстны у нас шутки засучены:»
«Гуляли мы по морю синему,»
«Убили мы посла персидского»
«И как нам-то будет ответствовать!»
«В Астрахани жить нельзя нам,»
«На Волге жить — Ворами слыть,»
«В Казань идти — грозен царь стоит,»
«В Москву идти — перехватанными быть.»
«Пойдем мы в Усолье к Строгановым!...»

Сведения о прошлом Ермака Тимофеевича очень скудны. По преданию его семья из Суздали, которая переселилась в Прикамские края, где и родился Ермак. Возможно это и было так: будучи сам из Приуралья, он интересовался этим краем. По другим сведениям он родился на Дону в станице Качалинской.

Свой поход против Кучума в Сибирь Ермак начал в сентябре 1581 года. (По другим сведениям в 1582 г.). Строгановы снабдили отряд продовольствием, пищалями, свинцом и порохом. С ним пошли 540 его казаков, да еще сами Строгановы прибавили своих 300 ратных людей. В общем цифра мизерная по сравнению с задачей, стоящей перед Ермаком. Но он с ней блестяще справился. Плыли они на стругах, где нужно тащили их волоком и покоряли встречающиеся на их пути племена. С Камы перешли в бассейн Иртыша, там разбили Кучума, взяли его столицу — город Сибирь или иначе Искер,рядом с которым потом вырос г. Тобольск.

Покорив все ханство, Ермак известил об этом Строгановых, а также снарядил посольство к самому царю Ивану Грозному — «бить челом Сибирью». Это посольство возглавил атаман Иван Кольцо, приговоренный раньше Москвою за разбои на Волге к повешению. Царь очень милостиво принял посольство, в Москве служили торжественные благодарственные молебны, звонили колокола. Царь одарил Ивана Кольцо и прибывших с ним казаков подарками. Ермаку и всем его соратникам были прощены все их старые вины, а Ермаку как особая милость была пожалована шуба с царского плеча, и царь «жаловал его писаться Сибирским князем». В жалованной грамоте Иван Грозный писал:

«Сибирскому Князю Ермаку Тимофеевичу и товарищи за многую Вашу заочную службу и за охочие кровопролития и за взятие Сибирского царства во всех винах Ваших Мы, Ве-

ликий Государь, прощаем, сверх того награждаем Вас своим государевым жалованием.»

Как известно Ермак вскоре погиб, утонув во время ночного нападения татар на его стан (1585 г.). Об этом трагическом событии уже много писалось и пелось в народных песнях и на этом я не буду останавливаться.

Сибирская эпопея отражена и в нашей живописи, например в картине Сурикова «Покорение Сибири Ермаком».

Смерть Ермака не остановила дела начатого им. В 1598 году хан Кучум был еще раз на голову разбит русскими, что вызвало окончательный распад Сибирского ханства. Начинается закрепление завоеванных Ермаком земель и продвижение русских на восток. По следам Ермака, прокладывая новые тропы, двинулись удалые «ватаги служилых и охочих людей» разведывать сибирские просторы, неизвестные не только русским, но и всему человечеству. Плыли по рекам или шли волоком от бассейна одной реки к другой, с Иртыша на Обь, с Оби на Енисей, с Енисея на Лену, все дальше и дальше на восток, «подводя встречающиеся по пути племена под высокую руку Московского государя». Много личной инициативы было проявлено этими маленькими Российскими Колумбами, имена которых история в большинстве случаев не сохранила и которые продвинули границы русского государства до Тихого океана.

Если американцам для продвижения с Восточного побережья на Западное потребовалось около 300 лет, то русские не менее длинный и опасный путь проделали за 60 лет. Поход Ермака за Урал начался в 1581 году, а уже в 1640-х годах мы видим русских и на Амуре, и на Камчатке, и плывущими через Берингов пролив.

Чтобы дать представление о том, как происходило освоение этих земель, приведу два примера (таких примеров можно было бы привести много).

В 1643 году из Якутска был отправлен небольшой отряд под командой Василия Даниловича Пояркова, с заданием найти и исследовать реку Амур, слухи о богатых землях которой уже как-то дошли до русских.

Интересен сохранившийся писанный наказ, данный Пояркову Якутским воеводой для руководства в походе. Наказ очень обширен (больше 14 печатных страниц), отличающийся, нужно признать, большой глубиной содержания. Диапазон затронутых в нем вопросов очень широк: вопросы гео-

.рафии, климата, экономики, национальные взаимоотношения между русскими и туземцами, поведение участников похода и т. д. — «И какие люди по тем рекам живут, сидящие или кочевые? И хлеб у них и иная какая угода есть ли? И серебряная руда и медная и свинцовая есть ли?.. И чем кумачи красят и камки, и бархаты делают ли?» Говоря о самом Амуре приказывается: «Проведать подлинно прямо ли река, или море, или переуль морская она есть?» (т. е. спрашивается Амур это река или море или «пролив»). Во время похода предписывается строгая дисциплина, запрещалось курить — «У кого объявится табак, бить нещадно и кнутом и пени имать». Женщин (как в Запорожской Сечи) иметь запрещалось: «позволишь баб держать или сам бабы у себя учнешь держать, то сыщется и тебе за то... быть тебе в жестоком наказании и торговой казни (т. е. быть битым публично кнутом)». Наказ также строго предписывает как обращаться с туземцами: «Новых землиц неясычных людей призывать и ясыч с них на Государя имать (налог взымать) ласкою, а не жесточью». И вот этот подход к инородцам с «НЕ ЖЕСТОЧЬЮ» обеспечил успех русских в их продвижении на Восток. Конечно, были и жестокости, и несправедливости, и насилие, но это были исключения, а не узаконенное правило. Был жестокий век, когда русские и со своими поступали жестоко. Впрочем не более жестоко, чем теперь...

Приходя на новые земли, русский человек обыкновенно начинал тесное общение с туземцами, не смотрел на него свысока, вступал с ними в брак. Как результат этого в настоящее время где-нибудь в Забайкалье по внешнему виду подчас трудно отличить русского от бурята или якута. В отличие от других стран (Англии, Франции, Голландии, США) Россия не создавала колонию, а продвигая свои границы на Восток, приобщала новые народы, правда не всегда добровольно, к своей культуре и религии, делая туземцев гражданами Российского государства. Конечно, не все было так, как нам бы теперь хотелось, но, повторяю, не нужно забывать, что времена тогда были другие, что в то время в самой России еще было крепостное право, которое в Сибири (нужно подчеркнуть) русское правительство не вводило.

Возвращаюсь к повествованию о походе Пояркова. Летом 1644 г. он вышел на Амур и к осени спустился к его устью. Здесь зазимовал, построив первое русское поселение на Амуре. Весной Поярков вышел на кочах (лодках) в море, где их

застала буря. Спаслась только небольшая часть участников с Поярковым во главе, которые через три года вернулись в Якутск. Поярков не только открыл Амур, но и принес первые сведения о каком-то большом острове, находящемся недалеко от Амура, т. е. о Сахалине.

Слух о возвращении Пояркова, о реке Амур и ее богатствах разнесся по всей Сибири. Потянулись на Амур «охочии люди». Особенно привлекала близость Амура к Китаю, который манил в ту пору всех своими якобы сказочными богатствами.

А вот описание другого похода. В июне 1648 года у устья реки Колымы выходят 6 кочей (лодок) во главе с холмогорцем Федотом Алексеевым и казаком Семеном Дежневым с заданием разыскать таинственную реку Анадырь, якобы богатую лежбищами моржей, тогда очень ценившихся своими клыками. В конце сентября того же года Алексеев и Дежнев обогнули Большой Каменный Нос (теперь мыс Дежнева), т. е. прошли через пролив между Азией и Америкой. Здесь у них был бой с чукчами, в котором Алексеев был ранен. Вскоре в буре кочи Алексеева и Дежнева разъединило и о дальнейшей судьбе Алексеева точных сведений нет. Кочи Дежнева после бури были выброшены около устья реки Анадырь, к которому Алексеев и Дежнев стремились. Здесь был основан Анадырьский острог (крепость). Сохранилось донесение Дежнева Якутскому воеводе, в котором он как главную заслугу выставляет то, что им была найдена река Анадырь, богатая лежбищем моржей, совершенно не отдавая себе отчета, что ими было сделано открытие мировой важности, — а именно, пролив между Азией и Америкой. Через сто лет он был вторично открыт Берингом и назван его именем.

История отнеслась несправедливо к Алексееву, приписав всю заслугу только Дежневу, хотя, как теперь установлено, Алексеев был главным инициатором похода и вместе с Дежневым прошел через пролив. По одним данным он после бури добрался до Камчатки и там погиб. По другим данным он высадился на Аляске. В 1937 году на Аляске (Кенайском полуострове) американцами были найдены остатки древнего поселения. По мнению американских специалистов в этом поселении, приблизительно трехсотлетней давности, жили русские, и что возможно это и был Алексеев со своими людьми, т. е. что русские появились на Аляске на 120 лет раньше, чем это принято считать.

На Амуре русские пришли в столкновение с сильным и культурным государством, каким в XVII веке являлся Китай, который считал эти земли своими и облагал их ясыком. Русским пришлось свое продвижение на Восток остановить.

В 18-ом и 19-ом веках шло медленное заселение уже занятых областей Сибири. Суровый климат, удаленность от центральных областей, бездорожье, а главное крепостное право, приковавшее крестьян к помещику, задерживали этот процесс. Вдоль южных границ Сибири для защиты от набегов кочевников, были поселены казаки — были созданы Сибирское, Забайкальское, Амурское, Семиреченское, Уссурийское казачьи войска.

Освобождение крестьян (1861 г.), а особенно строительство Транссибирской железной дороги сдвинули вопрос заселения Сибири с мертвой точки, началось освоение южных, пригодных для земледелия, районов.

П. А. Столыпин, заинтересованный в разрешении земельного вопроса, поставил переселенческий вопрос на государством организованные рельсы и добился больших успехов. В течение его правления более двух миллионов крестьян было добровольно переселено в Сибирь. Переселенцы получали большие земельные наделы, а также ссуды от государства для обзаведения инвентарем и постройки жилища. Заботясь о переселенцах, при Столыпине начали строить специальные железнодорожные вагоны, приспособленные для длинного путешествия в Сибирь. Они состояли из отопляемого отделения с нарами для семьи переселенца и большого отделения для его скота и имущества. Тогда эти вагоны прозвали «столыпинками». Любопытно, что теперь в Сов. Союзе столыпинками называют теплушки для перевоза в Сибирь заключенных. Это кажется единственное слово в советском лексиконе, напоминающее о существовании в прошлом Столыпина, последнего крупного государственного деятеля старой России, так заботившегося о благе крестьянства.

Название это так укоренилось в сознании советского человека, что даже диссидентские писатели к сожалению употребляют его, причем в отрицательном смысле.

Перед революцией земледельческие районы Сибири, созданные переселенцами, уже стали поставщиками хлеба и молочных продуктов не только России, но даже и Западной Европы.

Революция прервала на долгое время этот процесс эконо-

мического роста Сибири. Большевики по-своему начали заселять Сибирь — во время коллективизации Сибирь, как известно, стала местом куда были выселены миллионы «кулаков». В 30-40 годах Сталиным на севере Сибири были созданы огромные концлагеря, население которых достигало 15-ти миллионов человек. При их частичной ликвидации после смерти Сталина, часть населения этих концлагерей осталась жить в Сибири.

По переписи 1970 года население Сибири было 25.333.500 человек. Из них

Русских	21.442.050	человек	или	84.70 %
Украинцев	943.700	"	"	3.72 %
Белоруссов ...	193.500	"	"	0.74 %
Исконных жителей (якуты, чукчи, бурята, коряки и др.)	1.014.200	"	"	4.00 %
Прочих народностей (включая переселенных в Сибирь Сов. властью).	1.735.750	"	"	6.84 %

Выходит, что из всех окраин России Сибирь является самой русской по преобладающему составу русского населения. Даже в некоторых исконно русских областях нет такого преобладающего русского процента.

В последние годы в связи с интенсивным ростом добывающей и обрабатывающей промышленности Сибири, конечно, выросло и население, но процентное соотношение отдельных национальных групп, можно предположить, осталось приблизительно то же самое.

Интересно было бы еще рассказать о природных богатствах Сибири. Природа небывало щедро наделила ее недра. Кажется нет ничего из того, что добывается человеком из земли, чего не было бы в ее недрах, причем часто в огромных количествах. Если у большинства государств мира их недра разрабатываются уже столетиями и уже исчерпаны, то Сибирь по существу только начала их разрабатывать. Если еще недавно многие северные области Сибири, где находятся главные богатства, из-за климатических условий и вечной мерзлоты были не доступны для человека, то теперь в связи с развитием техники это стало возможно. Во всяком случае так пишут советские источники. Тут нужно вспомнить, что в Советском Союзе к этому было приступлено уже при Сталине.

На Колыме совершенно не считаясь с климатическими условиями, без всякой техники, рабским трудом он вел разработку природных богатств и при этом погибли миллионы заключенных... Но это тема отдельной статьи.

Борис Павлов.

Белый индеец.

Необыкновенная история заграничного кадета.

Как предисловие хочу рассказать что произошло в марте 1927 года в Донском Кадетском Корпусе в Горажде (Югославия).

Были мы в седьмом классе и вот, во время переменки вечерних занятий, произошел с моим одноклассником Николаем Гуцаленко из ряда вон выходящий случай, взбудораживший весь корпус. Николай был приходящим и решил забежать домой, благо дом находился через дорогу от корпуса, и вот там разыгралась история, которая повлияла на всю его дальнейшую жизнь и которую я, ради камуфлирования действующих лиц, назову финалом Шекспировской трагедии «Ромео и Джульета», но в сильно измененном виде. В этой версии не Ромео бегал за Джульетой, а наоборот и, когда он бывал во дворе, соседка Джульета, проживавшая на втором этаже, выходила на балкон, заигрывала и кокетничала с Ромео. В этот злополучный вечер никого кроме них в доме не оказалось и Джульета позвала Ромео к себе где и начался финал трагедии в результате которого сначала Ромео засадили в карцер, а затем исключили из корпуса. Опасаясь преследования, жил он некоторое время в соседнем селе и мы ему приносили еду встречаясь на опушке леса. Затем он вышел из нашего поля зрения и только много позже дошли до нас слухи о том, что он попал в Америку и последний раз его видели где-то на Амазонке.

Вдруг, теперь, по прошествии более полу века, он опять появился на Свет Божий и у меня завязалась с ним оживленная переписка. Я был поражен характером и силой воли этого человека, который, попав в беду и пройдя суровое испытание жизни, сумел выйти из нее победителем и твердо стать на ноги. Жизнь его была настолько своеобразна и колоритна, что я решил поделиться сведениями о ней со всеми кадетами, его помнившими и даже его не знавшими.

Прожив долгие годы в диких местах Перу,, где население состоит на 46% из чистокровных индейцев, 43% смеси индейцев с испанцами и только 11% белых и не имея никакого контакта с русскими, он сохранил русскость и любовь ко всему прошлому несравненно больше, чем мы, живущие в цивилизованном мире.

Мне кажется, лучше всего будет если я в описаниях воспользуюсь его же словами, беря сведения из писем и выписки из дневника, которые он посылал мне и моему брату Глебу.

В 1925 году меня «уважили просьбой» — пишет Николай — переселиться из Русского Кадетского Корпуса в Донской иначе бы выгнали за хулиганство и скверные успехи. Директор корпуса ген. Адамович уж не мог больше и слышать обо мне и, когда я пришел с ним прощаться, сказал: «Слава Богу, избавился от вас наконец».

В Донском Кад. Корпусе поместили меня в 39-й выпуск, но за великие успехи заставили зимовать в шестом классе и вот я попал в лихой 40-ой выпуск. Закончил 6-ой и первую треть 7-го класса о чем у меня до сих пор сохранилось свидетельство, но было неожиданностью, что я вышел вторым учеником в отделении. Выгнали меня из корпуса обвинив в таком проступке, который не мог и вообразить. Но я всегда был Дон Кихотом и тогда еще верил в людей, был наивен, да к тому же вздумал винить во всем себя, ну вот и выгнали меня с волчьим билетом. Жизнь моя была испорчена и происшедший случай заставил меня навсегда остерегаться женщин.

Затем я попал на слесарные курсы на военный завод в Крагуевце, где по ночам зубрил, намереваясь сдать экзамен за седьмой класс и сдал бы его, но из-за волчьего билета не смог. Морально тяжело было чувствовать себя каким-то изгоем, вот и задумал уехать куда-либо, где меня никто не знал. Пробыл на заводе два года и в 1929 году уехал в Перу с колонией кубанских казаков ген. Павличенко. Отговаривали меня друзья, но упрямый хохол все же уехал, хоть и жалел потом и проклинал судьбу трясясь от желтой лихорадки. Спасаясь от нее убежал в конце концов на высокие горы (4000-5000 метров над уровнем моря), где и прожил долгие годы, женился, прижил пятеро детей и есть у меня 13 внуков. И дети и внуки кровь с молоком — пригожие и хорошие. Дети, я и жена здешние граждане, только я русский по душе, но так здесь обжился, что друзья меня зовут «Белым Индейцем». Ведь я сво-

бодно говорю по индейски — я с ними прожил более 50-ти лет и многому от них научился, особенно лечиться травами и корнями. Когда пришла Аграрная Реформа, за гроши отобрали мое именье и должны мы были уехать в город, где у меня есть ранее приобретенная большая квартира. В моей конторе (кабинете) — русский уголок, где висят портреты Императора Александра III и последней Императорской Семьи замученной большевиками, мои донские погоны, а на иконах вышитые полотенца — подарок мамы. Там же находится альбом фотоснимков из корпусов в Сараево, Билече и Горажде. В зале (гостиной) у меня русские картины, а на полке пластинки с русской музыкой. Как станет на душе грустно, ставлю пластинку за пластинкой и, слушая, вспоминаю прошлое: выезд из Новочеркасска, Принкипо, Лемнос, Врнячку Баню, Сараево, Билече, Горажде и Крагуевац с его заводом, а затем Перу с казачьей песней

Эх, Перу, ты наша каторга, —
Заграничная тюрьма.
На твоих лесах тропических
Дух казачий умирал.

Кадетский жетон у меня украли, а погоны сохранил и когда умру, завещал детям, чтобы положили их на мое сердце.

Еще в корпусе, имея намерение поступить на медицинский факультет, брал уроки латинского языка у г-жи Сергиевской. По глупости и неопытности рухнули мои мечты стать доктором, но латинский язык здесь мне очень пригодился. Сейчас я свободно говорю и пишу по испански и по индейски. Французский без практики забыл, а вот, чтобы не забыть мой родной язык, слушаю пластинки и вслух распеваю русские песни, чтобы слышать родную речь. Ведь здесь русских нет — почему-то они здесь не задерживаются. Хоть я и простой человек и недоучка, но всегда гордился быть русским и даже вошло в привычку, что если кто-либо спросит откуда я, то отвечаю что «По милости Божией родился в наилучшей стране мира, в МАТУШКЕ РОССИИ».

Кстати вспоминаю, когда я заочно занимался в Ветеринарном Бренч Институте, то списался с одним американцем — другом моих родителей и просил у него возможности достать мне пособия на русском языке. Он познакомил меня с проф. Николаем Романовым и этот русский человек мне написал, что мне не нужны книги на русском языке, т. к., живя между

испанцами, должен читать и говорить по испански — не к чему мне русский язык. Я почувствовал, что мне дали пощечину — столько грусти принесло мне это письмо.

26 июня 1929 года прибыла колония кубанских казаков в Перу и нам устроили прием с оригинальным угощением «пачаманка» — жаренный бык с начинкой из кур, индюков, морских свинок и даже ягненка. Жарят его в яме, обложенной плоскими камнями, которые сначала накаляются расположенным внутри костром. Затем золу с углями выметают и кладут туда начиненного быка, сверху покрывают его каменными плитками, засыпают землей и дерном и на этом кургане опять разводят костер на всю ночь. На следующий день быка вынимают и едят горячим с хлебом или с «тамалями», сделанными из кукурузной муки с начинкой маслин и паприки. Все это было очень вкусно.

Дальше ехали мы из Лимы по железной дороге самой высокой в мире — 5100 метров над уровнем моря. От такой высоты большинство казаков болело за исключением меня и немногих. Я тут с успехом прошел испытание для моей будущей жизни на высоких Кордильерах.

Сначала колонию разместили в Тамбо-де-ла-Мар, где казаки проложили 8,5 км. шоссейной дороги. Я же, не получая платы, стал протестовать и меня с другими строптивыми убрали в предполагаемое постоянное размещение колонии у реки Ануримака, которая в ноябре и декабре так разлилась, что нам пришлось удрать. Видя в какую обстановку мы попали, не имея ни продуктов, ни медицинской помощи и с очень мрачной перспективой на будущее, я решил бежать и подбил Николая Лукашевича бывшего омского кадета двумя годами старше меня. И нужно было видеть реку, по которой мы намеревались плыть на плоту, чтобы понять пожилых людей отказавшихся плыть с нами. После этого ужасного путешествия, потеряв все имущество и сохранив только жизнь и то что было на нас, мы доплыли до городишка, где нас приютил почтовый чиновник далматинец, проживший в Перу 45 лет и забывший свой родной язык.

Чтобы приобрести самое необходимое, стали мы работать чернорабочими на постройке польской колонии, но Лукашевич, не выдержав рабского труда, отправился в город. Там попал в больницу, где оборвалась его короткая жизнь. Через две недели я тоже заболел желтой лихорадкой, но меня вы-

ходили поляки у которых я проживал. Попал я затем на работу, как приказчик, на кофейную плантацию в тропических лесах на границе с Бразилией. Здесь я научился языкам индейских племен «пиро» и «кампо» — рабочих плантации. Научился я и их еде, которую составляют бананы, юкка, побеги некоторых пальм и даже жареные черви из пальмовых орехов, толщиной в палец. Жарят их в пальмовом масле и получаются очень вкусные шкварки. Сперва меня угостили, а затем показали корзину полную этих червей. Также научился красить ноги и руки жиром фрукта «вито». К ночи смажешь маслом этого фрукта, а утром ноги и руки совершенно черные. Это предохраняет от язв между пальцами так как ноги и руки все время мокрые.

Три года я прожил в этих лесах, где споры разрешались карабинами — кто более быстр, разрешал спор в свою пользу. Здесь я тоже научился стрельбе с бедра и бросанию ножей и «мачет». В Манаусе ранил ножом одного мулата, а в Лорето продырявил пулей правый бок моего противника. Мне чуть не прострелили голову. А ядовитая змея «джергон» укусила за палец левой руки, но индейцы меня вылечили. Ходил я тогда с разрисованным лицом по индейски и научился стрелять из лука (лук и стрелы сохранил). Первые годы невозможно было хорошо зарабатывать, но я удовлетворялся охотой и рыбной ловлей стрелами по индейски и жил припеваючи, как Робинзон Крузо.

Между прочим, индейцы татуируют свои лица, а девушки на праздниках свои груди. На одном из таких празднеств, называемом «пишьта», когда девочки переходят в девушек, и когда их соберется приличное количество, делают пиршество: одевают их празднично — голые до пояса с расписанными грудями и руками и с короной из перьев на голове. Начинаются пляски девушек и конечно пьянство всех. Пьют квас сделанный из переброженой юкки. Хозяин именья посылал трех служащих с карабинами, чтобы не было драки между индейцами.

Но лихорадка меня беспокоила — каждые 15 дней меня трясло. Надоело мне периодически болеть, а к тому же захотелось познакомиться с Куско — центром бывшей империи инков — и пустился я в путешествие вверх по рекам тропического района, продолжавшегося два с половиной месяца, и сделался белым дикарем. От индейцев научился управлять пирогой веслом и «танганом» (длинный бамбуковый шест,

которым отталкиваешься от дна реки продвигая пирогу против течения). Научился стрелять из лука и ружья и ловить рыбу стрелами и гарпуном.

Для охоты индейцы приготовляют собак особым способом: чтобы собака различала запах дичи для которой ее тренируют начиная со щенка, нагревают желудок дичи на огне и капают горячим жиром на нос собаки, а чтобы не ленилась бегать, проводят разогретым наконечником стрелы между пальцами лап. Для каждой дичи имеется специальная собака.

В сухое время охотиться легко, т. к. преследуемая собакой дичь бросается в воду и ныряет, а в прозрачной воде ее легко убить из ружья или стрелой из лука. В дождливое же время вода очень мутна, охотиться трудно, и приходится страдать без мясной пищи. Кроме привычного мяса птиц и животных, ели мы и удавов — белое мясо между куриным и рыбьим, также мясо черепах и разные блюда из черепашьих яиц — все очень вкусно. Мясо обезьян тоже очень вкусное. Удавы здесь бывают более 10 метров длины, а крокодилы, по здешнему «лагардо», к старости — около метра шириной в груди.

Из сока лиан и сока еще каких-то листьев, индейцы приготовляют питье «уяваска», которое пьется в количестве пол рюмки, чтобы узнать, что происходит в семье во время долгой разлуки. Так как я более двух лет ничего не знал о моей семье, то и я хлебнул этого зелья, лежа на цыновке на пляже в новолуние. И что же? Как во сне, увидел маму и брата в незнакомой квартире. Они тогда переселились в Хорватию. На следующий день, мне казалось, что я встал с постели после продолжительной болезни с совершенно развинченными нервами. Никогда больше этого эксперимента не повторил.

Природа там замечательная. Бывало ляжешь у костра и смотришь в небо, а звезды ясные-ясные. Вот и затянешь русскую песенку, а затем заберешься под москитер, чтобы индейцы не видели как плачет русский о своем прошлом, родимом и любимом.

Перед посещением города Куско, когда я управлял плантацией сахарного тростника и заводом сахара и водки, получил от моего бывшего директора ген. Адамовича письмо с поздравлением, о том, что вышел я на прямую дорогу и стал полезным членом общества. Помню на прощанье он мне написал на память: «Жизни тот один достоин, кто на смерть всегда готов». И вот следуя этому, как и девизу Виленского Военного Училища «Один в поле, и тот воин», я и вправду

добился хорошего положения в обществе.

Побывав в городе Куско, осмотрев достопримечательности столицы бывшей империи и увидев грязь и неопрятность жителей, я там узнал, что все казаки-колонисты разъехались и в Перу остался только я один. Вот и заболело русское сердце в одиночестве, вдали от всего родного. Но хныкать долго не мог и вернувшись в леса, стал работать на лесопилке. Когда же хозяин решил женить меня на одной из своих дочерей, перешел на другую лесопилку, а там произошло то же самое и мне пришлось уйти ибо «Гуцаленко не продается».

В 30-ых годах кризис был очень суровый — ни у кого не было денег — и тяжело было найти работу. К тому же никто не хотел иметь дело с русскими, считая, что они все коммунисты. И мне пришлось туго, но, как говорится, «не имей сто рублей, а имей сто друзей», а у меня друзей было много. Вот они и помогли мне устроиться на работу, которая определила всю мою дальнейшую жизнь.

2 февраля 1933 г. они меня устроили управляющим большого скотоводческого имения «Ризквивоча» на высоте более 4000 метров над уровнем моря, на одном из плоскогорьев Кордильер около вечных ледников. В продолжение этой работы заочно учился и получил аттестат квалифицированного управляющего имениями и так же учился ветеринарии. Хозяйка этого имения — вдова с пятью взрослыми сыновьями — купила мне целую библиотеку книг по этому предмету и выписала полдюжины скотоводнических журналов.

Ну вот и нашел я мое настоящее призвание в жизни и прожил более 30 лет на этом плоскогорье, сначала в чужом, а затем в моем собственном имении, занимаясь сководством и избавившись от досадной лихорадки.

Населяют эту область индейцы племени «Кечуа» — самое многочисленное племя этого уезда. Отличаются они от других индейцев своей воинственностью, а кроме того воры они ужасные. Во всем Перу они славятся как разбойники и грабители. Все они скотоводы и работают в больших скотоводческих имениях, но имеют отдельно в небольшом количестве и свою собственную скотину.

Вот куда я попал. Но тогда я был молод и никого и ничего не боялся, а меня боялись так как безжалостно наказывал воров и бандитов. Хозяйка четырех имений которыми я управлял звалась Ермила Веласко, ну вот меня и прозвали «Гринго де сеньора Ермила» и даже в городе Куско меня знали по

этому прозвищу. И был у меня замечательный конь по имени «Качарилявай», что с индейского значит «Только пусти меня». Боевой был конь, который без боязни всех топтал под себя, кусался и лягался во все стороны и на всем скаку ударял грудью чужих лошадей и валил на землю и лошадь и седока. И не было у него другого аллюра как галоп и карьер. Было мне тогда 23 года и был я счастлив иметь под собой такую чудную лошадь. А когда мы бились против коновалов и бандитов, так врезывался я на моем коне с кастетом в руке и чувствовал себя Кузьмой Крючковым или Русланом. И боялись меня воры, т. к. попасть в мои руки значило быть повешеным на «дыбу» и выпоротым моими служащими. И в течение семи лет моего управления, слушались меня все 300 индейских семейств и не было больше краж скота. А когда меня видели издалека, то съезжали с дороги по которой я ехал, а когда въезжал гарцуя на лошади в уездный городишко, то кланялись снимая шляпы. Но не надо думать, что я был каким-то садистом-извергом, просто тамошние обычаи научили меня «с волками жить — по волчьи выть».

В самом начале, будучи еще новичком, поехал я с одним индейцем и вьючным мулом в город за покупками и на обратном пути случайно попал на обед к знакомому полицейскому, который праздновал именины своей жены. Чтобы индеец с вьюками не ожидал меня, отправил я его домой намереваясь позже его догнать. Но тост за тостом, рюмка за рюмкой и вот попрощался я с друзьями только в пять часов вечера и поскакал вдогонку. Дорога была горная и надо было спускаться 15 верст до моста через реку, а затем столько же подниматься на другом берегу. Лошадь конечно устала и я остановился передохнуть около каменного забора, какие делают пастухи. Начал падать град и я привязал шерстяной шалью мою шляпу, чтобы ее не снесло ветром, а тут вдруг напали на меня четыре верховых индейца со своими нагайками. Под рукой я имел достаточно камней и начал ими защищаться. Разбил голову одной лошади, да и седоки получили хорошие ушибы, но они были верхом, а я пеший, да еще держал левой рукой недоуздок моего коня, чтобы его у меня не украли. И пришло мне в голову позвать моего компаньона и, к моему удивлению, кто-то мне издали ответил. Бандиты, видя что не могли справиться со мной одним, а тут еще может прийти кто-то мне на помощь, повернули своих лошадей и ускакали. Я тоже вскочил на моего коня и

помчался домой в имение, а там узнал, что мой рабочий приехал часа 2-3 тому назад, отдал покупки и отправился к себе домой. Кто же мне ответил в тот критический момент? Бог его знает. С тех пор, если кто-либо со мной не здоровался, то получал несколько ударов плетью. Постепенно меня начали уважать все индейцы, и свои и чужие, и никто на меня не нападал, хоть я и ездил всегда без конвоя.

По вере все индейцы католики, но христианская религия так перемешана с языческим культом, что трудно сказать, где кончается одно и начинается другое. Например, на храмовом празднике, раньше литургии, индейцы делают приношения злым духам, чтобы все празднество прошло без какого-либо скверного происшествия. Самый акт приношения совершается следующим образом: садится колдун перед расстеленным на земле плащом и сперва произносит христианские молитвы, а затем на особый шерстяной платок кладет кокосовые листья, кукурузные зерна, жир ламы, ладан, семена конивы, семена кокаинового дерева и все это по числу лиц, присутствующих на этом празднике. Затем на кукурузный качан, полный зернами, надевает как бы шапку из ламового жира, украшая ее серебряной и золотой бумагой и вставляя несколько стеклянных бусинок в виде глаз, а также некоторые оловяные штучки в виде стола, ножа, вилки, ложки и т. п. Называется это «пукара», что значит город. Для пущей важности втыкают несколько соломенок украшенных серебряной и золотой бумагой — это флаги. Все это кропят вином и водкой, а затем посыпают пылью, получаемой от трения камнем о камень. Когда все это готово, то для всех наливают в большие миски кукурузный квас и пьющий должен осушить миску залпом и произнести пожелание, чтобы духи приняли пожертвование. Когда и это сделано, то один из индейцев, прося разрешение у всего собрания, подносит каждому сверток с жертвоприношением как бы прося благословения и надо дохнуть на сверток, чтобы жертва была духом хорошо принята. Потом сверток уносят и сжигают и если огонь трещит, то говорится, что дух сердится.

Нужно сказать, что название нашего района «Чумбивилькас» происходит от имени какого-то колдуна («Рыжий колдун»), ну вот и люди здесь суеверны и любят колдовать. Но чтобы стать колдуном, надо чтоб человека три раза ударила молния не убив его. Затем этот человек лезет на «говорящую гору» на вершине которой есть пещера и в ней каменная пли-

та-стол, где делаются приношения духам. Ну вот и меня три раза ударила молния, дважды убив мулов на которых я ехал, а я встал после обморока, а в третий раз, по рассказам индейцев, меня молния подняла на воздух с лошадью и мы упали в болото. Если бы моя одежда и шерсть лошади не были обожжены огнем, так я и сам не поверил бы этому. Как бы в шутку, индейцы сказали, что я был готов, чтобы духи меня посвятили в колдуна. Вот я и вздумал посмотреть, что это там происходит, оседлал моего любимого коня «Канарейку» и полез в гору, потеряв более 2-3 часов на подъем, так как не было даже тропинки, а только камни да утесы. Пошел впереди, а конь карабкался за мной сзади. Добрались мы часам к четырем по полудни и я начал обшаривать и осматривать пещеру, у которой было множество узких и кривых проходов. А когда к вечеру подул ветер, то пещера завыла на все голоса. Мой конь шарахнулся от испуга и я должен был привязать его, ибо, если бы убежал, мог бы свалиться в обрыв. Пока я осматривал пещеру, солнце зашло и в сумерках было опасно спускаться вниз без дороги. Вот и остались мы спать холодные и голодные. Привязал я коня к столу приношений и провел ночь с таким концертом, что и Миланская Скала не слышала. Но акустика была дьявольская и мой конь провел ночь дрожа от страха. Как только начало светать, стали мы спускаться, что было много труднее подъема. Внизу, в долине, меня ожидало более двадцати индейцев, которые думали, что духи меня сожрали. Ведь никто никогда там ночью не оставался. Суеверие индейцев заставило их считать, что я всю ночь на горе разговаривал с духами. Замечательнее же всего было то, что мой конь оставил свое приношение духам на столе.

Кроме обычаев связанных с язычеством, есть и другие, напоминающие средневековье. Так например, на Новый Год, по обычаю, все индейцы обоего пола идут на гору «Тохто», где пьют и пьянствуют в свое удовольствие, а затем начинают бой с индейцами другого уезда. Эти также собираются на празднество и, чтобы показать свою удаль и молодечество, вызывают соседей на бой. Сперва скачут верхом размахивая своими «ливи» (веревка о трех концах, на которых привязаны каменные шары), затем их сменяют пешие с пращами кидающими камни, а в самом разгаре битвы и эти отходят на задний план и люди дерутся врукопашную и железными палками. В продолжение драки, индианки поют боевые песни своим

мужьям, женихам и возлюбленным. В этих новогодних боях многие погибают, но никому и в голову не приходит жаловаться, ибо говорят: «Никто не виноват, таков уж обычай, на это и война, чтобы не бояться града камней». И я принимал участие в этих диких схватках, хотя и сознавал всю бессмыслицу такого поступка. Лишь по просьбе моей невесты я перестал участвовать в этих боях, которые, по правде сказать, давали мне большое развлечение в моей обыденной жизни.

Проработал я в имениях «Ризквивоча» вдовы Ермилы Веласко пять лет и почувствовал, что попал на путь моего призвания в жизни. И не удивительно, ведь мои предки из племени гуцулов (откуда и происходит наша фамилия) испокон были скотоводами на Карпатах. Будучи уже опытным теоретически и практически, пошел я работать с альпаками и ламами, где организовал первый рассадник белых альпак. Затем три года проработал как главный инспектор в Южном Скотоводческом Обществе с 13-ю имениями. В конце концов стал собственником маленького имения «Низогума», оборудовал его всеми удобствами и стал разводить чистокровных овец «Корриедоле» и коров «Браун Свисс», а также хороших лошадей и мулов. Стал получать призы за мою славную скотину и все фермеры знали мою фамилию. Это была верхушка моего успеха, а тут вдруг подошла Аграрная Реформа, по которой за бесценок отобрали мое имение, стоившее мне большого труда и денег, посадили меня на мель и очутился я у дырявого корыта.

С самого начала было у меня желание познакомиться с индейцами, подражая им. Прожив три года в тропических лесах, я выучил, как я уже говорил, языки двух небольших индейских племен: «Пиро» и «Кампа» — к этому у меня были способности, а затем, забравшись на горы района Куско, где я провел более 30 лет, выучил в совершенстве и язык «Кечуа» — самого многочисленного индейского племени. Я участвовал во всех празднествах, колдованиях и происшествиях индейцев и сжился с обычаями, пищей и питьем этих людей. От них я научился арканить и употреблять «ливи», объезжать диких жеребцов и мулов. Не брезгал есть с ними, разговаривая на их языке. В моем имении, я, жена и дети, все мы плясали с моими пастухами и их женами. Отношения между нами были самые сердечные и, благодаря их внимательному уходу за моим скотом, я смог получать призы за моих чемпионов. А когда должны были забрать мое имение, мои

индейцы-пастухи помогли мне вывезти мою мебель и вещи в наше новое место жительства и здесь нас до сих пор посещают.

В имении было у меня стадо диких коров и быков, ну и на праздниках заставлял моих индейцев с ними бороться как тореодоров в чем и сам принимал участие, но пришлось все стадо ликвидировать, т. к. причиняло мне много хлопот нападениями на прохожих. В свободное время учился самоучкой джигитовке, а моих индейцев учил играть в «поло». Они хорошо преследовали мяч на наших горных полудиких лошадях. И не мудрено, ведь они с детства привыкают скакать на этих лошадях.

Трудно было жить холостым. Было мне тогда 22 года, а я, после злополучного происшествия в корпусе, женщин избегал и приходилось утомлять мою плоть продолжительными скачками или ночным преследованием конокрадов и воров скотины после чего ложился как убитый спать. Так я протянул два года и, наконец, женился 24 лет на красивой девушке полуиспанке-полуитальянке. За 9,5 лет было у нас шестеро детей и все эти годы были мы влюблены друг в друга, но при последних родах я ее потерял и осталось у меня четверо сирот. Моя вторая жена, прекрасный человек, помогла мне поставить сирот на ноги и дала им материнскую ласку, не делая разницы между ними и своим сыном. Единственно не хватает ей быть русской, чтобы было с кем поделиться любовью ко всему нашему — русскому. Но так как нет полного счастья в этом мире, я счастлив в моей семье. Для поддержания же моей русскости, я всегда пел наши русские песни, в которых отражается широкая наша натура. Помню еще в Сараево нас учили песне, которая и называется «Русская Песня»:

Что за песни, ай да песни
Распевает наша Русь.
Коль захочешь, так хоть тресни,
Так не спеть тебе француз.
Золотые, удалые, не немецкие,
Песни русские, живые, молодецкие.
Запоешь про сине море,
Иль про матушку реку,
Про сердечное ли горе,
Про кручинушку — тоску.
Иль как гаркнешь: «Гей, малина,
Не шуми дремучий бор» —

Слышно Руси исполина,
И раздолье и простор.

Трудно поверить что, будучи окружен людьми, можно себя чувствовать совершенно одиноким. А вот это и произошло со мной. Особенно это ощущалось на наши Праздники Рождества и Пасхи, когда я переживал отчужденность от всего меня окружающего. Помню был у меня друг урядник, сильный как медведь, честный, работящий и имеющий настоящую русскую душу. Работал он контрактором на шоссе, оканчивал контракт и все пропивал, а когда я ему говорил, что так не хорошо, он отвечал: «Что ты знаешь, сопляк, к чему буду беречь деньги? Работать человеку должно, а к чему мне деньги если я никогда Кубани не увижу?» И я его понимал, но так рассуждать не смел — у меня была семья, о которой я был обязан заботиться.

Когда мы еще жили в имении, купил я квартиру в г. Арекипа, думая останавливаться в ней проездом в Лиму к детям, но через два года по Аграрной Реформе отобрали мое имение и то, что должно было служить нам пристанищем при проезде, стало нашим постоянным жилищем. Вот тебе судьба человека, проведшего всю жизнь на свежем воздухе, а к старости обязанному жить в какой-то клетке. Сперва было непривычно, садился на мою камионетку и отправлялся в горы подышать свежим воздухом, но понемногу свыкся и живу теперь припеваючи как улитка в раковине. Занялся собиранием старины: картин, мебели, книг, фарфора, серебра, глиняных изваяний и т. п. и, хоть прежнего изобилия нет, но и недостатка тоже нет. Пятьдесят лет провел верхом на лошади и мулах, а сейчас живу бобылем, вот от безделия и разжирел ужасно как откормленный боров.

Живем мы в центре города, но вечером и ночью предпочитаем не выходить — могут раздеть до гола. Ведь у жены сорвали золотые серьги прямо из ушей, несколько раз порезали сумочки, украли очки в золотой оправе — подарок ее отца. А теперь и того хуже: грабят банки, убивают полицейских, взрывают бомбами дома государственных чиновников и богатых обывателей, крадут автомобили прямо с улиц. Хоть я всегда ношу на поясе «босанский нож» и хорошо им фехтую, но силы-то не прежние — укатали сивку крутые горки. И невольно приходит в голову замечание английского драматурга и критика Георгия Бернарда Шоу, который сказал:

«Знакомясь больше с людьми — предпочитаешь больше собак».

Почему-то здешние обстоятельства не задержали никого из колонистов — я единственный остаток в этой индейской стране. Вторая эмиграция построила церковь в Лиме, но с приходом к власти левых, почти все разъехались и церковь перешла в Метрополию. Сняли со стен портреты Царской Семьи, генералов Белого Движения и двуглавого орла на большой доске в целую стену. Я подарил для церкви 47-киловый колокол. Последний раз, когда был на службе, не было ни одного русского, только арабы. Вот и кончилась русская церковь в Перу.

Прожил я 55 лет в Перу, вывел всех детей на хорошую дорогу, дав им русские имена: Татьяна, Маруся, Андрюша, Леночка и Давидка, но это все, а по душе они перуанцы-католики. Научил любить их Родину и честно служить ей, но я, хоть и принял перуанское подданство, перуанцем не сделался. Много меня заставили страдать за то, что я русский: сперва преследовали как коммуниста, а во время войны как монархиста-германофила. Хотел бы умереть в Чиле — там есть русское кладбище, но где бы меня ни закопали, душа моя, раньше чем попасть на Суд Божий, полетит по русскому небу от края до края, от Иркутска, где я родился, до Умани — родины моих родителей и дальше через Армавир в Новороссийск откуда навсегда покинул я мою Родину в туманный день 13-го января 1920 года.

Вот в старости, рассмотрев мое скверное поведение в Сараево, причинившее столько горя моим родным, думаю, что это наследственная любовь к авантюрам моих предков и желание превзойти всех хулиганством. Ведь по отцовской матери, мы потомки знаменитого атамана Гонты, залившего кровью неприятелей всю Украину, пока не взяли его в плен и пожарили в медном котле в Польше. По отчему отцу мы потомки какого-то Гуцала, убившего польского пана и бежавшего в Запорожскую Сечь, а затем женившегося и оседшего на Украине. Ну вот эта кровь и течет в моих жилах, которая сделала меня хулиганом в юности, но также дала возможность справиться с серьезными проблемами в жизни среди дикарей-разбойников.

В заключение должен сказать, что история жизни Белого Индейца все время переплетается с переживаниями давно ми-

нувших дней, когда он был просто кадетом Николаем Гуцаленко. Если и были грустные моменты в его кадетской жизни, то были и такие, которые сделали его русским патриотом на всю жизнь. Он пишет:

«Больше всего нас соединяла любовь к погонам с Императорским Вензелем и любовь к нашей Великой Родине».

И дальше:

«Я уважал малиновые погоны, которые носил в Сараєво и которые мне напоминали наши стрелковые — мой отец был кадровым офицером Сибирских Стрелков, — но наши донские я любил и до сих пор чту за их трафарет моего любимого Императора Александра Третьего».

Этому, как эхо, отдаются слова другого нашего кадета, бывшего хабаровца, А. Елиневского, помещенные в Памятке Донского Кадетского Корпуса:

«Теперь, при догорающих вечерних огнях жизни, оглядывая пройденный путь, пусть, немного и путанный, с грехами и ошибками, но верный по направлению, с двумя войнами с красными, на которые ушло семь лет молодой жизни, — меня всегда наполняет горделивое сознание, теплой волной заполняющее душу, что у меня было счастье: два года носить донские синие погоны с гордым вензелем ВЕЛИКОГО ИМПЕРАТОРА-МИРОТВОРЦА»!

Игорь Донцов, 40 вып. ДКК

Доклад полк. В. П. Тихомирова в ДЕНЬ РУССКОЙ СКОРБИ 17 июля 1983 г.

Г. Аделаида, Ю. Австралия

Ваше благословение, дорогие соотечественники!

Прошло 66 лет со времени Февральской революции, вынужденного отречения Государя от престола и как следствие, — прекращение существования Императорской России. Исполнилось 65 лет со дня Екатеринбургского злодеяния — зверского убиения Царской Семьи и Их верных слуг. Прошло 62 с половиной года с тех пор, как Вооруженные силы Юга России, так называемая «Белая Армия» ген. Врангеля (а с ней и тысячи гражданского населения), после героической, но

неравной борьбы за честь России, — покинула Крым и Русскую Землю и унесла с собой лишь безграничную любовь к Ней и твердую веру в Ее светлое будущее. Много времени прошло с тех пор. Попробуем вкратце подвести итоги пройденной нами жизни.

Когда мы были у себя на Родине, мы, можно сказать, Ее не знали, как бы не замечали, — настолько все было обычно, естественно, ясно, просто, и только тот может понять, что такое была Россия, — кто ее лишился! В изгнание мы пошли добровольно, и надо полагать, что никто из нас не ропщет на то, что покинул страну, в которой воцарились люди, ненавидящие национальную Россию. Больше того, мы благодарим Бога, за то, что в свое время нам удалось покинуть страну насилия, беззакония, безправия и несвободы. Вот теперь на свободе, мы можем воздать должное той Императорской России,которую мы потеряли с приходом большевиков. Мы это хорошо поняли, проживя несколько десятков лет на Западе. Не будем сравнивать дореволюционную Россию с СССР. Здесь никакие сравнения недопустимы. Но сравним былую Россию с Западом: Начну с того, что сначала приведу выдержку из книги проф. Знаменского «Крупицы познания Исторической России». В своем труде он касается гл. образом положительных сторон культурно-исторического развития России, светлых моментов Ее процветания, но в то же время, «Мы знаем», пишет он, «и не скрываем, что бывали, как всюду, и у нас свои недостойные люди: были Самозванцы, Гришки Отрепьевы и разбойничьи шайки Стеньки Разина и Емельки Пугачева. Но не на них стояла Русская Земля, и не на них мы будем останавливаться, познавая Русь. Об отрицательных сторонах жизни исторической России — были написаны многие тома.Их авторы, по злобе к России и по невежеству своему проглядели объективную правду о величии России, не заметили Ее добра и красоты. Дальше пишет он: «Мы вынуждены выступить в защиту положительных и светлых сторон России еще и потому, что враги России в припадке ненависти и зависти к Ней, ставили Ее в культурном отношении на уровень развития африканских дикарей. Напомним же им о том, что это они оказались на уровне дикарей по сравнению с нашими — учеными, композиторами, артистами, художниками, певцами, балеринами и т. д., когда те покинули Россию и оказались на Западе. С совершенно чистой совестью можно и должно сказать, что была Она, в действительности, вполне

культурной, правовой страной, идущей в XIX и особенно в XX в. гигантскими шагами к материальному своему процветанию и благоденствию народа. Не даром редактор франц. научного журнала, следивший за прогрессом России, писал в 1914 г., что в середине текущего века Россия будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях. Действительно, у нас был настоящий культурный ренессанс, творческий подъем. (Проф. Бердяев).

Страна наша имела свободную, независимую печать, Парламент, где народные представители безнаказанно, а иногда с недопустимой резкостью кртиковали деятельность Правительства; кроме того Она имела свободный,независимый и скорый суд, которому могло позавидовать любое государство на Западе, причем в этом здесь нет преувеличения и в доказательство чего можно сослаться на мнение одного очень известного Петербургского адвоката, который в конце 20-х годов в Париже на одном многолюдном собрании имел мужество сказать: «Ни одна из Западных стран не имеет возможности допустить у себя такой роскоши, какую представляет у нас в России — наш свободный, независимый и скорый суд; отметим, что заподозрить этого знаменитого адвоката в «квасном» патриотизме или шовинизме — абсолютно невозможно, ибо — он был евреем и принадлежал к одной из левых политических партий.

Но, все это было давно, в прошлом. С тех пор прошли десятки лет. Времена меняются и мы меняемся вместе с ними. Но, как же нам теперь быть? Времена, действительно сильно изменились, но наше отношение к советской власти осталось прежнее потому, что та власть не изменилась, и пока что измениться не может. Внешне, под давлением разных обстоятельств Советская власть может допустить какие-то перемены, но самая цель ее существования, ее политическая стратегия, т. е. распространение любыми средствами коммунизма во всем мире — осталась без перемен. Всякие уступки, «оттепели», сосуществование, и пр. — все это является только практическим приемом, необходимым для проведения в жизнь ленинской стратегии, отступиться от которой Советская власть не может. Поэтому, никакими «советскими патриотизмами» (которые иногда в пропагандных листках именуются «русскими») — ни соблазняться, ни увлекаться не следует — все это только фиговые листочки , прикрывающие пышными названиями со-

ветскую ложь. Надо всегда помнить правду о Царской России и Ее Царе-мученике, который лично был инициатором многих экономических, земельных и социальных реформ. В 1912 г. Американский президент Тафт по поводу введения у нас социального страхования и рабочей инспекции, сказал русскому дипломату: «Ваш Император сделал рабочее Законодательство более совершенным, чем то, которым могут похвастаться демократические страны».Обратим наш взор на светлый образ последнего нашего Царя — помазанника Божия. Его вера в Бога и в свой долг Царского служения. Духовно-одаренный, полный царственного величия Он был рыцарь долга, чести и данного слова; в обращении же со всеми — скромный, тактичный, обаятельный. В объеме сегодняшнего доклада, я не буду широко напоминать о всем известных бывших событиях, — коснусь только вкратце нашего величайшего в мире позора, нашего величайшего бесчестия, когда 4/17 июля 1918 г., по тайному приказу из Москвы, после длительных издевательств и оскорблений, темной ночью, в подвале Ипатьевского Дома в Екатеринбурге — красные бесы зверски убили Российскую Честь в лице Миропомазанника Божия Государя Всероссийского Николая II, Его Августейшей Семьи и Их верных слуг. Казалось бы, что время — великий врач, притупит в наших сердцах впечатление того ужаса, который является — мученическая смерть Государя и Его Царской Семьи. Но, этот ужас забыть нельзя — это страшное преступление, которому нет имени. Та жуткая ночь была началом темной ночи на земле, за которой последовало наказание для всего мира: «Кровь Его на нас и на детях наших». Больше всего, конечно, пострадала Россия и русский народ, который пережил и еще переживает неисчислимые беды, но который несет вольно или невольно ответственность за допущенное на нашей Родине такое злодеяние. Мы знаем, конечно, что Государь был убит не русской рукой (хотя, к сожалению, нашлись-таки 2-3 преступника, принимавших какое-то участие). Имена убийц нам известны, но и своей вины мы забыть не должны — мы не сумели спасти нашего Царя, не нашлось у нас и Ивана Сусанина! Время не может загладить воспоминание этого злодеяния и великая печаль — священная память о содеянном — должна гореть ярким пламенем, чтобы перекинулась она — туда, на нашу Родину, чтобы и там проснулась народная совесть. В общем же, все мы предстанем перед судом истории, который вынесет когда-то

о нас свой приговор.

Царя больше нет, и мы должны молиться, просить Его святых молитв за наши грехи и бороться с клеветой, оскверняющей, позорящей светлую память Царя-мученика и Императорскую Россию. Кроме того, наш долг поддерживать веру православную, всячески бороться с богоборческим материализмом, что возможно только путем духовного и морального перерождения, что должно помочь такому же перерождению на нашей Родине. Все русские люди призываются к покаянию и признанию всех своих вольных или невольных ошибок, заблуждений и прегрешений. Все призываются к духовному просветлению. Перед духовным взором всего мира, мы видим, как во главе Своей замученной Семьи, верных слуг своих, во главе миллионов убиенных русских людей, жертв темных сил, всех этих Новомучеников — шествует Благочестивейший, св. Благоверный Царь-мученик Николай II многострадальный и идет Он не в Императорской короне, не в порфире и блеске регалий Российской Державы, а в простой солдатской шинели, но весь Его образ сияет неземным Светом, — светом мученичества, а ныне светом святости. Хотелось бы, чтобы этот свет помог русским людям всегда и везде открыто и правдиво вставать в защиту Светлой памяти Государя, Его Августейшей Семьи и Чести Императорской России. Изгнанники старшего поколения, живущие на чужбине, эти последние остатки, которые видели и пережили Славу, Величие, благоденствие и мирное процветание Державы Российской должны рассказать как жил русский народ под скипетром нашего последнего христианского Православного Царя. Эту правду должны они поведать потомкам своим. Мы хотим надеяться, что Бог даст пройдет еще время, когда русские люди увидят в Кремле — памятник убиенному Государю Императору Николаю II и там же новый храм — покаяния и искупления, — озаряемый немеркнущим светом множества лампад и свечей.

Напомню, что в Петербурге, на месте, где в 1881 г. пал сраженный бомбой Царь-мученик Александр II, был всенародной подпиской воздвигнут чудный храм «Спас на крови», который был храмом покаяния и искупления. Там в память Царя-мученика всегда теплились многочисленные лампады, сооруженные благодарными и верными подданными.

Скажу еще, что свою лампаду в память нашего Великого

Мученика Императора Николая II, Союз Ревнителей Священной Его Памяти засветил много лет назад здесь — на чужбине.

Надеемся, что нашу духовную лампаду скорби и покаяния донесет до Нового Храма искупления в Кремле наша смена.

Полк. В. Тихомиров.

СУВОРОВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ.

Имея в руках воспоминания Кадета Суворовского Кадетского Корпуса, я счел своим долгом, на страницах журнала Кадетская Перекличка, поделиться с вами о жизни в его родном Корпусе, одном из 32-х Императорских Кадетских Корпусов, где прививали любовь к отечественной истории, к одной из лучших в мире, армии и флоту, создавали военную касту, проникнутую лучшими историческми традициями, вырабатывали тот слой из разновидного русского общества, на костях и крови которого, создавалась российская слава и величие.

Предоставляя читателям эти воспоминания, я верю, что они напомнят старшим товарищам о старом, добром времени в стенах родных корпусов, а зарубежные кадеты ближе ознакомятся с жизнью, учением и военной подготовкой императорских кадет на служение любимой отчизне.

Вспоминая жуткую годовщину Российского лихолетия и те крестные страдания, что первыми выпали на долю офицеров, юнкеров и кадет, склоним молитвенно головы перед их памятью: — «Помяни их, Господи, во Царствии Твоем».

От них преждевременно и злобно вырвали ту жизнь, которой они могли и должны были послужить, с Богом в сердце, — во славу и благоденствие России и ее народу.

Корпусам, кадетам и их воспитавшим — СЛАВА!

Феодосиец и Крымец, **А. Политанский.**

ОБЩИЙ ОБЗОР КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ.

Среди всех учебных заведений Императорской России, совершенно исключительное место занимали Кадетские Корпуса. Бывшие воспитанники этих военных закрытых учебных заведений, сохраняли почти восторженную любовь к своим Корпусам и на всю жизнь оставались Кадетами. Можно было ви-

деть уже убеленных сединами людей, которые с гордостью и любовью отзывались о своих Корпусах. В корпусах создавался тот слой общества, который в прошлом почти целиком участвовал в жертвенном служении России, в создании Ее Славы и величия.

Кадетские Корпуса с начальствующими, воспитательным, учительствующим и обслуживающим персоналом высокой квалификации, с оборудованием лабораторий, классов, со всеми учебными принадлежностями и пособиями, с обмундированием, мастерскими, с занимаемой большой площадью для стрельбищ, плацов, спортивных площадок, с кладовыми, кухнями, хлебопекарнями, налаженным снабжением продуктов питания, конюшен, выездов, лазаретов, бань, лагерей, — стоили очень дорого Российскому Государству, и несмотря на все эти затраты, выпуск одного года из всех Кадетских Корпусов (принимая во внимание хотя и незначительный, но все же некоторый процент выходивших на сторону по каким-либо причинам), был недостаточен для пополнения юнкерских рядов Военных Училищ, и на первый взгляд не удовлетворял нужды большой Российской Армии (900.000 мирного времени, без казаков и гвардейских полков). Однако, это количество было совершенно достаточно, чтобы заквасить всю юнкерскую массу, пропитать ее тем духом, который незаметно выносился из корпусных стен, и которым так же, совершенно незаметно для самих себя, пропитывались те, кто в Военные Училища поступил из среды гражданских учебных заведений, как принято было говорить, «с вокзала». —

Нельзя отрицать, что всем Военным Училищам были присущи их собственные особенности и традиции, что составляло понятную гордость..., но Кадеты были «дрожжами», на которых подымалось пышное «тесто», — Императорской Офицерский Корпус.

Среда, и сама обстановка выковывали жертвенность, чувство долга, товарищество, и не простыми словами, потом, в жизни звучала уставная фраза: — «Сам погибай, но товарища выручай». — А этих примеров было много и даже в прошлую, Вторую мировую войну, кадеты запечатлели свои бессмертные имена как: Александр Редькин, Иван Волков, и поныне здравствующий, Константин Сафаревич, и многие другие.

Наружный лоск и щегольство кадет, были общеизвестны.

Форма была ценностью, погон-гордостью, и это совершенно одинаково у кадет западной окраины, и далекой восточной, теплого юга и холодного севера, или центра-сердца России.

Учебно-образовательный уровень кадет был тот же, что и в гражданских Учебных заведениях, но длился 7 лет, а не 8, и Россия, напротяжении двух последних столетий, видела и знала кроме героев, — крупных военачальников, генералов, —сонм ученых, писателей, художников, поэтов, композиторов, изобретателей, мореплавателей, путешественников, исследователей и даже подвижников и духовных пастырей, — вышедших из кадетской среды.

Не будет полным описание Кадетских Корпусов, если не сказать о персонале, который командовал, учил, воспитывал и обслуживал.

Директор Корпуса, инспектор классов и его помощник, ротные командиры, отделенные воспитатели, священник и дьякон, преподаватели штатные и вольнонаемные, старший и младший врачи, сестра, сиделки, балетмейстер и таперы, капельмейстер, делопроизводители и писаря, эконом, подрядчики, повара, кухари, кондитеры, хлебопеки, кухонные мужики, мальчишки для посылок, квасных дел мастера, каптенармусы, швейцары (обычно сверхсрочные фельдфебеля и ун.-офицеры), горнисты и барабанщики (прикомандированные от войск гарнизона), конюхи, служителя, полотеры, банщики, садовники, дворники, кровельщики, электротехники, монтеры, машинисты, телефонисты, стекольщики, шорники, портные, слесаря, столяры, сапожники, грузчики и возчики.

В нашей жизни впоследствии, многому мы были свидетелями, видели многое, сами пережили не мало, но и сейчас чувство удивления, смешанное с гордостью, заполняет нас при мысли о том, — как эта, хотя и маленькая, но все же довольно сложная система, в великих рамках обще-Российских, — работала как хорошо смазанная машина, без перебоев. Все шло гладко без помехи, каждый выполнял возложенные на него обязанности, каждый понимал свой долг, знал свое место. Все, занимавшие даже самые маленькие должности, жили сытой, трудовой жизнью, имели свои личные тревоги, заботы и радости. Горделиво, на стороне, представлялись как служащие кадетского корпуса, а некоторые, попроще, рекомендовали себя: — «При кадетях состоим...» — Все получали положенное и заслуженное жалование, наградные, медали за выслугу и заслугу. Старость была обеспечена пенсией.

Перед тем, как приступить к воспоминаниям кадета Суворовца, я не могу не вспомнить светлый лик того, кто был ОТЦОМ все российских кадет, — Великого Князя Константина Константиновича.

Сын Вел. Кн. Константина Николаевича, Генерал-Инспектор Военно-Учебных Заведений, Его Имп. Высочество Вел. Кн. Константин Константинович, был для всех кадет просто, нашим Великим Князем. Все императорские кадеты знали его не по портретам, а в лицо. Увидевший Вел. Кн. хоть один раз, уже навсегда сохранял в памяти его чарующий Образ. Любил Вел. Кн. кадет, — и за его любовь тысячи кадет отдали ему свои сердца. Не одна кадетская мать, в слезах, в кабинете княжеском находила поддержку и утешение в ее материнской заботе о судьбе неисправимого, казалось, сына.

Вел. Кн. был далек от политики. Благородная скромность и исключительно духовная одаренность, — были его основными качествами. Все соприкасавшиеся с ним по службе, знали его как разумно-требовательного, ревностного руководителя и очень обходительного с подчиненными. Великий Князь Константин Константинович положил много сил, знаний на распространение просвещения в России, был президентом Императорской Академии Наук, Генерал-Инспектор Военно-Учебных Заведений, где ввел много разумных преобразований в методах преподавания и в системе подготовки и воспитания военной молодежи. Поэта под скромными инициалами «К.Р.» знал весь культурный мир.

Приводим список «Кадетской семьи» Великого Князя.

Е.И.В. В. Кн. Константин Константинович	род. 10- 8-1858 г.	Ум. 15-6-1915
Е.И.В. В. Кн. Елизавета Маврикиевна	род. 13- 1-1865 г.	
Е.В. Кн. Иоанн Константинович	род. 23- 6-1885 г.	К. I Кад.Кор.
Е.В. Кн. Гавриил Константинович	род. 3- 7-1887 г.	Кад. I Мос. К. К.
Е.И. Кн. Константин Константинович	род. 20-12-1890 г.	К. Нижегор. К.К.
Е.В. Кн. Олег Константинович	род. 15-11-1892 г.	К. Полоц. К.К.
Е.В. Кн. Игорь Константинович	род. 29- 5-1894 г.	К. Полтав. К.К.

Е.В. Кн. Георгий
Константинович род. 23- 4-1903 г. К. Орлов. К.К.
Е.В. Кн. Татьяна
Константиновна род. 11- 1-1890 г.
Е.В. Кн. Вера
Константиновна род. 11- 4-1906 г.

Примеч. Кн. Олег, в чине корнета Л. Гв. Гусарского полка убит в начале Вел. войны.

Князья Игорь и Иоанн мученически погибли от рук большевиков в ночь с 4-го на 5-е июля 1918 года в Алапатьевске.

—

НАШ КОРПУС.

Суворовский Кадетский Корпус, занимавший огромный квартал в одном из лучших мест Варшавы, фасадом выходил на Уяздовскую аллею против Лазенок и не зря в обще-кадетском «журавле» пелось:

«У Варшавы, как бельмо,
То Суворовцев гнездо...»

Красивый вход с подъездом вел через двойную систему двухсторонних дверей в большую приемную-вестибюль с большими боковыми нишами, в которых рядами стояли монументальные вешалки. По сторонам две гостиные с мягкой мебелью под чехлами, портретами и пиано, были к услугам посетителей. Широкая, парадная лестница, раздваивающаяся на каждом полу-этаже, имела художественные кованые перила. На верхней площадке Суворов с вытянутой рукой указывал на «Измаил». Архитектура, распланировка и размах постройки, производил впечатление восхищения у тех, кто посетил это прекрасное здание.

4 роты в своей повседневной жизни, были почти изолированы одна ст другой. Каждое ротное помещение состояло из застекленной прихожей, длинного и широкого коридора, классных комнат, библиотеки, уборной, умывальной, где посредине были скамьи с ваксой и щетками, отделение для дежурного портного, ряды вешалок, личных стенных ящиков для мыла и зубных принадлежностей. Комната дежурного офицера примыкала к огромной спальне, где более 100 тумбочек и 100 кроватей, покрытых одинаковыми одеялами с красной каемкой, цвета корпуса, чинно стояли рядами с широким средним проходом. Дальше шел ротный цейхгауз и запасной

выход. Были приняты все противопожарные меры и в разных местах, в стенных углублениях находились большие краны с накрученными шлангами.

Ротные помещения, украшенные Царскими портретами, громадными художественными батальными картинами Суворовской эпохи и гравюрами подвигов Российского воинства, представляли из себя залы, где строились кадеты одной роты, встречались, развлекались и проводили внеурочное время. Центральное место занимала большая Икона, с теплящейся лампадой, — Небесного Покровителя роты.

В столовой сходились все роты, — весь корпус. О размерах столовой можно судить по тому, что на Корпусной праздник, помимо всех рот, помещались свободно множество приглашенных гостей и бывших воспитанников. Резко отделялись 4 больших ротных квадрата столов, и между ними у стены, величественно красовалась пушка, эпохи Суворова.

Гимнастический и одинаковой величины с ним Белый зал, давали возможность выстраиваться батальону с оркестром музыки и проходить церемониальным маршем в колонне повзводно.

Церковь была художественно отделана, а Суворовский походный иконостас был гордостью Корпуса, так как представлял реликвию большой исторической ценности. Второстепенные помещения, плацы, бани, паркетные полы, образцовая чистота, паровое отопление, система стенной вентиляции и продуманное освещение, при наличии собственной электрической станции, — давали максимум комфорта. В такой обстановке жили царские кадеты, подготовляемые для служения своей великой Отчизне, по военному пути.

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Каждый класс состоял из трех отделений, но это не было правилом, а объяснялось сверх-комплектом. Классные комнаты просторные, светлые, с удобными партами с откидывающимися сидениями. В каждом отделении было немногим больше 20 кадет, что давало возможность преподавателям довольно часто проверять знания. Строгость была большая. Два неудовлетворительных балла в течение недели, лишали отпуска в субботу и воскресение. Один балл лишал кадета субботы и только в воскресение после церковной службы полагался отпуск. Можно было остаться без отпуска не только за «тихие успехи», но и за «громкое поведение», а для ис-

правления существовал знаменитый коридор с тремя карцерами, недалеко от преподавательской комнаты, где на дощатой кровати и на пустой желудок, легче выплывали подробности проступка.

Преподавание велось по программе средне-учебных заведений, проверенной Главным Управлением военно-учебных заведений, во главе которого стоял всеми любимый Отец кадет, Вел. Кн. Константин Константинович. Среди учительского персонала были и приглашенные со стороны профессора университетов, политехникума, которые приходили в гражданском платье, а штатные носили форму корпуса. Физико-химический кабинет со всеми приспособлениями для практических уроков, посещался кадетами с интересом. Посещение рисовального класса с табуретками, пюпитрами, эстрадой и целой системой штор для надлежащего освещения, доставляло больше удовольствия тем, кто преуспевал в этой отрасли. Часть увлекалась перспективным черчением, а специалисты тайком, в контакте с поэтами, рисовали и сочиняли карикатуры на злобу дня. Танцы, пение и музыка привлекали любителей, и тем, кто серьезно хотел извлечь из этой отрасли пользу, предоставлялась полная возможность, так же как и по языкам. По договору с родителями, приглашались к неуспевающим преподаватели из города.

Бывали конечно шалости и даже проказы, когда все отделение оставалось без отпуска, и несмотря на такое коллективное и несправедливое наказание, виновных никогда не выдавали. Товарищество было сильно развито.

Ближе всех к кадету стоял отделенный воспитатель. Получив из рук родителей мальчика, вел он его 7 лет из класса в класс. На его глазах он из ребенка превращался в юношу. Нужно было иметь много такта, знаний, умения, а главное любви к доверенным ему детям, чтобы покорить эту разнохарактерную и разнообразную массу. Незаметно для самих себя и кадеты постепенно привыкали к своим отделенным воспитателям, и если не всегда выражали ему свою любовь, или уважение, то часто видели в нем помощника и в большинстве случаев, защитника.

Карьеристов и злых людей среди воспитателей почти не встречалось. Большинство из них шли на этот тяжелый и ответственный пост по убеждению и по идее, предварительно

7*

пройдя особые курсы, учрежденные Вел. Кн. Константином Константиновичем при Главном Управлении Военно-Учебных заведений в Петрограде. Родители, родственники и опекуны хорошо знали этих образованных, скромных и честных офицеров, посвятивших себя сложной работе по подготовке и воспитанию русской военной молодежи и наверно не мало доверительных разговоров бывало между ними в свое время. Воспитатели знали кадет не хуже родителей и, привыкнув с детства называть на «Ты», сохраняли потом эту привычку на всю жизнь, не взирая на чин, положение и звание своего бывшего питомца.

—

Внеурочные занятия, прогулки, игры, спорт и строевая часть.

Вечерние занятия, — приготовление уроков, — длились два часа. На них присутствовал воспитатель, а у малышей и его помощник, старший кадет — «дядька». Никаких посторонних разговоров не разрешалось вести за исключением по вопросам заданных уроков.

Класс ручного труда, — как столярное, слесарное и переплетное дело, — привлекал много любителей, так же как и курсы по электричеству и фотографии.

Кроме духового оркестра, процветали балалаечный и камерный, но духовой считался фаворитом.

С детства приучали кадет к любой погоде. Снег, жара не мешали увлекаться живыми играми — лаптой, в городки, футбол, а зимой снежки согревали кровь. Вырабатывалась ловкость, смелость и сноровка.

Загородные прогулки со скаткой через плечо, посещение воинских лагерей, стрельбищ, изредка верховая езда в Л. Гв. Гродненском гусарском полку, знакомство со съемками в окрестностях Варшавы, пользовались большим успехом, ибо после 4-х стен, душа рвалась на волю к природе к общению с посторонними людьми.

Процветал футбол и сводная команда корпуса неоднократно принимала участие в состязаниях с городскими командами, и командами других учебных заведений, чаще всего на поле корпуса.

Фехтование и гимнастика входили в обязательный курс и при выпускных спортивных состязаниях, отличавшиеся получали жетоны-ромбы, установленного образца для военно-учебных заведений. На брусьях, турнике, кольцах некоторые

выделывали такие номера, что часто в кадетской толпе зрителей раздавалось: — «Ну этот не пропадет,— место в цирке обеспечено!»

Фехтование импонировало кадетской аудитории. Этот вид благородного спорта обставлялся эффектно, а костюмы, маски, оружие, салют и сам поединок, мысленно переносили в рыцарскую эпоху и воодушевляли на нечто возвышенное. Обломки рапир и эспадронов красиво собирались в диски и украшали стены спортивного зала.

Нельзя быть кадетом и не любить строй. Отдание чести, исполнение команд, премудрости перестроений, ружейные приемы усваивались быстро, легко и четко. Было радостно сознавать общность подчинения законам и воинским порядкам, чувствовать силу дисциплины и понимать, что нельзя командовать не научившись самому подчиняться. Темп марша, барабанная дробь, общий шаг, развернутое знамя, — все это из года в год вырабатывали воинскую молодцеватость. Выходил ли весь корпус на прогулку в город, или принимал участие в торжествах и парадах совместно с войсками гарнизона, когда кадетам отводилось почетное место, — всегда кадеты ловили на себе восторженные взгляды прохожих, вызывали восхищение, получали приветливые улыбки, воздушные поцелуи девушек, а потом «спасибо» от командного состава. Корпусному начальству никогда не приходилось краснеть за свои несовершеннолетние роты.

Незаметно подошло лето 14-го года. Начались большие каникулы и ничто, казалось, не предвещало катастрофы, а она-то подкралась незаметно к осени, еще задолго до начала нового учебного года.

Мобилизация, передвижение войск хотя и вызывали понятную тревогу, разрушали порядок, расстраивали налаженную жизнь, но и воодушевляли в то же время на подвиг, мирили с предстоящими лишениями..., а может быть и страданиями. Кто знал, что первые слезы, пролитые с первой жертвой, ручьями потом потекут и зальют необъятные Российские просторы, что горе не высушит больше тех слез и луч надежды, не успев проглянуть, вновь потонет во мраке действительности.

С объявлением войны, всем кадетам проживающим поблизости, было предписано немедленно явиться в корпус. Со всех окрестностей, собирались кадеты в последний раз в сте-

нах своего родного Суворовского Кадетского Корпуса в Варшаве.

Кончилась погрузка имущества на одном из вокзалов и товаро-пассажирский поезд медленно двинулся в направлении на Москву.

—

МОСКВА.

Россия, вступая в войну, разворачивала свои миллионные армии для кровавой и долгой борьбы с сильным и хорошо подготовленным врагом. Все поезда с эвакуированным в тыл имуществом, государственным и частным, учреждениями и людьми постоянно задерживались в пути, давая дорогу воинским эшелонам. Всеобщий подъем чувствовался всюду, — сильна была вера в правоту Русского дела, казалось, что и силы не может быть такой, которая способна сломить чудо-богатырей тех, что в серых шинелях с музыкой, песней и улыбкой, бесконечными поездами спешили навстречу врагу.

На остановках кадеты высыпали из вагонов, чтобы лишний раз соприкоснуться с легендарным русским воином, лишний раз дать ему почувствовать всю привязанность и любовь своих молодых сердец, выразить благодарность за то, что он грудью встал на защиту Веры Православной, Белого Царя своего и тысячелетнего Отечества. И этот воин своей шершавой рукой любовно трепал по щеке маленького кадета. «УРА» вырывается мощным криком из солдатских и кадетских горл, заглушая свист и пыхтение паровозов грохотом расходящихся в разные стороны поездов.

Разве могла мелькнуть в тот час мысль, что можно в душу этого легендарного воина влить ту дьявольскую ненависть и злобу, которая исказила внешний облик благородного русского человека. Маленькому кадету и во сне не мог присниться кошмар, что за эту его любовь к большому серому герою, через каких-нибудь три года, злобные, беспощадные руки, сорвав погоны, способны будут играть с ним, как с затравленным зверьком, с садизмом и бранью мучая и издеваясь над маленьким воином в черной шинели за его любовь и верность к Отчизне.

Итак, поезд с «осиротевшими» Суворовцами подъезжает к Москве. Все ново, никто не отходит от окон... сколько проехали, — все своя земля.... а сколько ее еще впереди?! —

Эх, великая Ты, — Родина моя! А народу-то масса! После

Привислинского края какая во всем разница! Там, ближе к границе, все немного чужое, а здесь ведь сердце России... истину Российскую нужно здесь искать!

Заблестели крыши домов, купола сорока сороков высятся к небу, к Богу, благословляюще гудят колокола!

Осеннее ясное утро приветливо встретило своих детей с западной окраины.

Здравствуй, Матушка Москва!

Никто из кадет не знал о дальнейшей своей судьбе, да это нисколько их не тревожило, так как забота обо всем, естественно ложилась на персонал корпуса.

Корпус расположился в Лефортово, в пустовавшем из-за летних каникул 3-ем Московском Императора Александра 2-го Кадетском Корпусе. Удобно расположились, кормили прекрасно, выводили на прогулку, осматривая и знакомясь с достопримечательностями великого города. В это время шла срочная работа по ремонту и переделке казарменного помещения Гренадерского Саперного б-на в Сокольниках к нуждам Корпуса. Чье-то умелое руководство этими работами, привело эти помещения в такое состояние, что дало возможность трем ротам устроиться совершенно свободно и вновь почувствовать себя, как бы в своем здании. Конечно не могло быть сравнения с «гнездом» кадетским в Варшаве.

Жизнь потекла на новом месте нормально, заполненная уроками, вечерними занятиями, строевой муштрой, спортом, др. отраслями занятий, конечно, и проказами и ожиданием субботы. Появилось и новое чувство, — волнение за близких на фронте и интерес ко всему происходящему на войне.

4-ой роты, — малышей в Сокольниках не было, они вместе с малышами Полоцкого корпуса, пользовались гостеприимством Московских корпусов в продолжение всего времени.

От центра Москвы до Сокольников было далеко, — несколько верст, сообщение трамвайное, и с остановки виднелось трехэтажное здание корпуса.

К концу 16-го года стали проявляться хулиганские выходки против отдельных кадет, возвращавшихся из города, что привело к тому, что кадеты уезжали в отпуск и приезжали из него группами. Однажды такое возвращение завершилось настоящим боем. Загородние парни и подонки, подзуживаемые провокаторами, как обычно везде бывает, напали на группу кадет возвращавшихся из отпуска в корпус от остановки трамвая. Завязалась драка. Кто дал знать в корпус, —

неизвестно, но подмога пришла вооруженная штыками, железными палками и др. холодным оружием. Нападавшие бежали, оставив несколько раненых, которых в корпусном лазарете перевязали и с хорошим напутствием отпустили.

В том же 16-ом году, Корпус вызванный в Кремль для встречи Высочайших Особ, воочию убедился в открытом, враждебном к себе отношении некоторой части уличной толпы, нагло глазевшей, не снимая шапок, на Лик Христа нашего развернутого знамени. Глазам не верилось, — это ли Москва Богомольная, Москва Царей Православных, Град Первопрестольный!

Все больше и больше чувствовалось утомление войной, но несмотря на все трудности, снабжение армии питанием, оружием и огневыми припасами, сумели поднять воинский дух и веру, что в недалеком общем наступлении враг не выдержит и победа не за горами..., но темные силы не дремали и умело подрывали последние корни 1000-летнего Государственного строя. И вдруг... Этого момента Истории Российской не коснусь... Причины и подготовка к революции были кадетам чужды, неведомы, непонятны и, когда при известии об отречении Государя, первые слезы горя, отчаяния и обиды скатились с глаз, тогда только было понятно, что совершилось нечто грандиозное — непоправимое!

Построенный вечером корпус при всех офицерах, нервно ожидал Директора Корпуса Генерал-Лейтенанта Ваулина. Что было на душе у этого старого, заслуженного и ученого императорского офицера? Возможно, что он и медлил, долго не шел объявить... и громом поразить своих любимых питомцев. Наконец раздалась команда, послышался звон шпор... Корпус замер. Глухим, прерывающимся голосом объявил он об отречении Государя Императора, призвав кадет к благоразумию, спокойствию... слезы вызвали душевное потрясение кадет, но роты дружно с энтузиазмом ответили Директору «Боже, Царя храни». Ввзолнованные офицеры взяли под козырек...

Корпусное начальство, особо остро чувствуя всю ответственность, выпавшую на их долю при создавшемся положении, за судьбы доверенной им молодежи, зорко и чутко следило за тем, чтобы какие-нибудь необдуманные выступления, или выходки кадет, столь возможные при создавшемся положении, — не привели бы к трагической развязке. Но и кадеты чутко отнеслись к своим офицерам видя как болезненно они

переживают случившееся, тем более, что среди них было не мало новых, израненных с боевыми наградами, честно послуживших за «Веру, Царя и Отечество».

Война еще продолжалась. Революционный угар, охвативший многие слои русского общества и проповедывание новых идей, не угасили в кадетских сердцах понятий о долге, чести, любви к Отчизне и о бессменной службе России.

В это тяжелое время, полное неизвестности, кадеты проходя мимо своего знамени, с затаенным сердцем, любовью, гордостью и умилением смотрели на него, как бы чувствуя близкое расставание с ним.

—

ЗНАМЯ.

Во всех Корпусах были гвардейские знамена. У многих еще с давних пор. Суворовский Кадетский Корпус, как один из молодых, имел Знамя последнего Царствования, милостивейше пожалованное, в ознаменование Монаршего благоволения.

— «Повелеваем знамя сие, освятив по установлению, употреблять на службу Нам и Отечеству с верностию и усердием Российскому воинству свойственными»,

— говорилось в Высочайшем рескрипте.

Знамя было пожаловано Суворовскому Корпусу Государем Императором 7-го октября 1905 года, и вполне понятно было всегда то чувство, близкое к священному трепету, которое кадеты испытывали при виде своего знамени, приобщавшего их, — мальчиков, — к великой воинской семье, готовящихся сменить и пополнить ряды того офицерского состава, которое так жертвенно и бескорыстно служило на протяжении многих веков интересам, славе и величию своему Отечеству.

Одному из выпускных кадет выпадала ежегодно великая честь быть знаменщиком... с волнением снимается чехол перевязанный снизу офицерским темляком. Темляк этот прикрепляется к штыку на поясе, юношеские руки крепко сжимают древко. Тяжелое полотнище знамени давит плечо..., но какой восторг при виде строя взявшего «на караул», при звуках встречного марша. Тут, в строю, все, сроднившиеся за годы, проведенные вместе... ровные ряды ласкают глаз, в душе разливается какое-то тепло... общий погон, общий цвет, один для всех Кадетских Корпусов мундир.

—

Конец летних каникул, — начало учебного года.

16-го августа гражданские учебные заведения начинали новый учебный год. У кадет до 1-го сентября оставалось еще две недели, быть может самых дорогих за все каникулы и на виду у всех «шпаков», спешащих в школы, училища и гимназии, так приятно было «позадаваться», — подчеркнуть свою свободу. Но две недели срок небольшой, и настал тот день когда потянулись вереницы красных околышей к своему «монастырю». Младших сопровождали родители, старшие шли и ехали сами, как к себе домой, лихо козыряя офицерам и становясь «во фронт» генералам; милостиво отвечая на приветствия младших однокашников. Вновь поступивших малышей сдавали на руки, с чемоданами и пакетами, с плачем и вздохами, наставлениями и благословениями, дежурному по корпусу кадету.

В ротах шум и гам, — объятия, рукопожатия, возгласы, остроты, вопросы и рассказы без конца. Один рассказывал, как он в сопровождении казачьей сотни много десятков верст ехал от Китайской границы домой. Отец там служил. Другой тонул, — «и как видите вытащили», — рассказывал он. Третий спасал кого-то из пожара, — «представили к медали, да не получил, т. к. пришлось уезжать», — врал хвастун. А вот Володя отличился за лето, — влюбился, не приготовился к переэкзаменовке и заранее обрек себя на повторение курса, для лучшего усвоения наук, но зато получил чин «майора». — «Честное слово, книжки пахнут неприятно, а вот головка Любочки действительно издает умопомрачительный запах... и никаких гвоздей!» По секрету шептал осунувшийся и поглупевший от любви Володя своим закадычным друзьям. Говорили и слушали, уминая за обе щеки понавезенные из дому изделия заботливых рук.

Воспитатели и ротные командиры были милостивы и снисходительны, понимая, что дружной молодежи, съехавшейся с разных концов необъятной России, нужно дать вылиться. Офицеры присматривались к новичкам и не без гордости оглядывали своих отдохнувших, загорелых и возмужавших питомцев. Чувство удовлетворения, однако, смешивалось с некоторым беспокойством: — «хороша молодежь, да распустилась за лето, — будет морока с ними». —

Проходит день, два и все входит в свою норму. Порядок восстанавливается, занятия принимают обычный характер,

только по утрам горнисту и барабанщику еще некоторое время приходится быть осторожным из-за свистящих в воздухе туфель, бросаемых на звук, заспанными и отвыкшими за лето вставать по команде кадетам.

1-го октября праздник Корпуса, — и не за горами, один месяц срок не большой. Новичков, первоклассников, нужно подготовить к параду, успеть объяснить, что такое строй, и внушить какая честь военному самому быть в этом строю! В помощь офицерам, с большим усердием занялись обучением второклассники и второгодники, опытные уже строевики, а также и «дядьки», — старшие кадеты, чтобы новички не осрамились перед лицом начальства, родственников и приехавших гостей, Сами дети, еще недавно утиравшие слезы при разлуке с родителями, сестрами, братьями, «Полканами», «Жучками», казалось вырастали на вершок при знакомстве со строем, церемониальным маршем и другими премудростями военной науки. Эти мальчики, черненькие, рыженькие, беленькие переодетые в новые, подогнанные гимнастерки, перетянутые тугим, лакированным поясом с большой, тяжелой медной бляхой с орлом в сиянии, с интересом и гордостью рассматривали себя и мысленно говорили, — «Ах, если бы няня смогла посмотреть на меня, — не узнала бы своего Колю, а сестренка и все приятели поразились бы, увидев меня военным с Суворовским трафаретом на настоящих погонах... и какие плечи у меня широкие?! Если потом, через месяц, на параде, при прохождении церемониальным маршем, наши малыши буквально не поспевая своим маленьким шагом и кривили немного строй, то достаточно было взглянуть на их серьезные, напряженные, полные старания лица, чтобы все им простить. И не удивительно, что вызывали они всеобщее восхищение.

Что касается 3-ей и 2-ой роты, — тут все идет нормально, — этим к строю не привыкать! В 1-ой роте совсем особая атмосфера, не то что в остальных ротах. Настроение создает блестящая щетина штыков винтовочных строек. У шестиклассников вид особенно озабоченный, впервые продеты через пояса желтые подсумки, руки сжимают долгожданные винтовки и жизнь кажется совсем иной, — новой.

Духовой оркестр, — тут работа идет полным ходом. Сыгровки каждый день в свободное время, т. к. лучшие музыканты выбыли ввиду окончания корпуса, а оркестр не должен быть хуже, но весь корпус спокоен за своих музыкан-

тов. Из музыкалки доносятся волнующие бравурные звуки маршей: — «Гром победы раздавайся», «Егерский марш», и много других, и бесподобно-торжественного гимна «Боже Царя храни...».

Классные занятия шли своим чередом и усиленная строевая подготовка никоим образом не отражалась на планомерном проведении учебной программы. Эта перегрузка почти не вызывала по началу утомления из-за близости Корпусного праздника и приподнятого настроения, охватившего не только одних кадет, но буквально весь состав корпуса.

КОРПУСНОЙ ПРАЗДНИК.

В канун праздника, после всенощной было производство в вице-унтер офицеров. Фельдфебель Корпуса и знаменщик получили первыми погоны с золотыми нашивками.

1-го октября, — Покров Пресвятой Богородицы, — праздник особо чтимый Суворовым и был праздником Суворовского Кадетского Корпуса. Если нельзя было сказать, что вся Варшава принимала участие в празднике Корпуса, то все же событие это затрагивало весь тот слой русского общества, который и пользовался случаем выявить симпатии своему единственному военно-учебному заведению на весь Привисленский край в 10-ть губерний.

450 кадет и персонал корпуса, в своем большинстве, имели родственников, или в самой Варшаве, или поблизости. В громадном гарнизоне, в частях гвардии и армии вкраплены были бывшие воспитанники, и если считать даже только этих, близко стоящих к корпусу людей, то и тогда легко себе представить оживление, царившее в районе главного подъезда. Еще накануне съезжались многие бывшие кадеты с разных концов страны, — разнообразие военных форм еще больше увеличивалось. Некоторые, особенно юнкера, приезжали прямо в корпус, где их радушно принимали и устраивали.

На кухнях творилось что-то невероятное! Лестницы устилались толстыми, парадными коврами, откуда-то появлялись тропические растения. Все блестит в этот именитый день. На кроватях выложено парадное обмундирование, все медные части его, блестят, как стекло.

Радостное утро 1-го октября наступило, нарядные роты строятся блестя рядом пуговиц и золотом мундиров. Офицеры в парадной форме, в эполетах и при всех орденах. Стройные роты тихо входят в переполненную церковь и занимают

свои места. Впереди застыл, как изваяние знаменщик со своими ассистентами на долгую, минимум двухчасовую службу. Шопотом передают кадеты друг другу, что прибыл со своей свитой Генерал-Губернатор и Командующий Варшавским военным округом и еще много известных и влиятельных лиц, как ген.-майор барон Маннергейм, командир Лейб-Гвардии Уланского Его Вел. Полка, ген. барон Бодэ, — командир Лейб-Гвардии Петербургского полка, много гражданских лиц в форме при шпагах, много штатских, нарядные дамы и цветник молоденьких блондинок, брюнеток, вызывавший у некоторых кадет усиленное сердцебиение.

Директор Корпуса в ленте при звездах и орденах стоял впереди группы генералов и офицеров в мундирах, черкесках, доломанах, колетах такого разнообразия и цветов, что только немногие могли определить формы.

После молебна с громовым многолетием прекрасного кадетского хора, и под пение «Спаси, Господи, люди Твоя...», быстро выводились роты, чтобы привести себя в порядок и заново выстроиться на плацу для парада, Масса народу, не вместившегося в церкви, ожидали на плацу, а также и за оградой, выхода рот. Стройные роты твердым шагом заняли свои места. Офицеры, бывшие кадеты и юнкера вытянулись на фланге в одну живописную длинную шеренгу.

Все замерло... короткая команда... блеснули клинки офицерские и кадетские штыки 1-й роты, взявшей под знамя на караул..., звуки встречного марша оборвались... и вновь полились для встречи командующего. Директор Корпуса в кивере с султаном, рапортовал принимавшему парад. Отчетливо, отрывисто отвечали кадеты на приветствие... громовое, от самого сердца «Ура», будто хотело заглушить звуки гимна... Свободным русским шагом пошли взводы церемониальным маршем. Отчетливые ответы, — «рады стараться Ваше-ство», твердый шаг и безукоризненное равнение, приводили публику в восторг, но когда малыши, — 4-я рота, немного кривя строй, но звонкими высокими голосами стройно, под шаг, ответили — тут такое поднялось, что и передать невозможно.

Сосредоточенность на одном определенном желании лихо промаршировать, и напряженность к восприятию и выполнению команд и ответов вó-время, не давали возможности рассмотреть знакомые лица в приветствовавшей толпе, и уже позже, делясь впечатлениями, выплывали подробности того момента.

За обедом играл концертные вещи духовой оркестр одного из полков гвардии. Все было красиво, необычно торжественно и оживленно. Праздничное меню с кулебякой, бульоном, отбивными котлетами с зеленым горошком, с пирожками, уткой с яблоками, обогощалось пакетом в четверть фунта шоколадных конфет помимо торта и пирожных с бокалом шампанского (Донского шипучего вина).

Здравица Державному Вождю Армии вызывала бурный взрыв «Ура», веселых сытых и раскрасневшихся от непривычного вина кадет. Были и артисты, успевшие за обедом «хватить» несколько бокалов, обеспеченных заблаговременной меной пирожных на будущее вино.

Гремела еще музыка, когда расходились отпускные кадеты по городу до вечера, до бала.

БАЛ.

«... Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут...»

Вешалки буквально гнутся под тяжестью шинелей, пальто, манто, накидок, пелерин, сабель, палашей, шашек, тесаков, зонтиков, палок, касок, киверов, фуражек, шапок. На столах горами наложены шляпы, шали, капоры. Внизу ряды калош, ботиков и снятых дамских городских туфелек. Читатель скажет: — «Какой хаос?!» О нет! За всем зорко следят два швейцара в ливреях и колодкой орденов. Отставные унтер-офицеры, в помощь которым посланы пол дюжины бравых молодцов-солдат. На всех вещах номерки, да и посетителей многих знают в лицо швейцары, — два Ивана.

Смешение запахов духов, пудры, цветов, мехов слегка кружит голову. Яркий свет, благородный метал, самоцветные камни в кулонах, кольцах и браслетах, дэкольте дам и шейки девушек, немилосердно слепят глаза.

Встречали гостей кадеты-распорядители с голубыми розетками, сюда назначались всегда самые «тоняги» и танцоры. Другая категория расторопных и бойких кадет с розовыми бантами, предназначалась для обслуживания киосков с морсом и оранжадом, обноса гостей фруктами и сладостями, а ужин предстоял позже в столовой, откуда уже раздавался звон посуды, стук вилок, ножей и сдвигаемых столов. На кадетском жаргоне все распорядители именовались проще: го-

лубые по «танцам», розовые по «жратве» и... берегись «розовый», не прошляпь... Сколько раз случалось, что такой «пистолет» делая неуклюжий пируэт в воздухе, падал с блюдом бутербродов или конфет, споткнувшись на ловкой подножке целой засады нетанцующих, с махальными, подкараулившись на лестнице или в изгибе коридора. Вмиг расхвачено, — и ваших нет! Рассерженный распорядитель подобрав пустой поднос, конфузливо озираясь по сторонам возвращался с кислой миной к буфетчику, который зная эти проделки, улыбаясь говорил — «ну что «розовый», товар-то растерял, ну, давай блюдо!»

По широкой лестнице нарядная публика подымалась и расходилась по двум залам, где играли два военных оркестра — струнный в Белом зале и духовой в гимнастическом. Бал открывался полонезом и в первой паре выступал хозяин дома, — Директор с женой Командующего войсками. Всем торжеством и танцами дирижировал кадет с голубым аксельбантом.

Малышей не допускали на бал, а 2-я рота в 11 часов ночи должна была идти спать, а 3-я еще раньше. С этим еще можно было смириться, но язвительные замечания старших кадет, били по самолюбию. Представьте себе душевное состояние юношей 14-15 лет, возбужденных светом, шумом и музыкой и вот слышать раздражающие напутствия старших: — «Дети спать, вытри молоко на губах, не доросли еще, или Морсу попили и будет с вас!» — Обиженные в этот раз пятиклассники, на следующий год, перешагнув порог 1-й роты, начинали ту же музыку с младшими. В 10 с половиной часов вечера раскрывались настежь двери столовой и все гости приглашались закусить. Ротные командиры зорко следили, чтобы кадет без дамы не зашел бы в столовую, смышленный «чревоугодник» не танцевавший весь вечер, находил такую же девочку и под руку с ней проходил в столовую, а там, у какого-то заднего стола вдоволь наевшись и, оставив девочку, быстрыми шагами выходил из столовой и скрывался под сенью какого-то экзотического растения, удовлетворенный своим похождением.

Неспокойно спали эту ночь кадеты, масса впечатлений отгоняли сон... но молодость берет свое... На следующий день к утреннему чаю все блестело и стояло на своих местах. Видно, что служащие поработали хорошо остаток ночи.

Так праздновали Суворовцы свой Корпусной праздник, и так прошло 1-е октября в 1913 году, — последнее в Варшаве.

В Москве 1-е октября праздновалось так же торжественно. После церковной службы был парад. За обедом то же меню, те же конфеты и шампанское и день заканчивался балом, не было того света, стиля и красоты. Казарменное помещение не красило, место на окраине не привлекало, и на все легла печать войны.

—

ВЫСОЧАЙШИЕ ПОСЕЩЕНИЯ.

На стене столовой корпуса в Варшаве висел резной дубовый, застекленный ящик, в котором был полный обеденный прибор, которым пользовался Государь Император в свое первое посещение корпуса.

Во второй раз корпус был осчастливен Царским вниманием в Москве во время войны. Более чем скромная обстановка Суворовских кадет, лишенных в силу войны своего благоустроенного помещения, не часто привлекала высоких гостей, а поэтому посещение Государем Императором с Наследником Престола корпуса в Сокольниках приобретало особо милостивое значение. Чувства, испытываемые верноподданными при общении с Православным Русским Царем-Помазанником Божиим, общеизвестны, и у кадет граничили с экстазом. Нормальное состояние приходило уже потом, спустя некоторое время, необходимое на приведение нервной системы в надлежащий порядок.

В тот осенний день 15-го года роты были выведены как-то внезапно. Оркестр едва успевший построиться на правом фланге строевой роты, взявшей уже на «караул», услышав слева перекаты «Ура». О перестроении не могло быть и речи. Первый взмах руки капельмейстера и трубы грянули «Боже Царя храни». Группа высочайших Гостей быстро приближалась... руки сжимавшие винтовки дрожали, спазмы в горле не позволяли полной грудью выдохнуть радостный клич. Кадеты видели Государя с Цесаревичем проходящих в двух шагах, честью воинской приветствовавших кадетский фронт. Так потом и не восстановили в памяти полностью Царскую свиту. Оркестр лишь выдерживал темп, губы музыкантов на тонких инструментах не повиновались, лишь отчетливо бил барабан, а из геликонов вырывались громоподобные звуки. Государь с Наследником присутствовали на некоторых уроках, посетили ротные помещения, а на убогой кухне внес секундное замешательство в Царском окружении, выскочив-

ший откуда-то из-за угла с рапортом наэлектризованный, но отчетливый дежурный кадет. Приказав распустить кадет на три дня, Государь покидал корпус под восторженные, радостные и несмолкаемые крики «Ура». Кто сам это пережил, — тот поймет!

Великий Князь Константин Константинович неоднократно был высоким гостем корпуса и последний памятный визит его был в Варшаве, почти накануне Великой войны, когда Корпус имел счастье видеть его вместе с сыном, князем Гавриилом Константиновичем.

—

ОБ ОДНОМ МАЛЕНЬКОМ КАДЕТИКЕ.

В 1920 году, раненые, попавшие после Крымской эвакуации в Константинополь и находившиеся на излечении в госпитале русского посольства, должны помнить слепого мальчика-кадета, лет 12-13. Грустно и тяжело было смотреть на беспомощную детскую фигурку, передвигавшуюся осторожно по палатам с протянутыми вперед руками. Многие ласковым словом, или редким тогда гостинцем, старались скрасить мальчику «вечную ночь».

Батальон, сформированный из пленных красноармейцев, был окружен и сдался в плен. Полковник, командовавший этим батальоном, поцеловав и перекрестив находившегося при нем сына, выстрелом в висок покончил с собой.

«Мертвые сраму не имут»!

Обезумевший от горя 13-тилетний кадетик приставил к своему виску еще дымящийся отцовский револьвер и выстрелил... подоспевшие белые части подобрали труп полковника, — и залитого кровью сына. Мальчик дышал. Случай редкий: пуля прошла два виска, лишила зрения, но сохранила жизнь.

Вскоре за мальчиком приехали английские офицеры и куда-то увезли его, позже выяснилось, что взят он был на иждивение Английского Короля.

Ни фамилии, ни корпуса, пишущий эти строки не знал, но он уверен, что любой Российский Кадетский Корпус счел бы за честь, считать своим кадетом такого героя.

—

Заканчивая исторический очерк Кадета Суворовского Корпуса (чье имя родственники просили не упоминать), — я

склоняю голову перед памятью старших однокашников, — Императорских Кадет, благодаря которым мы, Зарубежные кадеты, вошли в Семью «Орлиного Гнезда», и переданные нам традиции сохранили, и пронесли с честью многие годы на чужбине.

А. Политанский.

ОТ АВТОРА.

«Если Императорский и Зарубежный Кадет сердцем уловит чувства мои к далекому, незабываемому прошлому, если уста его, порой, сложатся в улыбку, — это и будет лучшей мне наградой за тот труд, долгих зимних вечеров, который посвятил я своим воспоминаниям во имя всех Российских Кадетских Корпусов».

Суворовец.

Русские в Сараеве.

В феврале с. г., во время зимних Олимпийских игр в Сараеве, «Радио Свобода» сделала по-русски передачу в СССР о русских в Сараеве.

Ведущий начал ее словами: «С 7 по 19 февраля в Сараеве состоятся зимние Олимпийские игры. Ростислав Полчанинов, проживший в Сараеве 20 лет, расскажет о русских в Сараеве с первых дней их появления и до наших дней.

После этого ведущий передал микрофон Р. Полчанинову, который сказал следующее слово:

Наверное в Сараеве и раньше, до революции в России, бывали русские, но именно только бывали, а не жили там более или менее продолжительное время.

Первыми русскими, поселившимися в Сараеве, еще до эвакуации Крыма, были кадеты Киевского корпуса, прибывше в Сараево через Варну и Сисак.

Кадеты Полоцкого и Одесского корпусов 7 февраля 1920 г. покинули Одессу и пешком, с боями ушли на Запад. Прибыли они в Сараево через Панчево в чем были. Союзники, узнав о бедственном положении этих мальчиков, послали им кое-какое старое солдатское обмундирование, которое сами кадеты както перекраивали и подгоняли. Особенно комично выглядели малыши.

Жители Сараева встретили русских кадет недружелюбно. Еще не прошло двух лет как Сараевом правили австрийцы, насаждавшие ненависть к русским. Вернувшиеся из русского плена бывшие австрийские солдаты симпатизировали большевикам и ненавидели «белых». Только отдельные офицеры сербской армии старались помочь братьям-русским, оказавшимся в беде.

1 августа, по случаю окончания занятий и отправки пятидесяти кадет-выпускников в Крым, был устроен бал, на который были приглашены представители военных и гражданских властей города. Гости остались очень довольны.

В сентябре Сараево посетил королевич Александр, который сам когда-то учился в России в Пажеском корпусе. Корпус принял участие в параде. Среди генералов и принимавших парад, был и директор корпуса генерал Адамович, с которым не только королевич, но и большинство свиты говорило по-русски.

Когда кадеты отлично прошли церемониальным маршем перед королевичем, то офицеры свиты, а за ними и народ, стали кричать — «Да здравствует Россия! Да здравствуют русские кадеты!».

С тех пор отношение к кадетам жителей Сараева переменилось. Некоторых кадет, у которых в городе не было ни родных ни знакомых, стали приглашать местные жители по воскресеньям в гости. Вскоре кадетам выдали взамен солдатского обмундирования, новую форму — черные брюки и белые гимнастерки с малиновыми погонами. Ни в одном городе Югославии русские не были так заметны как в Сараеве, благодаря кадетскому корпусу. Иногда по воскресеньям, кадетский оркестр играл в парке Царя Душана. Ни один парад не обходился без участия кадет и кадетского оркестра. Получить приглашение на кадетский бал считалось привилегией. Примерно каждый десятый кадет был из местных жителей, учившихся и говоривших по-русски. Офицеры, служащие корпуса, ходили в русской форме не только в стенах корпуса, но и в городе. Корпус был одной из достопримечательностей Сараева, и велико было огорчение жителей, когда его перевели первого сентября 1929 г. в Белую Церковь.

Менее заметной была русская четырехклассная начальная школа, но и она была в Сараеве. Были в Сараеве и общество «Русский Сокол» и дружина русских скаутов.

Русские инвалиды Первой мировой войны получали от

правительства такую же помощь, как и свои югославы. Русских бывших офицеров, а почти все русские в Сараеве были бывшими офицерами, хоронили с воинскими почестями на военном кладбище, где для русских был отведен отдельный участок. Там же начались в стройных рядах и кадетские могилы. Там, с кадетами, был похоронен и их директор генерал Адамович.

После эвакуации Крыма в ноябре 1920 г. в Сараеве оказалось несколько сот офицеров армии Врангеля без профессии и без знания языка им было очень трудно найти какую-нибудь работу.

Один еврей, сражавшийся в Белой армии, открыл шляпную фабрику, а немец-колонист — деревообделочную. Несколько десятков человек получило у них работу. Правительство позаботилось о других, предложив русским офицерам работу в местном отделе государственной статистики.

В двадцатом году в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев была проведена первая перепись. Подсчет анкет был поручен русским. Русскому немцу заказали счеты, которыми югославы никогда не пользовались. По-русски были составлены инструкции и перевод бланков и началась работа. Директор и главный бухгалтер были из местных, все остальные были русскими. Два-три серба, случайно оказавшиеся среди служащих, очень скоро научились говорить по-русски и помогали русским служащим во всех трудных случаях. После корпуса, начальной школы и столовой Русского Красного Креста, государственное статистическое бюро стало четвертым русским учреждением в городе.

В Сараеве было несколько русских врачей. Они получили право практики без каких-либо экзаменов. Инженеры и чертежники очень легко получали работу. Один морской офицер стал преподавать в гимназии французский язык, а другой стал заведующим метеорологической станцией. Биолог Скворцов, крупный специалист по комарам, возглавил в Сараеве научный институт. Поручик Сергиевский, археолог по профессии, стал заведующим археологическим отделом Сараевского музея.

Русские в Сараеве были объединены в организацию, которая называлась — «Русская колония». При ней была библиотека. Для учащихся в местных школах была создана воскресная школа. Было спортивное общество «Русский Сокол» и дружина русских скаутов. Своей русской газеты в Сараеве

не было, но зато генералом Новитским и полковником Шмигельским издавался солидный журнал — «Вестник военных знаний».

Во время Второй мировой войны, когда нацисты оккупировали Сараево, все русские организации были запрещены. Коекого из русских немцы вывезли на работы в Германию, а коекого местные хорваты мобилизовали в армию.

Когда немцы ушли, и в Сараево пришли партизаны Тито, то начались массовые аресты русских эмигрантов. Стариков арестовывали только за то, что они двадцать пять лет тому назад служили в Белой армии. Всех русских и подданных и бесподданных, стали заставлять принимать советское гражданство.

Зато после конфликта в 1948 г. между Тито и Сталиным, некоторые русские, взявшие советские паспорта, были объявлены нежелательными иностранцами и им было приказано ехать в Советский Союз или на Запад, в Триест, в лагеря для беженцев.

Русских осталось в Сараеве считанные единицы. Несколько девушек, которые вышли замуж за местных, и несколько стариков-пенсионеров. Стерты даже следы пребывания русских в Сараеве.

Сразу после войны военное кладбище со всеми его памятниками, в том числе и русскими, было ликвидировано. Останки русских были похоронены за городом в братской могиле с надписью — «Русская семья».

Р. Полчанинов.

ЛЕДОВЫЙ ПОХОД.

Пятница 13 февраля 1942 года.

Дунай стал, скованный толстым слоем льда. Над рекой возвышались остатки моста, взорванного югославской армией в апреле 1941 г., перед приходом немцев. Вокруг устоев моста виднелись большие полыньи.

Мороз крепчал. По реке подул ветер. Светало.

Со стороны Белграда на лед спустилась странная вереница людей. Одеты они были разношерстно, во что попало: кто в шубе, кто в осеннем пальто. Некоторые были в сапогах, в высоких ботинках и в простых. Сзади шагал маленький человечек, стараясь не отставать от других, одетый в пальто и

большого размера «родительские» ботинки. (Была война, в апреле прошлого года немцы заняли Югославию, трудно было достать одежду, в особенности детскую, а матерьялы были разграблены населением в первые же дни бомбардировки Белграда).

Лубочной казалась эта ленточка людей, шагающая по льду и обходящая полыньи. Казалось, что группа карликов из фильма «Снегурочка и 7 карликов» сошла с экрана...

Шли неуверенно, пробуя местами покрытый снегом лед, но браво, чтобы никому не показать своей боязни. Спереди и сзади шли двое постарше, все время оглядываясь и проверяя все ли в порядке и могут ли маленькие идти.

То была группа мальчиков направлявшихся в кадетский корпус. Большая часть впервые, в первый класс. Из-за военных событий, пропустили они пол года занятий, так как не было возможности (из-за разбитого моста) проехать в корпус. Можно было временно поступить в Белградскую гимназию до починки моста, но ребятам не терпелось стать кадетами. «Не хочу быть штатским! У нас, казаков, все военные!» сказал своей маме мальчик о котором мы упомянули выше, когда она хотела записать его в гимназию. Скрепя сердце, согласилась она отпустить его со старшими сыновьями, кадетами восьмого класса, близнецами Максом и Мишей, когда собралась большая группа ребят жаждущих попасть в корпус. Они и повели их в «Ледовый поход».

Перейдя на другую сторону (Дунай у Белграда около 2-х километров ширины), с приключениями: один из ребят попал в полынью, другой при подъеме на берег провалился в снег, пришлось идти километра два по снегу, пока не нашли селяка — крестьянина, — который согласился перевезти на телегах эту разношерстную команду на железнодорожный вокзал г. Панчева. Там, сели на поезд и под вечер приехали в г. Вршац. В Вршце узнали, что поезд в Белую Церковь пойдет только вечером следующего дня.

Сердобольный начальник станции предоставил в распоряжение кадетиков неотапливаемую бетонную сторожку, в которой на столах и на досках положенных на бетонный пол, расположились ребята.

Мало кто спал в эту ночь. Прижавшись друг к другу, чтобы как-нибудь согреться, так как одеял не хватало, делясь пережитым за прошедший день, надеждами на будущее, спаива-

лись вместе детские души, зарождалась дружба, укреплялось кадетское товарищество.

На следующее утро, поевши какой-то теплой кашицы, которую где-то раздобыли их новые «дядьки» Миша и Макс Михеевы, высыпали ребята на двор и стали строить снежную крепость. Подошедшая ватага местных детей стала дразнить ребят: «рус-купус» и бросать в них снежки. Набравши снежков, лавой бросились на них новоиспеченные кадеты. С позором бежали туземцы.

А вечером в корпусе обветренные, обмороженные, выстроились в зале и когда директор корпуса ген. А. Г. Попов обратился к ним: «Кадеты!...» у многих брызнули слезы — «Дождались!»

Ярополк Л. Михеев
29 вып. 1-го Русского К.К.

ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ.

Стал совсем на себя не похож.
В жизни видел не мало я рож.
Вот моя к ним прибавилась тоже.
Ну, на что это, правда похоже?
Говорят, не беда — у мужчины
На лице коль станут морщины, —
Я же с этим совсем не согласен,
Не люблю, Вам скажу, таких басен.
Вот сегодня взглянул и опешил:
В отраженьи как будто бы леший.
«Виноват — я ему говорю
Вообще, так сказать не пойму
За какие грехи или вины
У меня появились морщины?» —
И от этого самого дня
Вдруг напала тоска на меня.
Чтоб в уныние больше не впал
ПРОХОЖУ СТОРОНОЙ У ЗЕРКАЛ.

А. Мальчевский.

Термоядерная угроза.

(Мысли по поводу статьи Охотина в № 34 журнала)

Домоклов меч атомной войны висит над нашей планетой. Две великие державы ревниво следят друг за другом и каждая боится отстать в ядерном вооружении. Среди обывателей свободного Запада идут споры, демонстрации, протесты и все чаще раздаются голоса, что лучше быть «красным, чем мертвым». И мало кто понимает что здесь, — как заметил Солженицын, по существу нет альтернативы. А бесправный Русский народ со страхом смотрит сквозь паутину пропаганды на своих и чужих правителей и, лишь при случае, тоскливо спрашивает туристов: «Неужели Америка начнет атомную войну»? Затронул эту тему и 34-ый номер нашей «Переклички». Этот вопрос настолько серьезен, что мы не должны дать ему заглохнуть.

Не напрасны все страхи, так как любая атомная война, даже самого ограниченного масштаба, неизбежно перейдет в тотальную термоядерную, последствия которой могут превзойти все предположения современных ученых. Нужно иметь ввиду, что по сравнению с до атомным оружием разница не только в точности и мощности взрыва, при котором один современный заряд может унести больше четверти миллиона жертв, а также в его радиоактивности и сильном тепловом излучении. Эти два последствия, а особенно сильное повышение температуры и, как результат, повсеместные пожары, от каждого взрыва охватят гораздо большую площадь, чем сама ударная волна. Примем во внимание, что в сумме у всех держав имеется до пяти тысяч мощных зарядов. Если даже только часть их достигнет цели, то все северное полушарие может погибнуть от взрывов, радиации и высокой температуры. А повсеместные пожары городов и лесов дадут косвенные последствия, — от дыма наступит темная ночь и острый недостаток кислорода на всем земном шаре. Разрывы на большой высоте, и даже в космосе, могут сильно разрушить озонный слой, защищающий нас от солнечных ультрафиолетовых лучей. Все это грозит полным уничтожением всего живого на всей нашей планете. Таким образом, даже подсоветскому юнкеру статьи Охотина, ясно, что «атомная война не даст победителя». Поэтому основной вопрос для всех правительств не в том как победить, а как избежать самоубийства.

Все надежды на «добрую волю» великих держав и миролюбие народов очень наивны. Вряд ли любое ответственное правительство может поставить безопасность своего государства на эту карту. Гаагская конференция была благородным порывом Императора Николая 2-го Мученика, но, как и следовало ожидать, ее результаты были равны нулю по вопросам разоружения и вскоре вспыхнула Первая мировая война. Тогда Англия была готова на сокращение любых военных сил кроме морского флота, а Германия не была согласна на уменьшение сухопутной армии, в чем она себя считала самой сильной. Это понятно, так как разоружаться всегда согласен только самый слабый. Также и теперь, чем больше разница в ядерном потенциале между державами, тем меньше шансов договориться до уменьшения военных сил. И все же нужно признать, что идеология и миролюбие стран играют большую роль в достижении конечного успеха. Но при разрешении всех вопросов нельзя считать, в отношении доброй воли, Запад равным советской власти. При всем современном нравственном и моральном упадке Запада, он построен на христианской религии с ее понятием правды, добра и любви к ближнему. Это особенно глубоко в народных массах и при всяком правительстве народ оказывает влияние на политику и поведение своих представителей. Советское же правительство руководствуется теми лозунгами, которые им помогли в 1917 году. То-есть «грабь награбленное» и «даешь перманентную революцию». Ленин, отрицая всякую нравственность взятую вне интересов мировой революции, освобождал своих последователей от «химеры совести». Такой же идеологией руководствуется коммунистическая партия и по сей день. Советский Союз все время подбивает народы отсталых стран разрушить «старый строй» и тем стать «всем», хотя и делает всех поверивших «ничем». Поэтому крайне опасно в атомном вопросе полагаться на «добрую волю» советских вождей. Во всех договорах самое серьезное внимание должно быть обращено на тщательную инспекцию соблюдения всех пунктов разоружения. А что думает Русский народ мы можем только гадать и верить, что он еще не окончательно задушен советской властью.

Американское правительство заслуживает бо́льшего доверия при оценке искренности их высказываний и выполнения принятых обязательств. После Второй мировой войны США имели бесспорное превосходство в атомном оружии и только

один раз при президенте Кенеди пригрозили Советам, когда начались установки атомных ракет на Кубе. Тогда это доказало, по словам ген. де Голя, что в те времена «была только одна сверх-держава», которая не пользовалась в своих интересах этим преимуществом. Однако теперь обстановка сильно изменилась. Последние годы Америка занималась разрешением других проблем, а Советский Союз, то создавая сам, то воруя технологию у беспечного Запада, стал быстро увеличивать свой ядерный арсенал. Уже при свидании президента Форда с Брежневым во Владивостоке было установлено, что советы имеют на 50 процентов больше ядерных баллистических ракет чем США. К тому же технически американское вооружение было более отсталым и устаревшим. Сейчас не специалистам довольно сложно доказать преимущество Советского Союза в общем атомном оружии, но его превосходство в Европе вполне очевидно, так как количество атомных ракет НАТО на суше пока равно почти нулю. Эту опасность понимают европейские страны и поэтому, по просьбе заинтересованных держав, США ставят там ракеты Першинг. И кто не просит, — например Франция, Греция, Турция, Скандинавы, тот их и не получает. Как контраст, размещение ракет в Чехии и Венгрии будет сделано по недавнему постановлению Верховного Совета Советского Союза. Это делается вместо того чтобы принять предложение Запада убрать все ракеты среднего радиуса с европейского фронта.

Президент Рэйген, учитывая опасность ядерного превосходства Советов, предпринял усиление американского атомного потенциала. Он считает, что лишь при равенстве сил можно успешно договориться до обоюдного сокращения количества снарядов, имея как идеал нулевое количество у обеих сторон. Рэйген все время повторяет что нельзя начинать ядерную войну, так как ее невозможно выиграть. Поэтому вряд ли стоит его обвинять в желании атомно уничтожить весь Русский народ, — это не подтверждается никакими фактами. Он является убежденным адвокатом западной политики уравнения и затем сокращения, считая, что это единственный путь избегнуть катастрофы. И он не одинок в этой позиции. Приведу мнение мирового специалиста и авторитета по ядерной физике академика Сахарова. С своем письме к коллоквиуму Нобелевских лауреатов «Наука и Жизнь», проходившем в Париже 26-28 октября 1983 года, он пишет: «Полагаться на ядерное устрашение как средство предотвращения войны, —

не только аморально, но и самоубийственно; необходимо, однако, **довооружение Запада**, как ядерного так и обычного, чтобы обеспечить **устойчивое равновесие.** Только на этой основе возможны успешные переговоры о сокращении вооружений». (Курсив СТ). Таким образом Нобелевский лауреат абсолютно уверен в ядерном превосходстве Советского Союза. Советское предложение заморозить атомное вооружение на настоящем уровне только подтверждает их уверенность в своем превосходстве. Такое решение соблюдает выгоды только Советского Союза. Это даст им возможность шантажа и попыток дальнейших авантюр подобно Афганистану. Значит, лишь достигнув паритета можно договориться до снижения количества атомного вооружения и запрета иметь бомбы малым государствам нашей вселенной. В этом нет ни безумия ни спортивного соревнования, а скорее правильное стремление разрешить трудный вопрос быть или не быть жизни на нашей планете.

Быть может правы испуганные обыватели и предложенный путь не спасет нашу планету. Возможно что в какой-то момент советская головка в панике решит хлопнуть дверью, как обещал Троцкий. Но вряд ли Запад будет в животном страхе заранее капитулировать. Сейчас у него не видно другого решения кроме стремления к паритету, и технического улучшения защиты.

Сергей Третьяков.

О СТАТЬЕ И. ОХОТИНА
«БЕЗУМИЕ УПОРСТВА В СОРЕВНОВАНИИ ВЕЛИКИХ СИЛ»
(Кадетская Перекличка № 34)

Нельзя возразить против оправданных указаний автора статьи на безумное накопление атомного вооружения двумя, ведущими мировую политику, великими державами.

Каждая сторона уже обладает таким количеством атомных ракет, что в случае военного столкновения, после запуска небольшой их части обе стороны превратятся в развалины, и уже просто нечего и некого будет добивать.

Нужно надеяться, что у правителей обоих великих государств найдется столько здравого смысла и понимания неизбежных последствий, понимания того, что после атомного столкновения победителя не будет и что, благодаря этому, ни

одна сторона не решится первой «нажать кнопку», сознавая, что этим будет автоматически нажата кнопка и у противника.

И, действительно, кажется абсурдным дальнейшее нагромождение оружия, которое не сможет быть употреблено, а на которое бросаются колоссальные денежные средства. А если, рано или поздно, настанет время, когда будет можно и нужно просто уничтожить эту адскую энергию, задумывался ли кто-нибудь о том, каким способом она сможет быть безопасно уничтожена?

Однако, фраза автора статьи: «А, ведь, как легко все это можно изменить и отклонить надвигающуюся катастрофу нашей земли. Общий мир зависит только от доброй воли двух великих сил — США и от СССР» — звучит достаточно наивно. Только!.. Неужели можно говорить о доброй воле правителей СССР? Значит им нужно было бы «только» отказаться от своей доктрины мирового коммунизма, от доктрины завоевания мира? На это можно ответить «только»: «Блажен, кто верует!»

Дальше автор задает вопрос: «Зачем недружелюбное соперничество этих двух великих государств? Кому это нужно, кто подстрекатель? Никогда русский и американский народы не были врагами... и нет никакой причины сомнению в их дружественном отношении друг к другу». В истории имеется достаточно фактов, доказывающих, что обоюдные симпатии народов далеко не всегда влияют на политику вождей. Каждому должно быть более, чем ясным, что русский народ не одобряет ни внутреннюю ни внешнюю политику господствующей над ним власти, против которой он борется с момента ее появления, но безрезультатно.

И думается, что у русского народа не зародились симпатии к американцам после насильственной выдачи ими на убой или, в лучшем случае, на мучения несчастных советских военнопленных и доверившихся им беженцев.

А что доказывает поступок американского «патриота», на следующий день после атаки террористов на казарму американских морских пехотинцев в Бейруте, убившего молодую невинную женщину, родившуюся в США, от русских родителей? Ведь этот «патриот» совершил убийство из чувства возмездия «русским», из-за ненависти ко всей нации.

Нельзя согласиться и с утверждением о том, что «американский народ два раза помогал нашему народу в борьбе с немецкой агрессией».

В Первой мировой войне Америка выступила против Германии не с целью помощи русскому народу, а своим союзникам — англосаксам. Когда же победа определилась на стороне союзников, тогда американские банкиры не постеснялись помочь революционерам в России, щедро снабжая их золотом.

Во Второй же мировой войне, Америка помогала не русскому народу, что ясно показал Ялтинский договор, а помогла тем же англосаксам и угнетателям русского народа — Советскому правительству.

Автор статьи мечтает о заключении «дружественного союза» между США и СССР-ом. Но, если бы это и было возможно, так повело бы только к дальнейшему укреплению на нашей Родине власти поработителей народа.

С другой же стороны, разве возможно заключать какие-нибудь договоры с Советами, которые при первом удобном случае всегда нарушали заключенные с ними договоры?

Сейчас ведется упорная борьба между двумя супердержавами за мировую доминацию? США в данное время не только настроены против Советского Союза, но против возрождения сильной России с любым строем, тем более национальным, ибо в России они видят своего сильного конкурента на мировую доминацию. Вот почему сейчас у всех правительств США гораздо большим влиянием пользуются сепаратисты, чем русские националисты.

Автор говорит, что идею «общего разоружения император Николай II предлагал еще до Первой мировой войны, и хоть не все откликнулись на этот благородный призыв, все же, международный закон о более гуманном ведении был принят». Да, на бумаге был принят, а на деле где это и в чем показалось? — В употреблении удушливых газов, разрывных пуль в Первую мировую войну, или во Вторую мировую войну стелением «ковров» из бомбовозов на открытые города, а потом и употребление атомных бомб в Японии, когда страна готовилась уже стать на колени и молить о мире. И бомбы бросались не на военные объекты, а на мирные города.

А какой прок вышел от установления заведений вроде «Международного Суда в Гааге», «Лиги Наций» или «Объединенных Наций», основанных на идеалах царя Николая II? Несмотря на существование этих «гуманитарных учреждений», Вторую мировую войну не удалось избежать, и даже теперь по целому свету ведутся непрерывные войны. А «Объединенные Нации», доящие американский народ огромными взно-

сами на их содержание, служат лишь притоном для коммунистических шпионов. На выносимые же ими «резолюции» все, даже и самые маленькие государства, не обращают никакого внимания.

Статья И. Охотина пропитана «благими намерениями» и идеализмом. Но надо здраво смотреть на вещи и осознать, что время идеализма давно прошло, если и было когда-нибудь.

Е. Кормилев.

10 ЛЕТ ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ.

Эта книга Бориса Ганусовского уже давно ждала своего издателя. И только сейчас Русское Национальное Издательство Владимира Азара, поставившее себе целью издавать книги о том, чего нельзя забыть, издало монументальный труд Б. Ганусовского на четырехстах страницах которого рассказана жуткая быль голгофы нашей родины, где вера в Бога, свободная мысль, любовь к своей стране и стремление вернуть ее от интернационализма на путь исторической правды считалось тягчайшим преступлением, неизмеримо большим чем любое уголовное.

Автору, который яркими мазками, как художник, творит законченное целое, удалось описанием отдельных событий составить общую картину страдания нашего народа в послевоенную сталинскую бесправную эпоху. Это дневник наблюдателя, стоящего в стороне от описываемых им событий и в то же самое время всем существом своим участвующим в них. Надо было быть очень сильным человеком, чтобы, идя по скорбному десятилетнему пути заключения, в которое бросило его предательство англичан, чтобы суметь найти в этих бесчеловечных условиях частицу души у раздавленного системой заключенного и той же системой обезличенного охранника.

«Я убедился еще и в этом», говорит автор, «и это служило отрадой, что хороших людей гораздо больше, чем плохих и их влияние изумительно».

Через все страницы книги автор проводит читателя к невысказанной им мысли, что бессмертная душа Человека торжествует над марксистскими палачами правды, которую они стремятся с безумным упорством уничтожить и извратить, в смертельном страхе сознавая, что битву эту они проиграют.

Книга Бориса Казимировича не только еще одно свидетельство о лагерях ГУЛАГ'а, но и поиск будущего России. Вот что увидел он своими слепнувшими, но открытыми глазами и сердцем:

«Молодежь в СССР это совесть России, совесть русского народа. Она упорна и настойчива. Воспитанная в потемках коммунизмом дирижируемой школы, из слепых кротов она превращается в прозревших, инстинктивно тянущихся к добру людей...

.. Я, уже в свободном мире, встречаюсь с нашими соотечественниками, людьми, которые желая Россию для себя, с крайней недоброжелательностью говорят о русском народе, утверждая голословно, что он духовно умер.

Он жив еще и я верю в него. Он еще скажет свое решающее слово».

Книгу Б. Ганусовского надо прочесть

Н. В. К.

25-го июня 1984 г.

«ВЛАДИМИРСКИЙ КОНКУРС»

По примеру прошлых лет в конце учебного года состоялся конкурс учеников Церковно-Приходских Школ в Наяке и Лейквуде. В этом году была предложена следующая тема: «Освоение Сибири».

После тщательного обсуждения работ, комиссия по оценке сочинений вынесла следующее решение:

Ввиду того, что предоставленные работы не осветили событий освоения Сибири после смерти Ермака Тимофеевича и не анализировали громадное значение присоединения Сибири в политическом, экономическом и стратегическом отношении, а только правильно передали содержание статей, которые были посланы Объединением школам для ознакомления с историческими событиями того времени, комиссия постановила выдать только две похвальные премии в размере 75 долларов каждая ученице Св. Покровской школы в Наяке Татьяне Родзянко и ученику Св. Александровской школы в Лейквуде Иоанну Лукьянову.

Ученики Св. Сергиевской Гимназии участвовали в отдельном конкурсе на тему: «Внешняя политика СССР до Второй Мировой Войны».

Участники правильно описали события от революции по 1941 г., но не дали критического обзора этой политики, которая привела свободный мир к страшной и бесчеловечной войне, в которой погибли миллионы сынов русского народа.

Похвальная награда в размере 75 долларонв была присуждена Виктории Пронкевичуте.

От имени комиссии и кадетского объединения, поздравляем всех награжденных за старательно выполненные работы, а всех участников за прояеление интереса к русской истории.

Поздравляем директоров и наставников школ и желаем им сил и здоровья на продолжение их полезной работы с молодежью на национальном поприще.

Надеемся, что на следующий год больше школ примет участие в конкурсе, который мы проведем в середине школьного года, что облегчит работу учеников, наставников и оценочной комиссии.

Конкурсная комиссия предлагает всем однокашникам обратиться к своим приходам, имеющим церковно-приходские школы с предложением участвовать в конкурсе на «Владимирскую Тему», время проведения которого, может быть согласовано с комиссией.

Все сведения, касающиеся конкурса можно получить у секретаря Нью-Йоркского Объединения.

Председатель Комиссии
А. Иордан

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ В ФОНД ЖУРНАЛА

И. М. Буланова 5 дол.; А. К. Карпов 1 дол.; О. В. Окшевский 1 дол.; Б. В. Пряништиков 1 дол.; полк. В. П. Тихомиров 10 дол.; П. А. Стефановский 10 дол.; Н. Н. Якимович 9 д.; А. К. Кузменко (Торонто) 10 дол.; Д. Горбенко 9 дол.; А. Иордан 5 дол.; А. Лашкарев 5 дол.; Объединение Кадет в Монреале (через А. И. Перекрестова) 250 дол.; К. Бирюков («в память скончавшегося В. Глинина») 20 дол.; В. Касперович (Австралия) 5 дол.; Е. Гирс 10 дол.; П. Ф. Качин (Австралия) 20 австр. дол. (получено через Е. Иванова. Бельгия); г-жа К. Анненкова 1200 Б. фр.; г-жа Т. Вестерлинг 300 Б. фр.; А. Володимирова 450 Б. фр.; г-жа А. И. Крылова 1600 Б. фр.; г-жа Н. Н. Попова 500 Б. фр.; г-жа Е. Крылова 500 Б. фр.;

г-жа Л. Измайлович 200 Б. фр.; А. Анкудинов 350 Б. фр.; В. Будде 450 Б. фр.; И. Ветров 300 Б. фр.; Е. Иванов 500 Б. фр.; Н. Киевский 500 Б. фр.; Е. Мейер 3067 Б. фр.; Ф. Отзолиг 30 Б. фр.; Б. Рекк 500 Б. фр.; М. Лахматов 450 Б. фр.; Н. Стефанский 1000 Б. фр., Б. Петрович 1039 Б. фр.; кн. Т. К. Багратион 35 дол.; И. Донцов 5 дол.

Всем жертвователям выражаем глубокую благодарность.

Анонс

«Чайковская-Анна Андерсон-Манахан, царская дочь или самозванка»

В одном из ближайших номеров «Переклички» выйдет историко-критический очерк, автор которого впервые, используя до сих пор засекреченные документы Сибирского следствия убийства Царской Семьи, показания важных свидетелей, на основании логичных выводов, приходит к заключению, что знаменитая авантюристка, известная под именем Анны Андерсон (и двумя другими именами) является самозванкой.

Очерк этот значителен тем, что никто из русских исследователей, уже не говоря о западных, за все 66 лет после убийства всей Царской Семьи, не оспорил происков Анны Андерсон и тех темных сил, которые стояли за ее спиной. Напротив, количество авторов, признавших в самозванке царскую дочь великую княжну Анастасию Николаевну, насчитывается десятками.

ХРОНИКА

В пятницу 8-го июня с. г. состоялось бракосочетание

НАТАЛИИ МАКСИМИЛИАНОВНЫ МИХЕЕВОЙ

и

АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА КОТАР

Алексею и Наталии, дочери Татьяны Дмитриевны и пок. Максимилиана Леонидовича Михеева, долголетнего казначея Нью Йоркского Объединения, кадеты желают много счастья в новой жизни.

—

НАГРАЖДЕНИЕ Н. Я. БАБКИНА

На состоявшихся в июне с. г. состязаниях Специальных Олимпийских Игр для инвалидов, происходивших в окрестностях Нью Йорка, шведская сборная команда лучников вышла на первое место.

Одним из трех лучников команды, получивших золотую медаль был Николай Яковлевич Бабкин, кадет 25-го выпуска I Русского кадетского корпуса, выбивший 80% попадания стрел в центральный круг цели. Стрельба из лука производилась с 90, 70, 50 и 30 метров. Каждый лучник выпустил 36 стрел.

Николай Яковлевич, служивший в I Казачьей дивизии, инвалид 2-ой Мировой войны, потерявший ногу, подорвавшись на мине в последние дни войны, что и спасло его от проведенной англичанами предательской выдачи казаков в Лиенце. Он семикратный чемпион Швеции по стрельбе из лука и инструктор лучного спорта в Гетеборге, Швеция, где постоянно проживает. После получения награды он провел несколько дней в Нью Йорке, встречаясь со своими однокашниками по корпусу.

Нью Йоркское объединение и редакция «Кадетской Переклички» поздравляет Николая Яковлевича с наградой и желает ему дальнейших успехов.

—

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Дорогой однокашник!

Прилагаю чек на 15 долларов в счет подписки на три номера. Вообще говоря, я лично доволен тем, что нам удалось отметить 100-летие нашего корпуса, читал с удовольствием. Материал подобран интересно и с любовью.

К сожалению, в моей статье в № 34-ом досадная опечатка на стр. 34-ой в 3-й строке сверху напечатано «обычно проходный» вместо «обычно проходившийся».

Крепко жму руку и всего наилучшего.

Твой **Б. Прянишников.**

—

Дорогой Редактор!

В статье В. С. Данилова «К 100-летию Основания Донского Имп. Александра III Кад. Корпуса», помещенной в № 34 Кад. Пер., по недосмотру Юбилейного Комитета, в списке посетивших корпус, помещена фраза: «Ее Императорское Величество Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна...» (стр. 28). В оригинале статьи, полученной Юбилейным Комитетом, этой фразы нет.

Юбилейный Комитет приносит автору извинение.

И. Квятковский.

—

Многоуважаемый г-н Редактор!

Прошу внести, в очередной номер Переклички поправки к статье Бориса Павлова в № 31-ом о Русской Авиации, до революции.

Первый в мире полет состоялся в 1891 году, или за тринадцать лет до полета аппарата с бензинным двигателем, братьев Райт (Орвиля и Вильбурга), совершивших его в 1903 году.

Первый полет был совершен племянником конструктора капитана первого ранга, Александра Федоровича Можайского, Александром Степановичем Можайским. Он решил сам испытать «Летунью», как назывался самолет, созданный его дядей. Пролетев 62-63 сажени Летунья скользнула на левое крыло, ибо паровой двигатель перестал работать. Полет не повредил испытателя.

Кроме этого Б. Павлов ошибочно сообщает, что полковник С. К. Шебалин окончил Авиационную школу. Он никакой школы не кончал, а научился летать самоучкой и был очень хороший летчик.

Школы Летчиков Наблюдателей
Штабс-Капитан Стефановский,
кадет Полочанин, выпуска 1912 г.

28 февраля 1984 г.
Сан Франциско.

—

ВЫПИСКИ ИЗ ПОЛУЧЕННЫХ ПИСЕМ ИЗ МОСКВЫ

6/19 н оября 1983

... С письмом получил несколько номеров Русского Возрождения, службу Св. Новомученикам, две брошюры о Русской Зарубежной Церкви, три номера Кадетской Переклички,

один номер Православного Обозрения, номер Наших Вестей.

Очень трогательные и интересные журналы Канадской Переклички. Особенно полезны для молодежи, т. к. вселяют дух бодрости...

—

22 июня 1984

Глубокоуважаемый Господин Гирс!

Только что получил письмо из Москвы, датированное 22 марта 1984 г.

Повидимому, еще одна из наших посылок дошла до нашего корреспондента в Москве. Он пишет: «Кадетская Перекличка, Наши Вести и подобная литература имеет бодрящее воздействие, особенно на молодежь, которая имеет о гражданской войне лишь общее представление. Полезен дух противостояния».

Спасибо за то, что даете нам возможность отправлять Ваш ценный журнал в Россию.

—

К СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ДОНСКОГО ИМП. АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

15 февраля 1883 г. Император Александр III и Государственный Совет утвердили проект создания Донского Кадетского Корпуса, который скоро и был приведен в исполнение. Кадетский Корпус был учрежден в городе Новочеркасске, Донской Области.

Казаки всегда были и есть степенны, достойны своего звания. Они свято чтили старые казачьи обычаи и обряды. Они гордились званием КАЗАКА и бережно хранили войсковые мундиры.

Открытие Кадетского Корпуса было особенно ценно для казаков, ибо казаки видели в будущих воспитанниках корпуса продолжателей, хранителей и защитников лучшей старины казачества и России.

Многие кадеты окончили Николаевское Кавалерийское Училище, которое было открыто в 1890 г. в С. Петербурге; первым командиром казачьей сотни был донской казак В. Старшина Дьяков. Некоторые окончили Академию Ген. Штаба и занимали высокие должности вплоть до командования армиями...

Многие проявили себя в искусстве, в науке, в литературе, в художестве, в медицине и т. д.

По старой казачьей традиции Дон завещал своим сынам бороться одному против десяти и «охулки» на руки не давать.

Всегда Донцы помнили, что они потомки Ермака и Азовского Сидения.

Донские Кадеты оказались более чем достойными потомками Тихого Дона и Матери России.

Где только не побывал казак. Где только он не сложил свою голову. Многие ушли в другой мир — **мир вечной тишины.**

Да будет легка им земля и вечна память о доблестных сынах России Донских Кадетах, положивших свою голову за Православную Веру — за Святую Русь.

Вам, ныне здравствующим, да ниспошлет Всевышний здоровье и радость дожить до **Светлого дня Возрождения России** и уничтожения коммунистической власти с нашей планеты.

Профессор
Николай В. Федоров ДСЕ
Атаман Донских Казаков за Рубежом.

—

Вечная **память**

ушедшим однокашникам

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

В Рио-де-Жанейро, 10-го июля 1984 г., скончался от сердечного приступа

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ КОРЧИНСКИЙ

кадет Русского кадетского корпуса 8-го выпуска.

—

Преклоняясь перед волей Всевышнего, кадетская Семья в гор. Аделаида (Австралия) с глубоким прискорбием извещает о внезапной кончине в ночь на 29-ое марта 1984 г. члена Семьи

МИРЫ НИКОЛАЕВНЫ КОССАЧ

вдовы кадета Полтавского кадетского корпуса, основателя и многолетнего председателя когда-то большой кадетской Семьи.

Сыну покойной с семьей, родным и родственникам выражаем искренее соболезнование и сочувствие в постигшем их тяжелом неутешном горе.

Старший в Кадетской Семье
В. Тихомиров

—

В гор. Торонто, Канада, 21 февраля 1984 г. в возрасте 93-х лет скончался капитан

ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ БЕНДЕР

кадет 4-го выпуска Одесского кадетского корпуса.

—

1 марта с. г., в Лос-Анжелосе скончался

Инж. НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ЕВСЕЕВ

кадет 39-го выпуска Донского кадетского корпуса.

—

20-го февраля с. г. в Брюсселе, Бельгия, скончался казак станицы Новочеркасской

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КОСОРОТОВ

кадет 33-го выпуска Донского Кадетского корпуса.

—

Вдова Татьяна, ур. Морозова, сообщает о смерти 3-го мая 1958 г. в Брюсселе

ИВАНА ЧУМАКОВА

кадета 36/37 выпуска Донского кадетского корпуса.

—

13 июня с. г. в Нью Йорке скончалась

АГНИЯ МИХАЙЛОВНА МИХЕЕВА

вдова полковника Леонида Михайловича Михеева военно-научного деятеля.

—

10 июля с. г. в гор. Си Клифе, США, скоропостижно скончалась

КЛАВДИЯ ВАСИЛЬЕВНА БАЗАРЕВИЧ
(урожденная Пронина)

вдова пок. Владимира Базаревича, кадета 8-го выпуска Русского Кадетского Корпуса.

—

ПАМЯТИ АРХИЕПИСКОПА НИКОНА.

12-го июня 1983 г. скончался архиепископ Никон, в миру **Алексей Греве,** кадет Тифлисского, Е.И.В. Вел. Кн. Михаила Николаевича кад. корпуса. С 1952 года и по 1958 год владыка Никон находился в г. Торонто, Канада, на посту епископа Торонтского, при храме Христа Спасителя, Северо-Американской юрисдикции. В числе прихожан этого храма, в начале пятидесятых годов, были: Е.И.В. Вел. Кн. Ольга Александровна, а также многие кадеты российских и зарубежных корпусов из Югославии. Владыка Никон, как бывший кадет и офицер императорской гвардии, был главным инициатором создания Обще-Кадетского Объединения в г. Торонто и был его почетным председателем.

Архиепископ Никон оставил добрую о себе память в сердцах кадет и прихожан храма за помощь нуждающимся, бескорыстность и доброту.

На девятый день после кончины Владыки Никона, кадетами Объединения в г. Торонто, была отслужена панихида в храме Христа Спасителя. Похоронен Владыка Никон на Сан-Женевьевском кладбище во Франции, по желанию покойного владыки.

Вечная память почившему Владыке и да будет легка ему земля на чужбине!

Объединение Кадет в г. Торонто.

Редакция приносит извинения Объединению Кадет в гор. Торонто за запоздалое печатание некролога.

—

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ВЕНЕОСОВ.

В гор. Лейквуд, США, 4 апреля с. г. скончался вице-урядник 39-го выпуска Донского, Императора Александра III кадетского корпуса

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ВЕНЕОСОВ.

Родился покойный в 1905 году в Феодосии в Крыму. Среднее образование начал в феодосийской гимназии, но революция прервала учение. Старший брат офицер, а позже и Владимир ушли в Добровольческую армию. Под Жмеринкой он был ранен в ногу с раздроблением бедра и отправлен в одесский госпиталь, где случайно встретил своего брата тоже раненного и свою сестру ухаживавшую за братом. Это была последняя встреча в России. Встретил он их много позже в Югославии.

С госпиталем он был эвакуирован в Александрию в Египет, где Владимир поступил в Донской корпус. После расформирования корпуса переехал в Югославию во Второй Донской кадетский корпус и закончив его в 1928 г. поступил на Технологическое отделение Технического факультета Белградского Университета. После сдачи кандидатских экзаменов закончил землемерные курсы и уехал на съемки в Южную Сербию. Во время войны был на работах в Германии, а по ее окончании переехал в США. В 1977 году издал карту России с обозначением главных монастырей. Был в Лейквуде секретарем Кредитного Союза, членом об-ва «Родина» и прихожанином местной церкви.

Мир праху твоему, дорогой друг.

ПАМЯТИ БЕЛОЙ СЕСТРЫ.

Своей матери Александре Павловне Слюсаревой, ур. кн. Кметинской, вдове кадрового офицера С. А. Слюсарева, погибшего в Восточной Пруссии в августе 1914 года, посвящаю я эти строки.

В 1918 г. Дроздовский полк вошел в Новочеркасск, пройдя

походным порядком страдный путь из Румынии в Донскую область. Александра Павловна с сыном Сережей, кадетом Донского Императора Александра III кадетского корпуса, жили в то время в Новочеркасске и сын, убежав из корпуса, присоединился к полку. Однако мать разыскала сына и догнав полк, вернула его в корпус, а сама осталась в полку старшей сестрой. За три года с 1918 до 1920 с полком она участвовала в бесчисленных боях и стычках с противником, зачастую совершая перевязки на передовой. На поле боя она была ранена в висок, чудом сохранив жизнь. За отвагу была награждена георгиевской медалью. С полком покинула Родину, с полком оставалась в Галлиполи до его расформирования, переехав затем в Париж, где по просьбе ген. Баратова вступила в Союз Русских Военных Инвалидов и работала в нем до конца своего жизненного пути.

Светлый образ Твой сохраню навеки,

сын Сергей.

От Редакции: Сергей Слюсарев был награжден георгиевским крестом 4-ой степени за бои на Перекопе. Знак отличия он получил будучи кадетом Крымского кад. корпуса в 1925 г. из рук ген. бар. П. Н. Врангеля.

—

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave., Montreal.
Quebec. H3N 2K4 CANADA.